ЧИГАШЕВА Марина Анатольевна — заведующая кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук, доцент. Сфера научных интересов — семантика современного немецкого языка в сопоставлении с русским, политический дискурс, лексикология и фразеология, переводоведение

ЕЛИЗАРЬЕВА Мария Алексеевна — старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук. Сфера научных интересов — лексическая семантика, языковые контакты, билингвизм, немецко-чешский языковой контакт, политический дискурс

ЛАРИНА Татьяна Сергеевна — преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных интересов — лингвокультурология, межкультурная коммуникация, коммуникативная прагматика, лингвистика текста

КРЯЧКОВА Александра Павловна — преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук. Сфера научных интересов — когнитивная лингвистика, лингвопрагматика, дискурс-анализ, политическая лингвистика

ISBN 978-5-9228-2455-2

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Кафедра немецкого языка

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

Монография

Под редакцией
кандидата филологических наук В.А. Нагумановой

Утверждено редакционно-издательским советом
МГИМО МИД России в качестве учебного пособия

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2021

УДК 811.112.2
ББК 81.2Нем
К90

Рецензенты:
ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН
доктор исторических наук *В.П. Любин,*
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ
кандидат филологических наук *А.И. Хлопова*

Авторы:
М.А. Чигашева, М.А. Елизарьева, Т.С. Ларина, А.П. Крячкова

К90 **Культурно-маркированная лексика политического дискурса Германии** : монография / М.А. Чигашева, М.А. Елизарьева, Т.С. Ларина, А.П. Крячкова ; под редакцией В.А. Нагумановой ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра немецкого языка. — Москва : МГИМО-Университет, 2021. — 203, [2] с.

ISBN 978-5-9228-2455-2

В монографии, выполненной на стыке различных научных дисциплин — лексикологии, ономастики, дискурсологии, лингвокультурологии, социолингвистики, межкультурной коммуникации, представлены результаты лингвистического анализа специфических понятий политического дискурса современной ФРГ. Исследование проводилось на материале текстов публичных выступлений лидеров консервативных партий Германии ХДС и ХСС (CDU/CSU) и их молодежной организации «Молодежный союз ХДС/ХСС» (Junge Union) на традиционных для этой страны мероприятиях: Politischer Aschermittwoch («политическая пепельная среда») и Deutschlandtag (федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС»). В ходе исследования выявлены лексические единицы, описывающие современные политические и общественные реалии ФРГ и содержащие в своей семантике профессиональные, национальные и культурные маркеры. Проанализированы три группы культурно-маркированной лексики (реалии, фоновые и гендерно-маркированные единицы), описаны ее дискурсивные функции (речевые стратегии и тактики, языковая игра, интертекст), определены перспективы дальнейших исследований.

Для магистрантов и аспирантов лингвистических направлений, а также специалистов, интересующихся проблематикой профессиональных дискурсов и лексическими особенностями немецкого языка.

УДК 811.112.2
ББК 81.2Нем

ISBN 978-5-9228-2455-2

© МГИМО МИД России, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

ГЛАВА 1. Культурный компонент значения лексических единиц как лингвистическая проблема . . . 15

1.1. Из истории изучения культурно-маркированной лексики 15

1.2. Культурно-маркированная лексика в межкультурной коммуникации 24

1.3. Классификации культурно-маркированной лексики 32

ГЛАВА 2. Политика и политический дискурс 40

2.1. Политическая ситуация в Германии в период 2017–2019 гг. 40

2.2. Политический дискурс и его основные характеристики 48

2.3. Politischer Aschermittwoch и Deutschlandtag как особый жанр политического дискурса 57

ГЛАВА 3. Лингвистический анализ культурно-маркированных лексических единиц немецкоязычного политического дискурса 65

3.1. Ономастическая классификация реалий 65

3.2. Гендерно-маркированные единицы 99

3.3. Фоновые единицы политического дискурса . . . 108

ГЛАВА 4. Дискурсивные функции культурно-маркированной лексики в публичных выступлениях 129
4.1. Речевые стратегии и тактики 129
4.2. Культурно-маркированная лексика и языковая игра 148
4.2.1. Языковая игра: определение и типы 150
4.2.2. Языковая игра с культурно-маркированной лексикой как прием речевых стратегий на «политической пепельной среде» 155
4.3. Роль культурно-маркированной лексики в интертексте 163

Заключение 175

Список литературы 185

Abstract 204

ВВЕДЕНИЕ

Окружающая человека действительность объективна по своей природе, однако каждый язык отражает ее по-своему. Наиболее заметно эти различия проявляются на лексическом уровне. Именно в слове язык накапливает важную информацию об окружающем мире, включая культурно-специфические особенности того или иного сообщества, и именно слово хранит и передает отличительные черты исторического развития и современного состояния нации и ее культуры. По этой причине культурно-маркированная лексика представляет собой богатый материал для лингвистических исследований. В данной монографии представлены результаты анализа культурно-маркированных единиц немецкоязычного политического дискурса, выявленных в текстах публичных выступлений политических деятелей консервативных партий ФРГ. Исследование проводилось в рамках антропоцентрической научной парадигмы на стыке различных дисциплин: лексикологии, ономастики, дискурса, социолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется семантическому анализу культурно-специфических понятий немецкого языка.

Залогом правильного понимания культурно-маркированной лексики является знание культурного и исторического контекста, известного носителям исходного языка, но зачастую скрытого от представителей другой лингвокультуры, из-за чего возможно непонимание или неверное толкование информации, и, как следствие, нарушение процесса коммуникации. Целенаправленный анализ лексики в рамках лингвокультурологического подхода позволяет наиболее полно отразить тенденции в развитии лексики современного немецкого языка, языковую

картину мира его носителей, их менталитет, поведенческие стереотипы и ценностные установки.

Особый статус немецкого языка, а именно его полицентричность, зачастую осложняет его анализ. Немецкий язык, наряду с английским, испанским, персидским, португальским языками, относят к плюрицентрическим языкам, которые имеют широкое распространение в нескольких независимых друг от друга государствах, что при сохранении общности в рамках единого языкового пространства сказывается, тем не менее, на различных уровнях языка. Наибольшие различия, безусловно, проявляются на лексическом уровне. В XX в. немецкие, а затем и отечественные ученые изучали данный феномен и особенности функционирования немецкого языка, обусловленные, прежде всего, историческим развитием немецкоязычного региона, а также беспрецендентной ситуацией разделения единого до 1945 г. государства на два автономных (ГДР и ФРГ), просуществоваших вплоть до 1990 г.

Исследованием национального своеобразия немецкого языка в своих трудах занимались такие ученые и исследователи как У. Аммон (1977, 1995, 2004), Г.К. Артман (2013), Г. Бикель (2000), В. Гаас (2004), В.Д. Девкин (1988), А.И. Домашнев (1983, 2005), А.И. Едличко (2020), В.П. Кляйн (2018), Э.Г. Ризель (1962), Н.Н. Трошина (2020), М.А. Чигашева (2017) и др. Согласно В.Д. Девкину, вариативность пронизывает весь язык, его систему и ее реализацию в речи [Девкин 1988]. Вводя понятие *Vollzentren*, У. Аммон пишет о существовании немецкого языка в виде трех центров — в Германии, Австрии и Швейцарии и указывает на то, что выделенные центры обладают национально-культурной специфичностью [Ammon 1997]. Э.Г. Ризель в своей работе под названием «Национальные варианты немецкого языка» [Ризель 1962] также отмечает существование немецкого языка в трех национальных вариантах (Германии, Австрии и Швейцарии). Одновременно с этим появился термин «плюрицентрическая немецкая языковая культура» (*plurizentrische deutsche Sprachkultur*) [Северова

2016: 16–18]. В научной литературе также упоминается «тезис четырех вариантов» (*Vier-Varianten-These*), в соответствии с которым признавалось автономное функционирование немецкого языка, помимо Австрии и Швейцарии, также в ФРГ и ГДР [там же]. На современном этапе развития немецкого языка четвертый вариант упоминается только с исторической точки зрения (язык ГДР), но остается, тем не менее, в центре внимания ученых. В данной работе по причинам экстралингвистического и лингвистического характера анализируются лексические единицы одного из трех официально признанных национальных вариантов немецкого языка, который функционирует на территории современной ФРГ. В первом случае это обусловлено ведущей ролью этой страны в Европе и на мировой арене, во втором — влиянием именно этого национального варианта на формирование и развитие других вариантов немецкого языка.

Проблематика культурно-маркированной лексики рассматривалась исследователями с разных позиций. Значительный вклад в разработку этой темы внесли Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров (1980, 1990), С. Влахов, С. Флорин (2009), В.В. Воробьев (1994, 1997), А.С. Мамонтов (2000, 2019), Н.Г. Комлев (1969), Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин (1989), В.В. Ощепкова (2004), М. Бенсон (1990), Ч. Фельдеш (2014), А. Вежбицкая (1996, 1999, 2001), В.М. Шаклеин (2010) и др. В своих научных трудах они в значительной мере раскрыли понятие «культурно-маркированная лексика», создав тем самым теоретическую базу для дальнейших исследований.

Актуальность предпринятого исследования связана с необходимостью выявления и описания культурно-маркированных лексических единиц, поскольку в существующих словарях и справочниках лингвострановедческого характера отражена их незначительная часть. Особенно это касается пласта лексики, описывающей современные политические и общественные реалии ФРГ.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые комплексно анализируются лексические единицы немецкого языка, характерные для профессионального (общественно-политического) дискурса и обладающие национальной спецификой.

Объектом исследования являются лексические единицы, имплицитно содержащие в своем значении специфическую информацию, связанную с особенностями культуры и истории немецкоязычного языкового сообщества, понимание и интерпретация которых может вызывать трудности у носителей другого, в нашем случае, русского, языка.

Материалом исследования послужили публичные выступления действующих политиков ФРГ на традиционных для общественно-политической жизни этой страны мероприятиях — *Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag*, не имеющих аналогов в России и известных в российском дискурсе как «политическая пепельная среда» и «федеральный съезд молодежной организации ХДС/ХСС». С лингвистической точки зрения, данные единицы — *Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag* — сами по себе являются примерами культурно-маркированной лексики. Были проанализированы речи лидеров консервативных партий — блока ХДС/ХСС (*die Union, CDU/CSU*) и его молодежного крыла «Молодежный союз ХДС/ХСС» (*Junge Union*). Лексические единицы, содержащие в своем значении специфический культурный компонент, отбирались из выступлений следующих политиков: ХДС — Ангела Меркель (*Angela Merkel*), Аннегрет Крамп-Карренбауер (*Annegret Kramp-Karrenbauer*); ХСС — Хорст Зеехофер (*Horst Seehofer*), Маркус Зёдер (*Markus Söder*); «Молодежный союз» — Пауль Цимиак (*Paul Zimiak*), Тильман Кубан (*Tilman Kuban*).

Выбор материала исследования объясняется спецификой профессиональной сферы деятельности будущих специалистов-международников, подготовка которых осуществляется в Университете МГИМО. Анализируя информацию из печатных, аудио и визуальных источников или выстраивая коммуни-

кацию с зарубежными коллегами, будущим международникам придется сталкиваться с единицами, содержащими специфическую информацию различных сфер деятельности одновременно — политики, экономики, науки, образования, культуры, национальных традиций, религии, спорта и т.п. Для верного понимания интенций собеседника и содержания высказываний необходимо уметь идентифицировать не только само значение слов, но и их лексический фон и скрытый смысл. По этой причине в ходе образовательного процесса в Университете обращается внимание как на языковые, так и на внеязыковые особенности изучаемого языка. Очевидно, что немецкий язык, как иностранный, отличается от родного языка студентов не только набором лексических и грамматических единиц, но и совокупностью языковых феноменов, отражающих культуру страны изучаемого языка, а знание сходства и различия немецкой и русской лингвокультур является одной из формируемых в процессе обучения компетенций. В нашем случае мы исходим из того, что родным языком студентов является русский, и для большинства учащихся он выступает главным средством коммуникации, кроме того, обучение в Университете МГИМО осуществляется на русском языке.

Основная *цель* исследования заключалась в комплексном анализе и систематизации культурно-маркированной лексики немецкого языка в одном из подвидов профессионального дискурса.

Для достижения поставленной цели были решены следующие *задачи*:

1) рассмотрен феномен культурно-маркированной лексики с позиции лингвокультурологического подхода;

2) проанализированы существующие классификации культурно-маркированной лексики на примере различных языков;

3) составлены скрипты публичных выступлений лидеров консервативных партий ФРГ и их молодежной организации;

4) отобраны лексические единицы, обладающие национально-культурной спецификой;

5) систематизированы отобранные лексические единицы с позиции ономастики и разработана ономастическая классификация реалий профессионального дискурса;

6) описаны единицы, содержащие в своем значении национально и профессионально окрашенные маркеры, с точки зрения культурно-исторического контекста;

7) предложены возможные эквивалентные соответствия к некоторым единицам, не имеющим в русскоязычном языковом пространстве вариантов перевода;

8) проанализированы дискурсивные функции культурно-маркированной лексики.

Таким образом, проведенное исследование было направлено на выявление в составе современного немецкого языка лексических единиц, отражающих национальную и культурную специфику, а также на анализ особенностей их функционирования в профессиональном (политическом) дискурсе, что придает ему *практическую значимость*. Полученные результаты в дальнейшем можно использовать при обучении немецкому языку специалистов-международников, что позволит им избегать случаев социокультурной интерференции, правильно воспринимать и интерпретировать информацию на иностранном языке при решении коммуникативных задач в профессиональной сфере деятельности.

В процессе исследования, а также для сбора и анализа практического материала применялись следующие *методы*: описательный метод, метод сплошной выборки, количественный метод, дискурсивный метод, социокультурный метод, по́левый метод.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе анализировалась научная литература по соответствующей тематике. Второй этап включал сбор практического материала. Источником языкового материала послужил видеохостинг youtube.com, где в открытом доступе размещены видеозаписи выступлений упомянутых ранее политиков. Временные рамки были ограничены периодом 2017–2019 гг. по причине

важных политических событий — предвыборная кампания и выборы в бундестаг (2017 г.), внутрипартийный кризис блока ХДС/ХСС (2018 г.), предвыборная кампания и выборы в Европарламент, а также столетний юбилей «политической пепельной среды» и избирательного права женщин в Германии (2019 г.). Очевидно, что изменения, происходившие на политической арене Германии в данный отрезок времени, нашли свое отражение в выборе политическими коммуникантами при речевом взаимодействии друг с другом определенных языковых средств, в том числе и культурно-маркированных лексических единиц. Общая длительность звучания выбранных речей составила — 549 мин., объем составленных авторами скриптов — 8,87 а.л.

На следующем этапе проводился анализ практического материала и систематизация выявленных в скриптах культурно-маркированных единиц. Методом сплошной выборки были отобраны 789 примеров для дальнейшего исследования — слова или выражения, которые, во-первых, отражают культурные и национальные особенности политической сферы деятельности, во-вторых, могут создавать для представителей русской лингвокультуры трудности в процессе восприятия немецкого текста ввиду межкультурных различий, зачастую скрытых расхождений, обусловленных различием национального сознания немцев и русских. Отметим, что отбор подобных лакун позволяет систематизировать уже существующие знания, а также выявлять национально-культурную специфику исследуемого языка. Анализируемые единицы рассматривались внутри контекста, в котором они употреблялись. На основе анализа описанных в научной литературе классификаций и отобранных единиц разработана ономастическая классификация реалий профессионального дискурса.

Исследование также включало описание значения, исторического и культурного контекста единиц, содержащих в своей семантике специфические национальные и профессиональные маркеры. С этой целью привлекались доступные

открытые источники, прежде всего, ресурсы сети Интернет: сайты различных официальных ведомств и организаций, политических партий, средств массовой информации, сайты-справочники, словари, форумы и т.п. Для правильного толкования и более точного описания некоторых единиц авторы обращались за консультацией к носителю немецкого языка (Борис Блахак, Dr. Phil., научный ассистент кафедры славистики и германистики Западночешского университета, г. Пльзень), а также действующим дипломатам, которые сталкиваются со специфическими понятиями в процессе своей профессиональной деятельности и могут разъяснить некоторые, скрытые от широкой общественности, значения. Теоретические положения данной работы проиллюстрированы наиболее яркими примерами.

Результатом проведенного исследования стала данная монография, состоящая из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников. Во введении обосновывается выбор темы, актуальность и новизна работы, указываются методы и задачи лингвистического анализа. Первая глава посвящена рассмотрению теоретических основ изучения культурно-маркированной лексики. Во второй главе анализируется внеязыковой фон проведенного исследования и его отражение в лингвистической проблематике. Анализ практического материала представлен в третьей и четвертой главах монографии. Особое внимание обращается на семантические и дискурсивные характеристики единиц, содержащих в своем значении национальную и профессиональную специфику. Каждая глава содержит примеры культурно-маркированных единиц, выявленных в ходе анализа скриптов выступлений лидеров консервативных партий, а также подробное описание их национальной и профессиональной специфики. С нашей точки зрения, они наглядно иллюстрируют теоретические положения, на которые опирается данное исследование. В заключении представлены основные результаты исследования и выводы, к которым мы пришли в процессе своей работы.

Анализ культурно-маркированной лексики в единстве семантического, дискурсивного и культурологического подходов представляется перспективным, так как, опираясь на него, возможно:

а) дополнять предлагаемую на основе ономастики классификацию единиц с национально-культурной спецификой;

б) анализировать культурно-маркированную лексику других профессиональных дискурсов;

в) проводить аналогичное исследование других национальных вариантов немецкого языка, функционирующих на территории Австрии и Швейцарии;

г) подробнее изучать дискурсивные и стилистические характеристики устных публичных выступлений;

д) рассматривать культурно-маркированные единицы профессионального политического дискурса с позиции переводоведения, устанавливать эквивалентные, условно эквивалентные и безэквивалентные (лакунарные) единицы, а также определять приемы перевода единиц с национальной спецификой.

Искреннюю благодарность выражаем своим коллегам за ценные рекомендации, высказанные в ходе исследования, а также в процессе подготовки монографии, и надеемся, что данная работа послужит стимулом для изучения особенностей профессиональных дискурсов в единстве социокультурного, семантического и функционального аспектов.

ГЛАВА 1
Культурный компонент значения лексических единиц как лингвистическая проблема

1.1. Из истории изучения культурно-маркированной лексики

Основной чертой современного этапа развития общества безусловно является глобализация. Она пронизывает все сферы жизнедеятельности человека и, конечно, отражается в языке. На первый взгляд кажется, что эти процессы должны способствовать преодолению межкультурных различий и облегчать взаимопонимание между народами, говорящими на разных языках. Однако, реальность далека от идеала, поскольку в языке находят свое отражение также исторические и культурные особенности, специфика менталитета нации, нормы поведения и др. Для успешной коммуникации с представителями иной лингвокультуры недостаточно владения, пусть даже и безупречного, языковыми нормами иностранного языка.

Проблема взаимоотношений языка и культуры трактуется в настоящее время с позиций антропоцентризма. Речь идет о таком подходе, когда язык, по мнению многих исследователей, изучается в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью [Постовалова 1988: 8]. Рассмотрение языковых явлений с этой точки зрения предполагает учет в лингвистическом анализе человеческого фактора, то есть того, как человек воспринимает и познает окружающий мир, какими средствами и приемами он пользуется для решения коммуникативных задач.

Каждый язык в процессе своего развития накапливает специфическую информацию, отражающую особенности исто-

рии, быта, традиций и культуры той нации, в которой он выступает средством коммуникации между членами языкового сообщества. Таким образом, язык представляет собой специфический социальный продукт, иллюстрирующий совокупность представлений всех членов того или иного сообщества об окружающей их действительности. На эту роль языка обращал внимание известный немецкий ученый В. фон Гумбольдт: «Язык <…> связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [Гумбольдт 1985: 324]. Иными словами, эта взаимозависимость проявляется в языковой картине мира и характеризуется национальной, присущей конкретному языковому сообществу спецификой. Американский лингвист Э. Сепир считал, что язык не существует вне культуры, под которой он понимал социально унаследованную совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни [Сепир 1993: 185]. По его мнению, «культуру можно определить как то, что данное сообщество делает и думает, язык же есть то, как думает» [Сепир 1993: 193].

Современные отечественные исследователи также подчеркивали особую роль языка. Так, Н.Д. Арутюнова отмечала, что «язык формирует концепты и суждения <…>, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народа» [Арутюнова 1988: 3]. Н.И. Толстой, известный своими работами в области славистики и фольклора, рассматривал отношения между культурой и языком с позиции целого и части: «Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» [Толстой 1995: 16]. Таким образом, ученый выделял два подхода при рассмотре-

нии языка и культуры — как две части единого целого или как две самостоятельные части. В данной работе мы придерживаемся первого подхода, считая необходимым при анализе собственно языковых явлений учитывать внеязыковую специфику. Очевидно, что схожие явления по-разному передаются в разных языках, это связано с разными фоновыми знаниями и представлениями членов языкового сообщества. Именно эти различия и вызывают интерес лингвистов и филологов.

Будучи первостепенной формой выражения и существования национальной культуры, язык рассматривается как ее часть в рамках множества дисциплин, в частности, лингвокультурологии. Поскольку культура отдельно от языка является предметом изучения культурологии, а язык подробно изучается филологами и лингвистами, лингвокультурологию причисляют к научной дисциплине синтезирующего типа и отмечают ее связь с лингвострановедением, этнопсихо- и социолингвистикой, а также когнитивной лингвистикой.

Задача этнопсихо- и социолингвистики заключается в исследовании механизма порождения и восприятия речи, который реализуется в национальном языке и культуре, в связи с чем является культурно-специфическим. Психолингвистические эксперименты, изучающие различия в поведении народов (как на языковом, вербальном уровне, так и невербально), позволяют выявлять типичные реакции на определенные вербальные стимулы и систематизировать полученные результаты в виде сборников речевых клише, то есть норм речевого поведения, присущих конкретной национальной культуре. В социолингвистике внимание ученых фокусируется на проблеме взаимоотношений языка и общества, отражения в языке специфических особенностей различных социальных групп. Когнитивная лингвистика предполагает исследование того, как окружающая действительность представляется в языке и как человек познает ее с помощью языка. При этом утверждается, что языковая составляющая всегда опирается на культурологические знания.

В настоящее время среди исследователей нет разногласий по поводу системного характера языка, отражающегося на всех его уровнях, в каждом случае в разной степени. Так же единодушно признается, что самым динамичным и одновременно наиболее «культуроемким» (по терминологии С.Г. Тер-Минасовой) является лексический уровень языка. Иначе говоря, лексика несет основную информацию о своеобразии культуры того или иного народа, поэтому «при разборе культурно-маркированной лексики, как правило, в центре внимания — слова и словосочетания» [Тер-Минасова 2000: 147]. Такой же позиции придерживается и польский лингвист А. Вежбицкая, предлагая для обозначения культурно-маркированной лексики термин «лингвоспецифичные единицы». Она считает, что неповторимость, своеобразие и национальный характер той или другой культуры находит свое отражение, в первую очередь, в лексическом значении слова и выступает как исторически закрепленная в сознании людей соотнесенность слова с определенным явлением действительности, а значения слов «отображают и передают образ жизни и способ мышления, характерные для определенного языкового сообщества, они являют собой бесценные ключи к пониманию культуры» [Вежбицкая 2001: 18]. На этом основании признается, что помимо сигнификативной, номинативной, коммуникативной, экспрессивной и прагматической функций слова обладают также кумулятивной, то есть накопительной функцией. Она выражается в способности фиксировать, сохранять и передавать дополнительную информацию культурно-исторического характера, включая социальный опыт членов языкового сообщества.

Попытки анализа культурно-маркированной лексики, то есть лексики, имеющей в своем составе социокультурный компонент, предпринимались всегда, системный характер они приобрели во второй половине прошлого столетия. Особое внимание на данный феномен обращали советские и позже российские ученые. Проводились, в частности, исследования на материале русского языка как иностранного и на матери-

але западноевропейских языков. Впервые термин «лингвострановедческая теория слова» предложили Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, считающиеся в отечественной науке основоположниками лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1980, 1990]. Именно эти ученые обосновали необходимость привлечения и учета лингвострановедческих знаний. В процессе обучения русскому языку как иностранному они рекомендовали знакомить учащихся с национально-культурными речевыми стереотипами, особенно ярко проявляющимися в строевых единицах языка. Сюда, по их мнению, относятся слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки, крылатые выражения).

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяли следующие группы лексики, обладающей национально-культурной спецификой: безэквивалентную лексику, фоновую лексику и коннотативно-маркированную лексику. Такое разделение национально-специфической лексики на группы основывалось на положениях о языковом знаке, обозначаемом предмете (денотате) и значении слова (сигнификате). Так, безэквивалентная лексика характеризуется отсутствием денотата и языкового знака, либо отсутствием языкового знака, при этом присутствием денотата в сопоставляемых культурах, что вызывает особые сложности при переводе данных единиц, возможном только с помощью описания или создания неологизмов. Отечественный исследователь И.Е. Аверьянова различает следующие виды безэквивалентности: вещественную, лексико-семантическую и стилистическую. Первая связана с отсутствием денотата в культуре определенного языкового сообщества. Вторая (лексико-семантическая) обусловлена разным представлением действительности в языке. Третий вид безэквивалентности вызван нарушением привычной сочетаемости и употребления слов [Аверьянова 1984: 26–27].

Коннотативная лексика связана со значением слова, с такой его составляющей как ассоциация, через которую лексические единицы обозначают отличительные свойства денотата,

а не просто именуют его. Эти слова называют предметы, имеющие, с одной стороны, аналоги в других культурах, с другой, получившие в определенном языковом сообществе на основе культурно-исторических ассоциаций дополнительные значения. По мнению В.Н. Телия, коннотативный аспект значения представляет собой своего рода интерпретацию или дополнение денотативного аспекта разнообразными сведениями ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического или мировоззренческого характера [Телия 1996: 107]. Признавая за коннотацией способность отражать культурно-значимую маркированность слова, она выделяет два типа культурно-маркированных единиц: в первом культурно-значимую специфику отражает денотативный аспект (сюда относятся реалии материальной, духовной и социальной культуры), во втором — коннотативный аспект значения [Телия 1996: 235]. На этом основании в группу коннотативной лексики включается и эквивалентная лексика с ярким культурным компонентом, который выражается в ее значениях.

Фоновая лексика также связана со значением слова, а именно с его второстепенными признаками (его лексическим фоном), ответственными за тематическую сочетаемость, а также за синтаксические связи, незнание которых может стать причиной коммуникативных сбоев. Считается, что лексический фон значения шире лексического понятия: разные единицы могут быть эквивалентными на уровне лексического понятия, но неполноэквивалентными на уровне лексического фона. И.Е. Аверьянова отмечала, что к фоновой лексике относятся слова или выражения, отличающиеся от эквивалентных иноязычных слов некоторым дополнительным содержанием и сопутствующими семантическими или стилистическими оттенками, которые накладываются на его основное значение и известны представителям определенной языковой культуры [Аверьянова 1984: 39–40]. В качестве примера фоновой лексики другой исследователь, Н.Е. Меркиш, упоминает такие лексемы, как *der Flohmarkt, die Universität, der Kindergarten, das*

Studentenwohnheim, die Schule и др. [Меркиш 2020а: 60–65]. Ученый отмечает, что при сопоставлении этих и подобных единиц с их аналогами в русском языке обнаруживается значительный объем дополнительных культурно-специфических сведений, и объясняет это различным лексическим фоном. Несовпадение фоновых сведений может приводить к социокультурной интерференции. Так, например, *университет* в России и *Universität* в Германии являются только отчасти сопоставимыми понятиями. Последний отличается от российского аналога порядком зачисления, отсутствием учебных групп, наличием индивидуальных учебных планов, порядком и особенностями сдачи экзаменов и т.п.

В связи с развитием социокультурного подхода в преподавании иностранных языков и лингвокультурологической модели перевода, возрос интерес к изучению лексики, отражающей особенности национальной культуры того или иного языкового сообщества, и, таким образом, к различиям в лексическо-семантических системах разных языков. На способность языковых единиц отражать культурный компонент указывали в своих трудах И.Е. Аверьянова (1984), А.А. Брагина (1986), Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров (1980, 1990), В.И. Карасик (1992, 2000, 2002), Ю.К. Караулов (1987), А.В. Кунин (2005), Д.Г. Мальцева (2001), В.В. Морковкин (1990), В.В. Сафонова (1992), В.Н. Телия (1991, 1996), С.Г. Тер-Минасова (2000), Г.Д. Томахин (1988, 1997), И.И. Халеева (1989), В.И. Хайруллин (1996) и др. Национально-культурный компонент лексики немецкого языка рассматривали В.П. Берков (2001), Д.О. Добровольский (1997), А.И. Домашнев (1983), Н.Е. Меркиш (2020), Л.М. Сапожникова (2015). В центре внимания некоторых исследователей находятся также национальные варианты немецкого языка, например, швейцарский вариант [Воронко 2019] или диалектная лексика [Блохина 2017]. Однако все предпринятые ранее исследования, как правило, описывали культурно-маркированные единицы в рамках одной лингвистической теории, комплексный подход встречается лишь в некоторых

работах последнего времени, например, при анализе культурно-маркированной лексики итальянского языка [Яшина 2009].

Интерес к рассмотрению лексики, содержащей в своей семантике национальную специфику, вышеперечисленные исследователи проявляли с позиций разных дисциплин: лингвострановедения, лингвокультурологии, переводоведения и др., что предполагало различные подходы к ее анализу. В работах отечественных ученых упоминаются поэтому разные термины для обозначения данного феномена. Н.Г. Комлев, а вслед за ним Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, обозначали его *культурным компонентом* [Комлев 1969: 116; Верещагин, Костомаров 1990], Ю.Д. Апресян — *культурной коннотацией* [Апресян 1995]. В.Н. Телия считала, что речь идет о *национально-культурной (или национально-исторической) коннотации* [Телия 1996]. У В.В. Воробьева встречается обозначение *лингвокультурема* [Воробьев 1997]. Е.Н. Блохина, ссылаясь на работы некоторых отечественных лингвистов, упоминает также следующие термины: *культурная коннотированность лексики, национально-культурная семантика языковых единиц, национально-культурная коннотация* [Блохина 2017: 24]. Подчеркнем, что наибольшее распространение в научной литературе получил термин *национально-культурный компонент* [Попова, Стернин 1984; Карасик 1992]. Именно на него мы будем опираться в данном исследовании. Отметим также, что несмотря на разные подходы и терминологические дефиниции все исследователи признают, что культурно-значимая информация является неотъемлемой частью смысловой структуры слова.

Национально-культурный компонент, содержащийся в лексике, отражает общественное сознание нации в тот или иной период, а исторические события влекут за собой изменение лексического состава. Таким образом, слово выступает носителем фоновых знаний и социокультурной информации. Культурный компонент значения связан с национальной культурой определенного сообщества и, по мнению Г.Д. Томахина, он «свое-

образен, специфичен по своему происхождению и ограничен рамками определенной культурно-языковой общности» [Томахин 1984: 140–142]. Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым мы понимаем культурный компонент значения как «область семантики, ответственную за накопление и хранение культурной информации», как «совокупность знаний, которые относятся к предмету или явлению, обозначаемому словом» [Верещагин Костомаров 1980: 131; 1990]. Иными словами, культурный компонент является той информацией, которая отражает в языке общественное сознание, а историческое развитие нации влечет за собой изменения в языке и, соответственно, изменение фоновой информации лексических единиц.

Данные о лексических единицах с национально-культурной спецификой частично отражены в лингвострановедческих или толковых словарях профессиональной направленности [Куликов и др.; Мальцева; Маркина и др.; Политлексикон]. Однако их анализ показывает, что такие источники содержат описание преимущественно реалий сферы культуры и быта или общеизвестных общественно-политических понятий, в то время как специфические единицы профессиональных дискурсов остаются без внимания. Цель исследования, заключающаяся в комплексном подходе к анализируемым явлениям в одном из подвидов профессионального (общественно-политического) дискурса, обусловливает специфический подход к решению проблем межкультурного взаимодействия, где представление о взаимодействии культур расширяется за счет включения в него помимо межъязыковых контактов также профессионального аспекта. Особый интерес, таким образом, представляет учет взаимодействия между специалистами разных профилей.

Носитель профессиональной культуры обладает особыми знаниями, используемыми им для кодирования и декодирования речи. Преодоление различных профессиональных сознаний коммуникантов является более сложным процессом, чем, например, овладение навыками иноязычного письма, слуша-

ния, говорения. Несовпадение навыков восприятия и переработки особых знаний носителями разных культур может являться причиной коммуникативных сбоев при межкультурном общении. Рассматривая профессии разного типа с точки зрения дифференциальной психофизиологии, автор теории типологического индивидуального стиля деятельности Е.А. Климов отмечал, что общение с профессионалами требует и некоторого мысленного погружения в их своеобразные миры. У стороннего наблюдателя порой нет слов-названий для всего того, что существует перед профессионалами; иначе говоря, перед сторонним наблюдателем открывается часто не более чем «пустота» там, где для профессионалов существуют богатые и разнообразные миры впечатлений, материалов для размышления и практического действия [Климов 1995: 15].

Не вызывает сомнения, что наиболее заметные изменения лексического состава связаны с преобразованиями именно в общественно-политической жизни. По этой причине в данной работе предлагается комплексный лингвокультурологический подход к рассмотрению культурно-маркированной лексики немецкого политического дискурса.

1.2. Культурно-маркированная лексика в межкультурной коммуникации

Под межкультурной коммуникацией понимается адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам, а решение актуальной задачи обучения иностранным языкам, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, видится в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [Тер-Минасова 2000: 79]. Основным условием коммуникации в данной работе признается фоновое знание, то есть знание реалий и культуры, которым взаимно обладают участники процесса коммуникации.

В современном, быстро развивающемся, обществе, подверженном постоянным изменениям, которые сопровождаются в том числе снижением востребованности знаний, умений и навыков, приобретенных членами общества ранее, проблемы межкультурной коммуникации становятся особенно актуальными. Глобализация общественного развития приводит к тому, что одни и те же номинации используются для обозначения разных вещей, ввиду чего возникает диверсификация мнений и парадокс того, что люди, использующие для общения один и тот же язык, не могут найти «общего языка». На осознание феноменов языкового существования, значимых для осуществления взаимодействия представителей разных культур, направлен анализ межкультурной коммуникации.

Стремление к овладению иностранными языками для общения в мире, где стремительно растет число международных контактов, а также привлечение сети Интернет для тренировки навыков межкультурного общения, ставит перед обществом задачу уметь распознавать те знаки, которые позволяют декодировать смысл, культурно обусловленный значениями языковых единиц. Культурный компонент значения языковых единиц может воплощаться в ряде ассоциаций, которые слово вызывает у носителя языка. В.Н. Телия утверждает, что через ассоциативно-образные мотивировки языковых сущностей просвечивает картина мира данного языкового коллектива как отражение наивной логики мироздания и как морально-нравственные каноны практической ориентации в реальной действительности [Телия 1991: 31]. Включению слова в список культурных ассоциаций неносителя определенной лингвокультуры способствует некий «культурный ореол», иными словами, культурный фон, сопровождающий данное слово.

Рассмотрим несколько примеров культурно-маркированной лексики, выявленной при анализе публичных выступлений современных политических деятелей ФРГ в рамках специфического для общественно-политической жизни ФРГ мероприятия — «политической пепельной среды». Так, сло-

восочетание *Sommer 1989*, дословно переводимое на русский язык как ‘*лето 1989*’, вербализует понятие, которое не должно вызывать сложности при интерпретации, так как является схожим по компонентному составу и общности значения в целом ряде языков. Однако, для раскрытия глубинного смысла языковых знаков и их выражения требуется применение внеязыкового способа, то есть обращение к культурологическому комментарию. Для Германии лето 1989 г. не было похоже на все предыдущие. Падение Берлинской стены в ноябре 1989 г., знаковое событие, и западные, и восточные немцы считают одним из самых «счастливых» в истории своей страны. Но еще летом того же года ситуация на востоке, в ГДР, была довольно напряженной, и многие граждане искали пути эмиграции из страны. После того, как министры иностранных дел Венгрии и Австрии демонстративно пробили дыру в заборе из колючей проволоки на границе, многие граждане ГДР отправились в Венгрию под предлогом поездки на летние каникулы, чтобы оттуда преодолеть «железный занавес». К этому моменту системы безопасности между Австрией и Венгрией уже были частично разрушены — в том числе из-за их плохого состояния. В середине июля западногерманская пресса сообщила о растущей волне беженцев из ГДР через Венгрию в Австрию. Более 50 000 человек покинули ГДР только в июле и августе. 19 августа 1989 г. несколько сотен граждан ГДР использовали так называемый «общеевропейский пикник» на венгерско-австрийской границе как повод для бегства из страны. В результате правительство ГДР запретило поездки в Венгрию. Известно, что летом 1989 г. в общей сложности 120 000 человек обратились в соответствующие органы с просьбой разрешить им покинуть страну.

Проанализированный выше пример показывает, что знания о культуре, закодированные в культурно-маркированных единицах, неотделимы от лингвокультурологической компетенции, а их интерпретация возможна только с помощью лингвокультурологического подхода к исследуемым едини-

цам, раскрывающим национальную специфику обозначаемых предметов действительности. Упоминание в текстах различных типов данного словосочетания (*Sommer 1989*) отсылает адресата к конкретным историческим событиям и описывает внеязыковую действительность того периода, которую необходимо учитывать в процессе коммуникации с представителями данной лингвокультуры.

Методика лингвокультурологического исследования заключается в обнаружении лексических единиц, обладающих культурной маркированностью, путем установления их значения (семантический анализ), изучения их синтаксических связей, а также их прагматики. Проиллюстрируем этапы лингвокультурологического анализа, установив семантику, прагматику и синтаксические связи лексем *Indianer, Scheich, Cowboy,* упоминаемых в речи А. Крамп-Карренбауер в рамках «политической пепельной среды» в преддверии карнавала 2019 г. Казалось бы, данные лексемы имеют эквиваленты в русском языке и не могут вызывать сложности при переводе. Однако, важным является контекст, в котором данные лексемы употребляются: *Und ehrlich gesagt, wenn ich an Kinder, wenn ich an Familie denke, dann denke ich weniger daran, welche Empfehlung man ausgeben muss, ob ein Kind als Indianer oder Scheich in den Kindergarten kommen darf, sondern ehrlich gesagt, ich wünsche mir ein Land, ich wünsche mir ein Deutschland, in dem Kinder einfach Kinder sein dürfen, in dem sie draußen Cowboy oder Indianer spielen dürfen, in dem sie im Kindergarten wahlweise mit der Puppe oder mit Lego spielen dürfen, wie sie es wollen, ohne dass man ihnen mit drei Jahren schon sagt, dass sie kultursensibel sein müssen, das ist doch alles ein Wahnsinn, was wir hier erleben. — И честно говоря, когда я думаю о детях, когда я думаю о семье, тогда я меньше всего думаю о том, какие рекомендации нужно давать, разрешать или нет ребенку прийти в детский сад переодетым в индейца или шейха, честно говоря, мне хотелось бы видеть такую страну, такую Германию, в которой дети имеют право быть просто детьми, в которой они имеют право играть на улице*

в ковбоев или индейцев, в которой они имеют право выбирать, играть им с куклой или с конструктором Лего, а не слушать уже в трехлетнем возрасте, что им нужно считаться с особенностями других культур (проявлять культурную чувствительность), это все какая-то паранойя, то, что мы сейчас наблюдаем (здесь и далее — перевод авторов).

Итак, мы понимаем, что речь идет о праздновании карнавала (*Karneval*[1]) и о костюмах для детей. В 2019 г. накануне карнавала администрация одного из детских садов Гамбурга запретила родителям переодевать детей в костюмы индейцев, ковбоев и шейхов. Таким образом в Германии представляют себе борьбу с расовыми стереотипами, которые могут задеть представителей этнических меньшинств. Руководство детского учреждения порекомендовало не формировать в детях расовые и гендерные предрассудки и учитывать, что костюм может кого-то оскорбить. Этот случай — наглядный пример того, как единицы «индеец», «ковбой» и «шейх» получили в данном случае дополнительный лексический фон, дополнительные культурные маркеры, с которыми необходимо считаться при декодировании информации из немецкоязычных источников.

Отметим, что во избежание языковой бестактности или прямолинейности в отношении социальных характеристик собеседника, в межкультурной коммуникации сегодня объективируется такое понятие как политическая корректность языка, задачей которого является подбор иных способов языкового выражения намерения взамен вышеперечисленных. Для иллюстрации гендерного равенства в представленном выше примере А. Крамп-Карренбауер использует пример игры с куклой или

[1] Прим.: *Карнавал* — праздник, имеющий аналоги в других культурах (например, русская масленица), обладает в Германии специфическими чертами, обусловленными религиозными и историческими традициями. Особенно широко отмечается на Рейне. Во время карнавальных шествий мишенью становятся действующие политические деятели, их решения и действия, над ними принято открыто подшучивать и смеяться. Таким образом граждане в шутливой форме поднимают многие насущные политические и общественные проблемы.

конструктором Лего, когда маленькие дети не дифференцируют игрушки по половому признаку и не делят их на мальчишечьи и девчачьи. Лишь в конце долгого, почти умозрительного объяснения на примере детей в речи лидера ХДС появляется лексема *kultursensibel* (букв. '*культурная чувствительность*', то есть непредвзятое отношение к различным аспектам другой культуры), значение которой складывается из входящих в нее сем. Все это дает понять, что фоновая лексика немецкого языка не столько передает содержание определенного слова, сколько делает общее понимание проблемы более доступным, иными словами, создает тот общий культурный фон для восприятия ситуации в целом.

Эту же тему в 2019 г. в своем выступлении на съезде «Молодежного союза» в Берлине поднимает и П. Цимиак: *Wenn wir diskutieren über die Frage, wie sich Kinder zu Karneval verkleiden dürfen, ob als Scheich, Kardinal, oder Indianer, ob das erlaubt oder verboten gehört. Und dann habe ich dieses Schreiben gelesen von den Erzieherinnen und Erziehern dieser Kindertagesstätte an die Eltern, dass eine Verkleidung <…> als amerikanischer Erstbewohner unter ihnen nicht gewünscht ist. Braucht zwei Minuten zu verstehen — Indianerverkleidung. — Если мы обсуждаем вопрос, могут ли дети надевать на карнавал костюмы шейха, кардинала или индейца, допустимо ли это или лучше запретить. И потом я читал это обращение воспитателей детского учреждения к родителям, что наряды американских аборигенов у них не приветствуются. Нужно всего две минуты, чтобы понять — речь идет о костюмах индейцев.* Так же, как и его соратница, П. Цимиак призывает заниматься более серьезными вопросами и не придавать дискуссиям о, возможно, «мнимой» политкорректности такого значения. *Liebe Freundinnen und Freunde, wir sollten zu einer Debatte kommen über die wichtigen Probleme <…> ich finde es gut, dass Annegret Kramp-Karrenbauer da <…> gesagt hat „lasst uns über die wichtigen Probleme sprechen" und nicht über diese Debatte der letzten Tage. — Дорогие друзья, нам следует перейти*

к обсуждению важных проблем <…> и я поддерживаю Аннегрет Крамп-Карренбауер, которая сказала 'давайте говорить о серьезных проблемах', а не о теме последних дней.

Помимо грамматических, лексических, семантических, коммуникативных и паралингвистических параметров, культурную специфику отражают также стереотипные представления [Бальян и др. 2017: 51–53], существующие в определенном лингвокультурном пространстве. Под стереотипными представлениями понимаются принятые в исторической общности образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанные на предшествующем социальном опыте [Липпман 2004]. В качестве примера приведем фразу *Made in Germany* (*сделано в Германии*[1]), которая со временем получила значение своеобразного «знака качества», то есть свидетельствует о высоком качестве товара, произведенного в Германии. Германия, родина автомобиля, славится почти безупречным качеством этой продукции. Здесь и по сей день производят транспортные средства в соответствии с самыми высокими стандартами безопасности. Однако, в настоящее время в обществе, под влиянием «зеленых», взят курс на экологически чистые стандарты и, поскольку дизельные двигатели загрязняют воздух, во многих крупных городах Германии распространен запрет на эксплуатацию автомобилей, работающих на дизельном топливе (*Dieselverbot).* А всем известная фраза теперь интерпретируется как *MAD in Germany* из-за царящего по этому поводу в стране безумия (*Diesel-Wahnsinn*): в некоторых городах обходят принятый запрет, проявляя чудеса изобретательности при измерении выхлопных газов (поскольку отсутствуют единые стандарты и способы контроля), другие сдают на утилизацию тысячи еще вполне пригодных к эксплуатации дизельных

[1] Прим. Знак 'Made in Germany' впервые появился в 1887 г. в Великобритании с целью маркировки товаров низкого качества, произведенных в Германии.

автомобилей в обмен на премии при условии покупки нового, экологически чистого транспортного средства[1].

Еще одним интересным примером в этой связи являются единицы *Abendland* (n) и *Okzident* (m). В этом понятии скрывается определенное стереотипное представление о странах Запада, объединенных общими культурными истоками, которые восходят к античной римской цивилизации. Изначально понятие служило для обозначения стран, возникших на территории бывших провинций Римской империи (Германия, Англия, Франция, Италия, Испания и Португалия) и исповедующих христианство, в противоположность восточным странам, странам восходящего солнца, исповедующим ислам и иудаизм (*Morgenland, Orient*). Во время «холодной войны» данное понятие стало использоваться для обозначения стран западного блока (включая США). После падения Берлинской стены и окончания конфронтации со странами социалистического блока, в понятие *Abendland* стали включать страны Восточной и Южной Европы, таким образом, культурно-религиозный контекст постепенно заменяется географическим. Понятие *christlich-abendländische Kultur* (христианско-западная культура) служит для обозначения культурного единства европейских стран, основанного на общих христианских ценностях. Таким образом, значение данной единицы не лежит на поверхности, а требует внимательного анализа и привлечения дополнительных сведений, которые имеют под собой в том числе исторический контекст.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что одной лишь языковой компетенции отнюдь недостаточно для проникновения в глубинный смысл текста, предстающего как форма существования культуры. Изучение языка должно сопровождаться включением лексической единицы в сеть культурных ассоциаций, свойственных той или иной лингвокультуре.

---

[1] См. Видеохостинг YouTube [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=muGhXTBHKTI (дата обращения: 03.04.2021).

1.3. Классификации культурно-маркированной лексики

Анализ научной литературы показывает отсутствие единых подходов к анализу культурно-маркированной лексики и принципов ее систематизации. По этой причине данная проблема остается актуальной и привлекает внимание ученых.

Подробный обзор терминов, используемых при описании культурно-маркированной лексики, содержится в работе М.И. Святовой [Святова 2015: 18–20]. Ссылаясь на различных исследователей, автор упоминает *безэквивалентную лексику* (слова и устойчивые словосочетания, не имеющие полных или частичных эквивалентов в другом языке), *языковые реалии* (слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта), *слова, обозначающие национально-специфические реалии, лексику со страноведческим культурным компонентом* (слова, содержащие страноведческие данные, обозначающие нравы, обычаи), *фоновую лексику* (единицы, содержащие сведения национального характера), *культурно-коннотативную лексику* (слова, обладающие культурными коннотациями), *экзотическую лексику* (заимствованные слова и выражения для придания речи особого колорита), *варваризмы* (заимствованные слова или выражения, не до конца освоенные в заимствующем языке), *культурно-языковые лакуны, национальные словесные образы, культуремы* (комплексные межуровневые единицы как диалектические единства лингвистического и экстралингвистического). Отметим, что общим для всех терминов является, во-первых, понимание того, что в подобных лексических единицах тесно соприкасаются язык и культура, во-вторых, наличие в семантике слова культурного компонента, в-третьих, отсутствие абсолютных эквивалентов в других языках.

Отечественный исследователь предлагает подразделять культурно-маркированную лексику на три группы: *безэквивалентная лексика, фоновая лексика, коннотативная лексика* [Святова 2015: 22–27]. В первую группу она включает слова,

характеризующиеся особым денотативным значением и, как правило, не имеющие соответствий в других языках. К фоновой лексике, по ее мнению, относятся слова, различающиеся по своей функциональной роли, то есть единицы, «имеющие смысловые соответствия в других языках, но частично отличающиеся от эквивалентных единиц в области денотативной семантики» и слова, «являющиеся эквивалентными в области денотативной семантики, но имеющие различия в коннотациях» [Святова 2015: 23]. Коннотативные единицы обладают дополнительным значением, опирающимся на культурно-исторические ассоциации.

Другой отечественный лингвист, а именно М.Г. Яшина, основываясь на комплексном подходе при анализе лексики итальянского языка, обладающей национально-специфическим компонентом, выделяет два класса: *реалии* (т.е. единицы, обозначающие явления или предметы, релевантные для одной культуры и отсутствующие в другой) и *фоновую лексику* (т.е. единицы, обозначающие денотаты, релевантные для разных культур, но отличающиеся различным культурным фоном) [Яшина 2009].

Исследуя лексику русского языка на материале англоязычной прессы, издаваемой в России, Н.П. Ясиненко приходит к выводу, что культурно-специфическая лексика призвана наиболее полно отражать национальный колорит и подразделяет ее на шесть классов: *безэквивалентная лексика, фоновая лексика, лакуны, прецедентные тексты* (имя или феномен), *реалии, коннотативная лексика* [Ясиненко 2005: 15]. Некоторые коррективы в предлагаемую классификацию вносит Т.А. Иванкова, считая, что лакуны и реалии следует относить к классу безэквивалентной лексики наряду с топонимами и антропонимами. Она выделяет следующие классы слов, обладающие национально-культурной уникальностью: *безэквивалентная лексика* (лакуны и реалии), *фоновая лексика, прецедентные тексты, коннотативная лексика, тропы* [Иванкова 2011]. При этом Т.А. Иванкова опирается на концепцию

культурологического контекста Т.Г. Добросклонской. Ее автор различает денотативный, коннотативный, ассоциативный и метафорический уровень [Добросклонская 2000: 203]. На денотативном уровне культурный компонент выражен эксплицитно, на коннотативном уровне он содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонах, на ассоциативном уровне культурная специфика представлена в ассоциативных связях лексических единиц, а метафорический уровень объединяет культурно-специфичные сведения, отраженные в образах, релевантных для того или иного языкового сообщества. Т.А. Иванкова делает вывод, что безэквивалентная лексика соотносится с денотативным уровнем, коннотативная — с коннотативным, фоновая лексика и прецедентные тексты выстраивают ассоциативный уровень, а тропы — метафорический [Иванкова 2011: 114].

Подчеркнем также, что понятие «прецедентный текст» было предложено Ю.Н. Карауловым. По его мнению, такие тексты, во-первых, значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, во-вторых, обладают сверхличностным характером, то есть хорошо известны широкому окружению данной личности, включая предшественников и современников, в-третьих, предусматривают неоднократное обращение к ним в дискурсе языковой личности [Караулов 1987: 216].

На основе анализа трудов Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова Н.Е. Меркиш, например, упоминает три класса культурно-маркированной лексики — *реалии, фоновые единицы, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы* [Меркиш 2020а].

Многообразие терминов и подходов к изучению данного лексического пласта свидетельствует о неоднозначности анализируемого языкового феномена и подчеркивает отсутствие единых принципов систематизации национально и культурно окрашенных единиц. Кроме того, предложенные классификации носят общий характер, основаны большей частью на ис-

следованиях художественной литературы, не учитывают всю специфику того или иного языка и тем более особенностей профессионального дискурса. Тем не менее отметим, что, несмотря на некоторые различия, во всех упомянутых классификациях выделяются две группы: *реалии* и *фоновая лексика*. В этом случае разные исследователи проявляют единодушие и однозначно относят эти классы к культурно-маркированной лексике.

При анализе практического материала мы ориентировались, прежде всего, на данные классы и разделяем позицию Н.Е. Меркиш относительно классификации культурно-маркированной лексики, так как она, с нашей точки зрения, отличается универсальностью [Меркиш 2020а]. Именно реалии и фоновые единицы могут обозначать специфические понятия и явления не только немецкоязычного языкового и культурного пространства, но и профессиональной сферы деятельности, в нашем случае, политики. Устойчивые словосочетания и фразеологические единства, безусловно, обладают национально окрашенной спецификой, не всегда имеют соответствия в других языках и могут отличаться лексическим значением или фоном. Однако, они, на первый взгляд, не обладают ярко выраженным профессиональным компонентом и требуют более тщательного анализа, что не входило в задачи проведенного исследования.

Считаем необходимым обратить внимание еще на одну группу национально-окрашенной лексики, а именно *гендерно-маркированные единицы*. Их выделение в отдельный класс обусловлено особенностями немецкого языка и языковой политики, а также спецификой профессионального дискурса и, в частности, анализируемого жанра публичных выступлений.

На проблему гендерного равноправия в языке впервые обратили внимание в США в 70-е гг. прошлого века, что стало основой для разработки нового направления под названием «феминисткая лингвистика». Идея оказалась популярной

и быстро распространилась в других странах. В Германии одной из первых этот вопрос в 80-е гг. подняла представительница феминисткой лингвистики Луиза Ф. Пуш. Она указывала на сексистский характер немецкого языка при обозначении лиц мужского и женского пола. Для преодоления дискриминации одного пола и доминанты другого в языке немецкий лингвист предложила термин *geschlechtsgerechte Sprache* [Pusch 2017].

Идеи Л.Ф. Пуш нашли многочисленных последователей и получили свое дальнейшее развитие. В настоящее время гендерное равноправие рассматривается в немецкоязычных странах не только с лингвистической, но и с административной позиции. Так, на законодательном уровне принимаются документы, призванные предотвратить любые формы языковой дискриминации в отношении женщин [см., например, Петрова 2019: 135–136; Едличко 2019: 163]. А.И. Едличко также подчеркивает, что «принцип гендерного равенства, закрепленный в нормативно-законодательных документах немецкоязычных стран, находит свое отражение на различных уровнях языка» [Едличко 2018: 62].

Наряду с грамматическими средствами широкое распространение получили и метаязыковые графические знаки, которые выступают «субститутами неполиткорректной части слова и устранения гендерной асимметрии на письме» [там же]. По утверждению А.И. Едличко, немецкий язык имеет в своем распоряжении достаточно разнообразные средства и графические способы нейтрализации: косая черта (Schrägstrich), скобки (Klammern), астерикс (Gender-Star, Gender-Sternchen), подчеркивание (Gender-Gap), апостроф, восклицательный знак (Ausrufezeichen).

Добавим к этому перечню еще один знак: двоеточие (Doppelpunkt), который используют журналисты. Такие примеры можно встретить, в частности, в берлинском издании Tageszeitung (taz): *Normalerweise reisen zu der mehrtägigen Konferenz Hunderte Teilnehmer:innen an, darunter zahlreiche Staats- und Regierungschef:innen sowie Außen- und*

Verteidigungsminister:innen[1]. — *Обычно на конференцию, продолжительностью в несколько дней, приезжают сотни участников*[2]*, среди них главы государств и правительств многих стран, а также министры иностранных дел и обороны.* Предлагаемый перевод наглядно демонстрирует, что в русском языке отсутствуют средства для выражения гендерного равноправия, как вербальные, так и невербальные, по крайней мере, в настоящее время. Отметим также, что в этой же статье гендерное равноправие распространяется и на служебные части речи, в частности, артикль: *„Wir wollen mit der Friedenskonferenz*[3] *für ein Umdenken und ein Umsteuern werben", sagt Thomas Rödl, eine:r der Organisator:innen, in seiner Eröffnungsrede am frühen Freitagnachmittag. — В своей речи по случаю открытия конференции в пятницу вечером Томас Рёдль, один из организаторов, заявил: «С помощью конференции по вопросам мира мы намерены бороться за новое видение и новый политический курс».* По причине единичного случая указания на гендерную политкорректность, обнаруженного у служебного слова, считаем это политикой редакции данного немецкоязычного издания и авторским стилем журналистов.

Проблематика гендерного равноправия в языке, ставшая особенно актуальной в последние десятилетия, имеет как сто-

---

[1] Tageszeitung-online [Электронный ресурс]. URL: https://taz.de/Muenchner-Sicherheitskonferenz-2021/!5753378/ (дата обращения: 21.02.2021).

[2] *Примеч.:* речь идет о Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, которая в 2021 году из-за пандемии коронавируса проводилась в дистанционном формате. Обычно она открывается в третьи выходные февраля и продолжается три дня. В 2021 г. конференция началась так же в феврале, но включала только выступления участников в режиме онлайн. Обсуждение вопросов безопасности состоится позже, как надеются организаторы, в очном формате, но дата пока не установлена.

[3] *Примеч.:* речь идет об «альтернативной» международной Мюнхенской конференции по вопросам мира, которая проводится пацифистскими движениями и организациями параллельно с основной конференцией в знак протеста к ее, с точки зрения организаторов, мнимому характеру борьбы за мир и безопасность.

ронников, так и противников. Под давлением новой языковой политики, связанной с гендерно-корректным нормированием языка, изменяется и сам язык. Отмечается, что с одной стороны, эти преобразования оживляют культуру языка, с другой, теряется функция обобщения, присущая некоторым лексическим единицам. Некоторые лингвисты указывают, что гендерное равноправие в языке может привести к тому, что слова с признаками мужского рода будут обозначать все, что относится к мужскому полу, слова с признаками женского рода — к женскому роду. А существительные среднего рода, например, *das Kind, das Mädchen*, перейдут в разряд единиц, обозначающих биологически бесполых существ [Петрова 2019: 138]. Ю.Л. Гуманова называет это «лингвистическим геноцидом», который, по ее мнению, проявляется (или может проявляться в будущем) в устранении из языка признаков существования целых категорий и понятий [Гуманова 2000: 200]. С точки зрения других исследователей, следствием преодоления языковой дискриминации может стать так называемый «языковой унисекс» и обесценивание лексики [Синельникова 2001: 28]. На крайности и опасность злоупотребления политкорректностью указывала и С.Г. Тер-Минасова, полагая, что таким образом это положительное в целом явление может дискредитировать себя [Тер-Минасова 2000: 223].

Исследования гендерной проблематики находятся в настоящее время в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. Данный феномен рассматривается с позиции социолингвистики, психолингвистики, а также культурологии [Мигранова 2017: 61–75]. Разделяя эту точку зрения, считаем, что гендерно-маркированные единицы отражают национальную специфику языка, обладают культурными маркерами и на этом основании относятся к культурно-маркированной лексике. Некоторые исследователи подчеркивают, что гендерная маркированность в первую очередь отражается в публичных текстах, то есть текстах, предназначенных для широкой аудитории [Антропова 2016]. Несомненно, публич-

ные выступления политических деятелей рассчитаны на широкий круг слушателей, прежде всего, потенциальных избирателей. Их особенность составляет обращенность к аудитории. В ходе анализа языкового материала были отобраны и с позиции политической корректности проанализированы различные формы обращения ораторов к публике и упоминания разных групп людей.

Подробно классы реалий, гендерно-маркированных и фоновых единиц рассматриваются в третьей главе. Устойчивые словосочетания и фразеологические единицы при анализе практического материала не учитывались по причине слабо выраженного профессионального компонента.

ГЛАВА 2
Политика и политический дискурс

2.1. Политическая ситуация в Германии в период 2017–2019 гг.

Выбор указанных временных рамок обусловлен важными событиями в общественно-политической и партийной жизни ФРГ, что нашло отражение в политическом дискурсе того периода. 2017 год проходил под знаком выборов в бундестаг. Политическую жизнь в первой половине года, до начала осени, определяла предвыборная борьба. Поскольку проблемы, вызванные миграционным кризисом 2015 г., негативно сказались на имидже правящего блока ХДС/ХСС, их лидерам приходилось прикладывать значительные усилия для удержания и привлечения на свою сторону электората. К этому добавился новый вызов в лице правопопулистской партии «Альтернатива для Германии», которая явно «набирала очки» среди избирателей. Данные темы определяли риторику выступлений политических деятелей. Оставшаяся часть года, после выборов 27 сентября 2017 г., не принесла облегчения ни политикам, ни избирателям. По мнению экспертов, результаты оказались ошеломляющими — правящие партии явно потеряли доверие избирателей, многие из них отдавали свои голоса не в поддержку какой-либо партии, а против нее [Тимошенкова 2018а].

Затянувшиеся переговоры о создании правящей коалиции только усилили недоверие избирателей и показали слабые места политической элиты. Центральной темой политического дискурса в начале 2018 г. стали так и не завершившиеся переговоры о создании коалиции «Ямайка» (*Jamaika-Koalition*),

названной по совпадению цветов флага Ямайки и политических партий ФРГ (черный — ХДС/ХСС, желтый — СвДП, зеленый — Союз 90/Зеленые). Известно, что в последний момент лидер либералов Кристиан Линднер (*Christian Lindner*) отказался от заключения коалиционного договора, поставив под угрозу политическую стабильность в стране. После этого в немецком языке, с легкой руки журналистов, появился новый глагол *lindnern*, креативно описывающий эти события в явно негативном аспекте (ср. с разг. *продинамить*, т.е. пообещать, но отказаться от обещанного в последний момент, не предупредив заранее, подвести партнеров, которые на тебя рассчитывали)[1]. А единица *Jamaika-Aus* (как обозначение неудачных предварительных переговоров по созданию соответствующей коалиции) была объявлена в 2017 г. победителем конкурса «Слово года» (*Wort des Jahres*[2]), которое ежегодно проводит Общество немецкого языка (*Gesellschaft für deutsche Sprache, GfdS*), и даже включена в онлайн-версию авторитетного словаря современного немецкого языка Duden с пометой *Politikjargon* (политический жаргонизм)[3].

Христианским демократам пришлось вернуться к прежней расстановке сил и пойти на компромисс с социал-демократами, что ударило, прежде всего, по имиджу СДПГ. Вынужденное партнерство вряд ли можно считать удачным решением для обеих партий, хотя оно и спасло страну от более глубоко-

---

[1] См., например, электронные ресурсы:
URL: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/meierei-die-neue-wortschoepfung-lindnern-15306755.html;
URL: https://www.bedeutungonline.de/lindnern-verb/;
URL: https://www.mundmische.de/bedeutung/40953-lindnern;
URL: https://praxistipps.chip.de/lindnern-als-jugendwort-das-steckt-dahinter_114609 (дата обращения: 13.03.2021).

[2] Welt-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.welt.de/kultur/article171387014/Jamaika-Aus-ist-das-Wort-des-Jahres-2017.html (дата обращения: 13.03.2021).

[3] Duden-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Jamaika_Aus (дата обращения: 13.03.2021).

го политического кризиса. В своих публичных выступлениях представители ХДС и ХСС неоднократно критиковали свободных демократов за непоследовательность своих решений и страх взять на себя ответственность. Социал-демократам досталось за отсутствие своего мнения в принятии ответственных решений. Дело в том, что после неудачных для СДПГ результатов выборов в 2017 г., когда партия получила 20,5% голосов, что стало худшим показателем за всю историю и поставило под сомнение статус «народной партии» (*Volkspartei*), ее лидер, Мартин Шульц (*Martin Schulz*), заявил о намерении уйти в оппозицию. Тем не менее, руководство партии изменило это решение и было готово продолжить сотрудничество в «большой коалиции» (*Große Koalition, GroKo*), против чего выступила молодежная организация СДПГ «Молодые социалисты» (*Jusos*). В феврале 2018 г. социал-демократы еще пытались убедить молодых коллег и не приняли окончательного решения. Такое томительное ожидание христианских демократов явно не добавляло симпатии к будущему партнеру по правящей коалиции.

Во второй половине 2018 г. самыми насущными для Германии стали внутренние проблемы, в частности, обострился внутрипартийный кризис блока ХДС/ХСС. Особенно заметно это стало на фоне конфликта между А. Меркель (глава ХДС) и Х. Зеехофером (глава ХСС) из-за Закона об иммиграции (*Einwanderungsgesetz*) [Белов 2018]. Накопившиеся проблемы и разногласия привели, в конечном итоге, к смене лидеров обеих партий. В конце 2018 г. и А. Меркель, и Х. Зеехофер заявили о своем желании уйти в отставку. Как отмечает Е.П. Тимошенкова, на такое решение А. Меркель повлиял также кризис внутри «большой коалиции», поскольку отношения между партнерами по причине вынужденного сотрудничества складывались непросто [Тимошенкова 2018б]. Другие эксперты полагают, что канцлер сделала выводы из практически провальных результатов выборов в бундестаг и решила подготовить себе замену [Юдина 2019]. Таким образом, на рубеже 2018–2019 гг.

у обеих партий появились новые лидеры — на смену А. Меркель 7 декабря 2018 г. пришла ее соратница Аннегрет Крамп-Карренбауер (*Annegret Kramp-Karrenbauer*), а лидером ХСС 19 января 2019 г. был избран Маркус Зёдер (*Markus Söder*).

Смена власти произошла и в молодежной организации ХДС/ХСС (*Junge Union/JU*). После того, как по предложению нового председателя А. Крамп-Карренбауер 8 декабря 2018 г. Пауль Цимиак (*Paul Zimiak* — до этого глава *JU*) стал генеральным секретарем ХДС, ему на смену пришел Тильман Кубан (*Tilman Kuban*), получивший на федеральном съезде в Берлине 16 марта 2019 г. большинство голосов (62,7 %), опередив своего оппонента Штефана Грунера (*Stefan Gruhner*).

2019 год стал знаковым для политической жизни ФРГ еще по трем причинам экстралингвистического характера. Во-первых, мероприятие *Politischer Aschermittwoch*, известное в российском общественно-политическом дискурсе как «политическая пепельная среда», отмечало столетний юбилей. Справедливости ради стоит отметить, что собрания партий проводились не в сотый раз, хотя, действительно, первое такое мероприятие состоялось в Баварии, в местечке Фильсхофен (*Vilshofen*) в 1919 г. И до сих пор Бавария остается исторически излюбленным местом для собраний большинства партий в рамках «политической пепельной среды». Во-вторых, ровно сто лет назад (также в 1919 г.) женщины в Германии получили равное с мужчинами избирательное право, что стало своего рода триумфом феминистского движения во главе с Кларой Цеткин. Стоит также отметить, что в последнее время роль женщин в политике в такой некогда консервативной стране как Германия значительно возросла, все больше женщин стремятся заявить о себе в этой традиционно мужской сфере деятельности. Свидетельствуют об этом и данные Федерального статистического ведомства ФРГ (*Statistisches Bundesamt*): по состоянию на 31.12.2018 доля женщин в различных политических партиях составила от 17,1% (АдГ) до 40,5% (партия «Зеленые»). Достаточно высокие показатели также у «левых»

(36,4%) и социал-демократов (32,6%)[1]. В-третьих, в мае 2019 г. Европейскому союзу, и ФРГ как члену данного сообщества, предстояло выбрать важный законодательный орган — Европарламент. Эти темы международной и внутренней повестки дня определяли риторику большинства публичных выступлений политических деятелей в указанный период.

Конец 2019 г. и следующий 2020 г. также оказались непростым периодом в политической жизни страны. Начало 2020 г. было ознаменовано кризисом доверия избирателей к правящим партиям ФРГ, что проявилось на выборах премьер-министра в земельный парламент (ландтаг) Тюрингии. На пост, который ранее возглавлял представитель «Левой партии», Бодо Рамелов (*Bodo Ramelow*), был избран либерал Томас Кеммерих (*Thomas Kemmerich*), за которого проголосовали СвДП, ХДС, а также АдГ. Обеспокоенность в политических кругах Германии вызывает усиление влияния среди избирателей именно последней партии — «Альтернатива для Германии», поскольку ее считают партией с сомнительной репутацией. Не секрет, что среди традиционных партий ФРГ негласно действует правило не вступать с «Альтернативой» ни в какие союзы или коалиции. На выборах в Тюрингии Т. Кеммерих обошел Б. Рамелова с преимуществом лишь в один голос. При голосовании решающими оказались голоса именно представителей АдГ, как выяснилось впоследствии, по сговору. Лидер регионального отделения АдГ в этой федеральной земле, Бьорн Хёке (*Björn Höcke*), предложил данную сделку христианским демократам и либералам в письме, которое было опубликовано после выборов. Из-за последующего скандала Т. Кеммерих отказался от поста премьер-министра и на повторных выборах 4 марта был снова избран Бодо Рамелов.

[1] Statistisches Bundesamt. Destatis [Электронный ресурс]. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/ (дата обращения: 16.02.2020).

Данный инцидент поставил под сомнение также авторитет председателя ХДС и будущего кандидата на пост федерального канцлера, А. Крамп-Карренбауэр, в результате чего 10 февраля 2020 г. она объявила об уходе с поста лидера ХДС и отказалась баллотироваться на выборах в бундестаг 20-го созыва осенью 2021 г. Внутри партии началась новая борьба за лидерство. Некоторые политики предрекали разногласия и последующий раскол ХДС, в частности, бывший министр иностранных дел социал-демократ Зигмар Габриэль (*Sigmar Gabriel*)[1]. Потенциальными кандидатами на пост главы Христианско-демократического союза и, возможно, в ближайшем будущем, на пост канцлера стали премьер-министр федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия Армин Лашет (*Armin Laschet*), юрист и бизнесмен Фридих Мерц (*Friedrich Merz*), глава комитета бундестага по внешней политике Норберт Рёттген (*Norbert Röttgen*). Эксперты отмечают, что вплоть до начала 2021 г. бесспорным фаворитом считался Ф. Мерц [Белов 2021]. Однако во втором туре выборов 16 января он проиграл Армину Лашету с перевесом в 95 голосов, Н. Рёттген выбыл из борьбы еще раньше, после первого тура.

Одной из сложнейших проблем, с которой пришлось столкнуться не только Германии, но и всему миру, стала пандемия коронавируса. Затянувшийся локдаун, отсутствие эффективного менеджмента и перспектив на улучшение ситуации могли расколоть общество и нанести удар, прежде всего, по правящим партиям. Но, несмотря на жесткие карантинные меры, предпринятые правительством ФРГ, рейтинг действующего канцлера Ангелы Меркель и блока ХДС/ХСС по-прежнему остается высоким. Согласно опросу населения, проведенному

[1] Bild-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/alle-infos-zum-angekuendigten-akk-ruecktritt-cdu-chefin-schmeisst-hin-68711576.bild.html (дата обращения: 21.01.2021).

в июне 2020 г.[1], 40% избирателей готовы отдать свои голоса за ХДС/ХСС на предстоящих в сентябре 2021 г. выборах в бундестаг. Значительно меньшей поддержкой пользуются партии «Союз 90 / Зеленые» и СДПГ. «Альтернатива для Германии» также теряет свои позиции, а Свободная демократическая партия Германии снова оказывается под угрозой потери мандатов в бундестаге 20-го созыва.

В периоды глобальных кризисов, к которым относится и пандемия коронавируса, политические процессы непредсказуемы как никогда. Все сводится к поиску наиболее оптимальных решений в вопросах урегулирования разразившегося кризиса. В преддверии выборов осенью 2021 г. ХДС является, бесспорно, сильнейшей партией. Это связано с популярностью А. Меркель, которая, в свою очередь, активно поддерживает А. Лашета за его стремление объединить партию, за поиск решений и компромиссов. Во время предвыборной кампании на пост председателя ХДС А. Лашет на первое место поставил командный дух и подчеркивал интегративный характер своих намерений. Его предыдущий опыт вызывает у избирателей доверие: еще в качестве премьер-министра земли Северный Рейн — Вестфалия он привел в кабинет сильную команду, его министры обладают опытом и на деле доказали дееспособность земельного правительства. Все это, безусловно, способствует поддержанию его популярности.

Однако, не все немцы хотят, чтобы А. Лашет стал будущим канцлером. Такая позиция связана с его решениями весной 2020 г., когда премьер-министр выступал за скорейшее снятие ограничений и сомневался в наступлении второй волны коронавируса. Кроме того, в конце того же года выяснилось, что правительство Рейнланд-Пфальца заключило контракт на производство медицинских масок и халатов с фирмой-про-

[1] Welt-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/video210449385/Umfrage-Angela-Merkel-bleibt-beliebteste-Politikerin.html (дата обращения: 20.01.2021).

изводителем одежды Van Laack при посредничестве его сына Йоханнеса, в которой тот работает моделью[1]. Все это снижает шансы А. Лашета в борьбе за пост канцлера ФРГ и позволяет набирать очки его соперникам — Йенсу Шпану, контролирующему ситуацию с вакцинацией в Германии, а также премьер-министру Баварии и лидеру ХСС М. Зёдеру, опережающему в опросах всех политиков блока, кроме канцлера А. Меркель. Поскольку и «зеленые», и социал-демократы во всех опросах сильно отстают от блока ХДС/ХСС, сомнений в том, что канцлером станет представитель именно консерваторов, нет.

Разразившийся в конце февраля 2021 г. так называемый «масочный скандал» (*Maskenaffäre*) нанес еще один ощутимый удар по репутации обеих консервативных партий и сильно подорвал доверие избирателей. Двух депутатов фракции[2] (Н. Лёбеля от ХДС и Г. Нюсляйна от ХСС) уличили в том, что они лоббировали интересы некоторых производителей медицинских масок и получали крупные суммы комиссионных за посредничество. При этом речь шла о государственных закупках для министерств здравоохранения Германии и Баварии. Эта информация вызвала негативную реакцию немецкого общества. В обеих партиях, безусловно, осудили такие действия и, более того, руководство фракции в лице председателя Р. Бринкхауса и его заместителя А. Добриндта потребовало от всех депутатов представить письменное заявление о том, что они не получали финансовой выгоды от сделок, связанных с пандемией. Консервативный блок надеется таким образом вернуть доверие избирателей, однако репутационные издержки в год супервыборов могут оказаться фатальными. Примечательно, что самое распространенное и доступное средство защиты в условиях пандемии второй раз оказывается в центре

[1] *Примеч.:* по информации издания Spiegel [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.spiegel.de/panorama/justiz/armin-laschet-und-die-van-laack-affaere-nrw-will-vertrag-rueckabwickeln-a-c42236f5-e219–4824–8d3f-9d7ab884c08d (дата обращения: 03.04.2021).

[2] *Примеч.:* ХДС и ХСС образуют в бундестаге единую фракцию.

коррупционного скандала в Германии. Неудачи такой влиятельной политической силы активизировали действия политических оппонентов, которые, теперь уже явно, надеются на смену власти в высших эшелонах.

2.2. Политический дискурс и его основные характеристики

Политика представляет собой особую сферу деятельности человека, на которую обратили свое внимание еще древнегреческие философы, например, Аристотель (384–322 гг. до н.э.). Считается, что именно он ввел в научный обиход этот термин (др.-греч. πόλις / *polis* — государство), описывая в своем сочинении под одноименным названием полис (город-государство) и отношения в нем между органами власти, обществом и отдельным человеком. Долгое время в науке политика воспринималась в аристотелевском понимании как деятельность политических учреждений, а также облеченных властью лиц или институтов и отношений между ними. Итальянский общественный деятель эпохи Средневековья Н. Макиавелли (1469–1527) рассматривал политику как совокупность средств, необходимых для того, чтобы прийти к власти. Спустя три века немецкий социолог М. Вебер (1864–1920) подчеркивал, что политика охватывает все виды деятельности [Вебер 1990].

Со временем представление о политике вышло за пределы трактования ее в пределах государства. В настоящее время существует несколько дефиниций в соответствии с применяемым функциональным или универсальным подходом [Философский словарь 2001: 433–435]. В широком (универсальном) понимании политика обладает свойством проникать во все сферы деятельности и отношения общества, способна сочетаться с другими системами, отличается динамичностью и способна реагировать на происходящие в обществе изменения, обладает своей техникой, куда относится выбор целей, стратегии и тактики, сочетает в себе рациональное и иррациональное начало,

а также эмоциональность и интуитивность. Кроме того, политика представляет собой в том числе языковой процесс и отражает особенности политической речи (риторика, штампы, формулировки с явным и скрытым смыслом).

Таким образом, современное определение термина также неоднозначно, но несомненно одно — политика относится к профессиональной сфере деятельности в самом широком смысле этого слова. Сюда включаются все виды деятельности в отдельных сегментах дифференцированной политической сферы, профессионалами в которой выступают политические лидеры, политические аналитики, консультанты, политтехнологи, политические обозреватели и др. [Столетов 2016: 60].

Главная роль в этой сфере деятельности, бесспорно, отводится политикам и политическим деятелям. Интересно отметить, что ни в одном специализированном источнике нам не встретилось исчерпывающего определения термина «политик». Философский онлайн-словарь обозначает политика как функционера, решающего конкретные задачи общественной жизни[1]. В академическом толковом словаре русского языка эти термины считаются синонимичными: «политик — тот, кто занимается вопросами политики, политический деятель» [МАС Т. 3. 1983: 261]. В известном словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано следующее определение: «политический деятель, лицо, занимающееся вопросами политики» [Ожегов, Шведова 1995: 543]. В онлайн-версии словаря современного немецкого языка Duden политик обозначается как лицо (как правило, член какой-либо партии), занимающееся политической деятельностью: *Person, die (meist als Mitglied einer Partei) ein politisches Amt ausübt*[2]. Толковый словарь немецкого языка Wahrig Deutsches Wörterbuch описывает политика как лицо,

[1] Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Политик (дата обращения: 23.03.2021).

[2] Duden-online. Wörterbuch. Biblographisches Institut GmbH [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Politiker (дата обращения: 20.03.2021).

принимающее активное участие в политике, и в качестве синонима указывает единицу «государственный деятель» (jmd., der aktiv an der Politik teilnimmt, Staatsmann) [Wahrig 1988: 1001]. На основании данных, преимущественно лингвистических, дефиниций можно сделать вывод, что к основным чертам профессии политика относятся следующие: а) членство в какой-либо политической партии; б) активное участие в принятии политических и/или государственных решений.

Наряду с политиками и политическими деятелями все большее значение в политической сфере деятельности приобретают сегодня профессиональные ассоциации, отвечающие за определенные сегменты в сфере политики. И если в России такие (формальные и неформальные) объединения только недавно встали на пусть своего становления, то в Германии они имеют давние традиции. Что касается политических партий России и Германии, то следует отметить, что они имеют одну общую черту: с точки зрения истории их можно считать довольно молодыми, в отличие от политической системы США, Великобритании или Франции. Их становление в современном понимании по историческим причинам началось только в предыдущем столетии. А в настоящее время отмечается их активное присутствие в публичном пространстве страны, расширение спектра направлений своей деятельности или мероприятий, использование разных каналов коммуникации, что обусловлено стремлением привлечь на свою сторону как можно большее число избирателей, поскольку демократия предполагает, как известно, «власть народа».

К сожалению, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует единый профессиональный стандарт для этого вида деятельности, хотя еще в конце прошлого века коррективы в этой сфере стали очевидны. Одним из первых внимание на это обратил отечественный политолог и общественный деятель С.А. Марков. Он называл политика главным действующим лицом политического процесса и отмечал профессиональный и институциональный характер этого

вида деятельности. По его мнению, профессия «политик» отличается от других политических профессий рядом черт. Так, политик занимается публичной деятельностью, формирует цели развития общества, действует жестко, имеет политическую волю, является отчасти демагогом и имеет право на политических противников, выполняя при этом свою главную функцию — представлять и защищать интересы различных социальных групп. К другим политическим профессиям С.А. Марков относил администратора (то есть бюрократа, чиновника), советника, независимого эксперта, идеолога, партийного функционера, общественного деятеля, журналиста, активиста политического движения, политтехнолога, лоббиста [Марков 1999]. Следующим шагом стала разработка профессионального стандарта «Политолог», предпринятая в 2015 г. на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова [Профессиональный стандарт]. Таким образом, существование профессиональной сферы деятельности «политика» сегодня уже не вызывает сомнений, но четкие критерии и характеристики профессионала в данной сфере пока не определены, хотя официально признано наличие профессии «политолог». В обиходе считается, что главными представителями этой профессии являются политики, в первую очередь, представители политических партий и объединений.

Отличительной чертой профессиональной сферы деятельности «политика», как отмечалось выше, является публичность, так как политики и политические деятели призваны открыто выражать и защищать интересы определенных групп или объединений, а политтехнологи и политические обозреватели, кроме того, оказывать влияние на общественное мнение и манипулировать им. Движущим мотивом этой сферы общения и основной темой становится, по утверждению многих исследователей, борьба за власть (агитация, захват, удержание, стабилизация) [Seidel 1985, Schudson 1997]. Отечественный лингвист Е.И. Шейгал, занимавшаяся проблематикой политического дискурса, подчеркивает, что «специфика политики,

в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми» [Шейгал 2000: 27].

С точки зрения лингвистики, дискурс признается сложным коммуникативным явлением, объединяющим такие неравнозначные понятия как текст и речь. Один из основоположников теории текста, речевых актов и анализа дискурса нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк понимал под дискурсом язык в его постоянном движении, речевой поток, который вбирает в себя многообразие внеязыковых факторов (историческую эпоху, индивидуальные и социальные особенности коммуникантов и коммуникативной ситуации) и отражает менталитет нации и особенности культуры [Dijk 1988]. Отечественный исследователь Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс с трех позиций и считает его, во-первых, связным текстом в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; во-вторых, текстом, взятом в событийном аспекте, в-третьих, речью, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (то есть когнитивных процессах) [Арутюнова 1998: 136]. Иными словами, дискурс сочетает в себе сам текст как изолированный вербализованный результат речи и контекст, в котором он функционирует, — ситуативный и культурный, то есть объединяет собственно языковые, внеязыковые характеристики и когнитивные структуры (если опираться на приведенное выше определение Н.Д. Арутюновой).

Внимание исследователей привлекала и проблема типологии дискурса. Так, например, Н.Н. Миронова на основе тематической соотнесенности выделяет следующие виды дискурса: педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический [Миронова 1997]. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас относит все названные

виды к прагматическим дискурсам, так как в них актуализируются определенные коммуникативные стратегии [Habermas 1991]. Иначе выглядит классификация видного российского ученого В.И. Карасика. Она включает два типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный [Карасик 2000: 5–20]. Не останавливаясь подробно на персональном дискурсе, который реализуется в виде бытового и бытийного общения, обратимся к институциональному типу. Он, по утверждению В.И. Карасика, представляет собой «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [Карасик 2002: 193]. Политический дискурс ученый относит к видам именно институционального дискурса наряду с дипломатическим, административным, юридическим, педагогическим, религиозным, спортивным и т.д., поскольку в процессе общения и выбора языковых средств коммуниканты учитывают институциональные нормы. Д.В. Шапочкин, ссылаясь на работы Т. ван Дейка и В.И. Карасика, также подчеркивает институциональный характер политического дискурса и ограничивает его профессиональными рамками, деятельностью политиков (парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков). Иными словами, к важным характеристикам политического дискурса относятся профессиональная роль действующего лица (политик) и окружающая обстановка (заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии), обусловленная общественным институтом (политика) [Шапочкин 2012: 72].

Примером институционального дискурса являются, с нашей точки зрения, публичные выступления политических деятелей. Во-первых, выступающий представляет не себя лично, а тот или иной социальный институт: в данном случае, конкретную политическую партию. Во-вторых, он обладает определенным социальным статусом (является официально избранным лидером партии или занимает в ней достаточно высокую

руководящую позицию), в-третьих, выстраивает свою речь в соответствии с установленными ситуационно-коммуникативными нормами, то есть выступает на специфическом мероприятии полуофициального (*Politischer Aschermittwoch*) или официального характера (*Deutschlandtag*).

Кратко остановимся на основных функциях политического дискурса. При определении функций языка в лингвистике, в целом, апеллируют к двум авторам: К. Бюллеру и Р. Якобсону. Обе разработанные этими учеными типологии опираются на компоненты коммуникативного акта. К. Бюллер выделяет три компонента (отправитель, получатель, предметы и ситуации) и, соответственно, три функции языка: экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную [Бюлер 1993: 34]. У Р. Якобсона круг компонентов коммуникативного акта шире (адресант, адресат, референт, сообщение, контакт, код), и на основании этого он выделяет шесть функций: эмотивную, апеллятивную или побудительную, коммуникативную, эстетическую, фатическую, метаязыковую [Якобсон 1975: 198]. Такой же позиции придерживается современный российский исследователь политического дискурса А.П. Чудинов. Он различает когнитивную (создание политической картины мира), коммуникативную (передача информации с целью преобразования в сознании адресата политической картины мира), побудительную (оказание воздействие на адресата), эмотивную (выражение эмоций оратора и возбуждение эмоций адресата), метаязыковую (объяснение смысла высказывания), фатическую (установление и поддержание контакта между участниками коммуникативного процесса), эстетическую (выразительность высказывания) функции [Чудинов 2020: 73–80].

По мнению Е.И. Шейгал, в глобальном смысле язык используется в политическом дискурсе в качестве инструмента политической власти, который позволяет бороться за власть, овладевать ею, сохранять, осуществлять, стабилизировать или перераспределять ее. В этом случае преимущество отдается регулятивной или побудительной функции. Ученый группи-

рует основные функции политического дискурса в пять блоков, в рамках которых они связаны либо отношением противопоставления, либо отношением логического следования: интеграция и дифференциация групповых агентов политики; агональность и гармонизация (конфликт и консенсус); акциональная и информационная функции (осуществление политиками политических действий и информирование о них); интерпретация и ориентация (создание «языковой реальности» поля политики и обеспечение существования в данной реальности); контролирующая и побудительная функции (манипуляция сознанием и стимулирование действий электората) [Шейгал 2000: 57–58].

Системообразующими, помимо уже упомянутой институциональности, Е.И. Шейгал считает следующие признаки политического дискурса: информативность и экспрессивность (небанальность, релевантность и адекватность подачи информации), понятийная точность и смысловая неопределенность, фантомность (зачастую отсутствие конкретных денотативных компонентов), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность, опосредованность СМИ, дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность [Шейгал 2000: 58–92]. Частично эти признаки представлены в антонимичных оппозициях. Такой же точки зрения придерживается и А.П. Чудинов. Его систематизация типовых признаков политической коммуникации построена строго по принципу антонимии: ритуальность и информативность, эзотеричность и общедоступность, редукционизм и полнота информации, стандартность и экспрессивность, диалогичность и монологичность, явная и скрытая оценочность, агрессивность и толерантность [Чудинов 2020: 52–71]. Исследователь считает, что данные свойства политической коммуникации создают основу для манипулирования сознанием и действиями адресата, то есть тех, на кого направлены речевые акты. Целью манипулирования является преобразование в сознании адресата языковой картины политического

мира, что можно рассматривать как стимул к проявлению политической активности. В качестве адресата, с нашей точки зрения, выступают и единомышленники (для укрепления их уверенности в политическом курсе, например, партии), и политические оппоненты (для демонстрации им преимуществ одной партии по сравнению с другой, а также убеждения их в сильных сторонах одной и слабостях другой партии), и потенциальные избиратели в самом широком смысле слова (для привлечения их на свою сторону и укрепления тем самым своих позиций во власти).

Все указанные выше свойства в полной мере характеризуют выбранные нами публичные выступления. Во-первых, они представляют собой монолог, поскольку являются выступлениями конкретных лиц, лидеров партий, перед довольно широкой аудиторией. Так, например, до разразившейся в конце 2019 г. пандемии коронавируса на «политическую пепельную среду» ХСС в баварском Пассау ежегодно собирались примерно 6 000 человек. Во-вторых, выступления ораторов носят явно ритуальный характер, так как речь идет о мероприятиях, в основе которых лежат конкретные традиции (см. подробнее об этих традициях в следующем параграфе). В-третьих, отличаются информативностью, поскольку ораторы расставляют основные акценты политического курса и разъясняют слушателям политические решения, безусловно, с выгодной для данной партии позиции. В-четвертых, выступления характеризуются общедоступностью (ораторы говорят об общеизвестном), содержат, однако, элементы эзотеричности, когда выступающие ссылаются на известные только узкому кругу лиц факты, события и т.п., что создает особую доверительную атмосферу в данной аудитории, но может быть не понято или неверно понято в другой аудитории. В-пятых, стоит отметить также редукционизм: ораторы не полностью раскрывают смысл высказываний, фокусируя внимание слушателей лишь на основных, релевантных для данного выступления, моментах. В-шестых, упомянем явную оценочность и агрессивность, что проявля-

ется прежде всего в характеристике политических оппонентов и оценке их действий.

При определении жанровой принадлежности выбранных выступлений мы ориентировались на классификации Е.И. Шейгал и А.П. Чудинова и относим анализируемые речи в равной степени к ритуальному и агональному жанрам [Шейгал 2000, Чудинов 2020]. В первом случае они символизируют традиции консервативных политиков и связаны с официальным событием национального или регионального уровня, во втором — представляют собой публичные выступления. Эта соотнесенность и определяет употребляемые политиками языковые средства, в том числе использование культурно-маркированных единиц.

2.3. Politischer Aschermittwoch и Deutschlandtag как особый жанр политического дискурса

Прежде чем перейти к собственно лингвистическому анализу языкового материала, необходимо рассмотреть особенности публичных выступлений политических деятелей Германии на традиционных для общественно-политической жизни этой страны и довольно специфических для представителей иной лингвокультуры мероприятиях. В российском политическом дискурсе обиходным стал буквальный перевод термина *Politischer Aschermittwoch* — «политическая пепельная среда», что, однако, не несет значительной информационной нагрузки для носителей другого (русского) языка и вызывает, скорее всего, вопросы — почему среда и почему она пепельная? С точки зрения лингвистики, этот термин представляет собой культурно-маркированную единицу, для интерпретации значения которой необходимы фоновые знания.

Это мероприятие связано одновременно с национальными традициями карнавала и с политическими традициями консервативных политиков. Карнавал, аналог русской масленицы,

проводится в странах немецкоязычного региона накануне Великого поста. Отметим, что празднования карнавала, в отличие от русской масленицы, начинаются в четверг (*Fastweibernacht*) и заканчиваются в среду (*Aschermittwoch*). Именно в среду в католических соборах проходит служба, во время которой священник пеплом сожженных пальмовых ветвей рисует на лбу прихожан символический крест (*Aschekreuz*) как напоминание о бренности жизни, произнося: *Bedenke Mensch, dass du Staub bist und wieder zum Staub zurückkehren wirst* — «…ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3:19) [Кочедыков, Жильцова 2006]. По другой, языческой, традиции, накануне, во вторник (*Veilchendienstag*), принято сжигать соломенную куклу (которая превращается в пепел — *Asche*). И именно в среду различные партии проводят собрания, на которых их лидеры расставляют акценты политического курса, критикуют своих оппонентов. Такие встречи, получившие обозначение *Politischer Aschermittwoch*, проходят, как правило, в неформальной обстановке и обязательно за кружкой национального немецкого напитка — пива[1]. «Политическую пепельную среду» нельзя считать официальным программным мероприятием. Безусловно, карнавальные традиции накладывают свой отпечаток — в адрес конкурирующих партий ораторы отпускают язвительные, иногда даже грубоватые шутки, с целью обличить политических оппонентов и мобилизовать своих сторонников, подчеркнув сплоченность своих рядов. Это мероприятие, тем не менее, имеет важное значение для общественно-политической жизни страны: несмотря на полуофициальный характер мероприятия, содержание речей остается серьезным. Выступления лидеров партий обращены к своим избирателям и дают довольно полное представление о ситуации как внутри страны, так и на внешнеполитической арене.

[1] В среду у католиков начинается Великий пост, но, в отличие от православных традиций, строгого запрета на употребление алкоголя в этот период в католицизме нет.

По этой причине к выступлениям политиков в рамках «политической пепельной среды» приковано особое внимание общественности. Избирателям важно понять, какие приоритеты видят лидеры для своих партий и что это может принести Германии. Подобные мероприятия довольно широко освещаются в прессе, однако, журналисты, расставляют свои акценты, зачастую уводя от основной проблематики. Так, в 2019 г. почти все СМИ (например, *Tagesschau, ZDF, NDR, Zeit, Spiegel, Deutsche Welle, Bild, T-Online*) упоминали ситуацию с шуткой А. Крамп-Карренбауер по поводу третьего пола (*ein drittes Geschlecht*), которую она допустила в своей речи (*die Büttenrede*) на одном из мероприятий карнавала, на заседании так называемого «суда дураков» (*Stockachener Narrengericht*) за неделю до выступления на «политической пепельной среде», не подозревая, что это вызовет такой резонанс. Выступая уже в Деммине, ей пришлось давать разъяснения, что она имела в виду: *... hättet ihr meine Erwiderung gehört, um zu verstehen, dass es nicht um ein drittes Geschlecht, sondern um die Frage von Emanzen von Machos, vom Verhältnis von Mann und Frau geht? — ...вы слышали мои возражения, чтобы понять, что речь идет не о третьем поле, а о проблеме взаимоотношения мужчин и женщин?*

Однако, если судить по сообщениям СМИ, оправдательные разъяснения лидера ХДС по этому поводу стали главной темой ее выступления на «политической пепельной среде». Гендерную проблематику подчеркнули все журналисты. Стоит отметить, что эта тема, действительно, находится в центре внимания общества и, скорее всего, именно в сфере политики. Фоновая единица *(ein) drittes Geschlecht* (третий пол) используется для описания людей, которые не хотят классифицировать себя в бинарной гендерной системе «мужской» и «женский». Это наименование было распространено в немецкоязычном регионе писателем Эрнстом фон Вольхабеном в его романе «Третий пол» (1899 г.), в котором он описывает бисексуальную женщину. В 2017 г. Федеральный конституционный суд Германии

(*Bundesverfassungsgericht*) постановил, что простое различие между мужчиной и женщиной нарушает общие права личности и что третий пол должен быть включен в регистр гражданского состояния, в связи с чем в ФРГ с 1 января 2019 г. помимо «мужского» и «женского» официально существует «третий пол». Принятое решение, тем не менее, не поставило точку в данном вопросе: с одной стороны, оно вызвало одобрение одной части общества, с другой, создало новые препятствия для остальных. Так, официально принятое и обязательное к указанию обозначение «третий пол» превратилось в проблему для экономики, например, в объявлениях о вакансиях. Помимо сокращений для мужчин (m) и женщин (f), теперь также можно найти во многих рекламных объявлениях сокращение «d», обозначающее «разнообразный» (*divers*).

Отметим, что речи лидеров в рамках «политической пепельной среды» отличаются от публичных выступлений на других партийно-политических мероприятиях и тем более от дебатов в бундестаге. Выступая в кругу однопартийцев-единомышленников, они могут быть уверены в поддержке с их стороны. Неформальная обстановка настраивает публику на позитивное восприятие речи. Сказывается и связь с карнавальными традициями, когда, по мнению отечественного культуролога М.М. Бахтина, общество полностью освобождается от всех иерархических отношений, норм и запретов, в общении между людьми сокращается дистанция, оно становится фамильярным [Бахтин 1990].

Обращенность выступающего к аудитории создает впечатление личного общения лидера с каждым из присутствующих и объединяет всех в едином стремлении быть лучшей партией. Так, общепринятым на таком мероприятии являются употребление неформального местоимения *euch* вместо уважительного *Sie*, различные формы обращения *(liebe Freunde, sehr geehrte Damen und Herren* и др.*),* причем само обращение характеризуется частотностью [Елизарьева и др. 2020]. Согласимся с А.П. Чудиновым, что все это «производит впечатле-

ние особой доверительности, искренности, позволяет сказать больше, чем это позволяет официальная обстановка» [Чудинов 2020: 56]. Критика политических оппонентов бывает довольно жесткой, иногда переходит на личности и выходит за рамки политкорректности, нарушая нормы речевого этикета. С лингвистической точки зрения такие речи насыщены языковыми средствами с экспрессивной оценкой и национально-культурной спецификой. Неслучайно поэтому немецкие СМИ называют это мероприятие «политическим спектаклем» (*politisches Spektakel*) или «политической вечеринкой» (*die Politparty*).

Родиной таких политических собраний стал в конце XIX века городок Вильсхофен (*Vilshofen*) в Баварии (*Bayern*), там ежегодно проводилась ярмарка скота (*Viehmarkt*). Основная цель собраний того времени заключалась в информировании преимущественно крестьянского населения о политических событиях и привлечении на свою сторону избирателей. Заметным событием общественно-политической жизни стала организованная в 1919 г. Баварским крестьянским союзом (*der bayerische Bauernbund*) «политическая пепельная среда», на которой обсуждалась судьба Баварии после революции. В последующие два десятилетия политические мероприятия в «пепельную среду» проводились разными партиями и политическими группировками не ежегодно и носили скорее спонтанный, чем систематический характер. Во время Второй мировой войны «политические пепельные среды» вовсе не проводились, их традиция постепенно стала возрождаться лишь в конце 1940-х гг. В 1950-е гг. и 1960-е гг. они стали площадкой конфронтации между ХСС и Баварской партией, которая превратилась к тому времени в одну из наиболее влиятельных политических сил Баварии. Основными ораторами были лидеры обеих партий: Ф.Й. Штраус (глава ХСС в 1961–1988 гг.) и Й. Баумгартен (Баварская партия). Франц Йозеф Штраус (*Franz Josef Strauß*), обладавший уникальным ораторским талантом, обогатил спектр затрагиваемых тем общегерманской и европейской проблематикой. Отметим, что высказывания

этого политика до сих пор цитируют на мероприятиях современной «политической пепельной среды». К концу 1960-х гг. Баварская партия постепенно утратила свои позиции, и ХСС стал доминирующей политической силой региона. В 1975 г. партия перенесла место проведения своей «пепельной среды» из Фильсхофена в баварский город Пассау (*Passau*) [Wasner 2013].

Примеру ХСС в дальнейшем последовали и другие партии. С 1995 г. свои «пепельные среды» в г. Деммин (*Demmin*), в федеральной земле Мекленбург — Передняя Померания (*Mecklenburg-Vorpommern*), проводит и ХДС. Подчеркнем, что, с одной стороны, «политическая пепельная среда» сохранила свою приверженность баварским традициям, с другой, со временем перешагнула границы этой федеральной земли, превратившись постепенно в универсальный партийно-политический форум. Так, например, для социал-демократов (*SPD*) местом таких встреч остался исторический Вильсхофен. Главным мероприятием «зеленых» являются встречи в городе Биберах-ан-дер-Рисс (*Biberach an der Riß*) в земле Баден-Вюртемберг (*Baden-Württemberg*), для «левых» таким местом с момента основания партии (2007 г.) стал город Валлерфанген (*Wallerfangen*) в федеральной земле Саар (*Saarland*). С 1992 г. такие мероприятия проводятся и в Австрии. Инициатором стала «Австрийская партия свободы» (*Freiheitliche Partei Österreichs*), возглавляемая в то время Йоргом Хайдером (*Jorg Haider*). Таким образом, традиция проводить «политические пепельные среды» довольно прочно укоренилась в общественно-политической жизни немецкоязычного региона.

Второе, выбранное нами для анализа, мероприятие — *Deutschlandtag* — является высшим органом «Молодежного союза ХДС/ХСС» (*JU*) и по своим функциям сравним со съездом партии. В состав этого органа входят 240 избранных делегатов от региональных отделений (*Landesverbände*), члены федерального правления (*Bundesvortand*) и Германского совета (*Deutschlandrat*) «Молодежного союза». «Молодежный союз»

является прекрасной стартовой площадкой для политической карьеры. Многие ведущие политики ФРГ начинали свою деятельность именно в молодежной организации, например, Г. Коль, Х. Зеехофер, Й. Шпан, В. Шойбле, Ф. Мерц, Ф. Каудер и др. В настоящее время «Молодежный союз ХДС/ХСС» возглавляет Т. Кубан, сменивший на этом посту П. Цимиака, который, в свою очередь, перешел на пост генерального секретаря ХДС.

Каждые два года на съезде «Молодежного союза» (*Deutschlandtag*) делегаты выбирают членов правления молодежной организации. С лингвистической точки зрения этот термин можно отнести к культурно-маркированной лексике, поскольку в русском языке отсутствует точный эквивалент, а буквальный перевод («германский день»), как и в случае с «политической пепельной средой», не отражает специфику данного мероприятия. Предлагаемый нами перевод *федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС»* представляется наиболее удачным эквивалентом, отражающим суть и политический характер данного мероприятия. *Deutschlandtag* — знаковое для политически активной молодежи событие. Выступления лидеров в рамках этого мероприятия по своим характеристикам близки к выступлениям на «политической пепельной среде». Существующие отличия носят скорее формальный характер — нет привязки к национальному празднику, выступления не сопровождаются распитием алкогольных напитков. Но с точки зрения содержания, речи молодых политиков также отражают актуальную политическую проблематику, причем, прослеживается либо приверженность общепартийному курсу, либо разногласия с ним, так как выступающие могут критиковать некоторые решения, принятые в ХДС или ХСС.

В рамках проведенного исследования анализировались следующие выступления лидеров ХДС, ХСС и «Молодежного союза»:

01.03.2017 — «политическая пепельная среда» ХДС (Деммин; А. Меркель); ХСС (Пассау; Х. Зеехофер);

14.02.2018 — «политическая пепельная среда» ХДС (Деммин; А. Меркель); ХСС (Пассау; М. Зёдер);

06.03.2019 — «политическая пепельная среда» ХДС (Деммин; А. Крамп-Карренбауер); ХСС (Пассау; М. Зёдер);

16.10.2017 — федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС», Дрезден (П. Цимиак);

05.10.2018 — федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС», Киль (П. Цимиак);

16.03.2019 — федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС», Берлин (П. Цимиак);

11–13.10.2019 — федеральный съезд «Молодежного союза ХДС/ХСС», Саарбрюкен (П. Цимиак; Т. Кубан).

Частично рассматривались также речи ведущих политиков ХСС Андреаса Шойера (*Andreas Scheuer*) и Маркуса Блюме (*Markus Blume*), с которыми они выступили на «политической пепельной среде» в 2018 и 2019 гг., а также выступление Манфреда Вебера (*Manfred Weber*) в 2019 г., главного кандидата от ХСС на пост председателя Европейской комиссии на выборах в Европарламент. Напомним, что эта должность в итоге досталась кандидату от ХДС Урсуле фон дер Ляйен (*Ursula von der Leyen*).

ГЛАВА 3
Лингвистический анализ культурно-маркированных лексических единиц немецкоязычного политического дискурса

3.1. Ономастическая классификация реалий

При рассмотрении лексики с национально-культурным компонентом основное внимание исследователи уделяют реалиям, совершенно справедливо считая такие единицы носителями конкретных элементов национального своеобразия [Мосиенко 2005]. Существующие на сегодняшний день дефиниции реалий отличаются общим характером и не дают полного и четкого представления о сути данного явления. В переводе с латинского (от прил. *realis* — истинный, действительный, вещественный) это слово обозначает предмет, вещь или факт, процесс, явление, существующие в реальной жизни. В «Словаре русского языка» реалия определяется как «всякая вещь материального мира» [МАС Т. 3: 689]. «Словарь иностранных слов» включает еще одно значение: «объективные факты как исторический фон литературного или иного описания; этнические или национальные особенности, получившие отражение в данном языке, но не переводимые на другие (или переводимые только описательно)» [Комлев 2006].

В лингвокультурологии реалиями обычно считают слова или словосочетания, обозначающие предметы и явления, характерные для одной лингвокультуры и отсутствующие в другой [Меркиш 2020а: 46]. Болгарские переводчики С. Влахов и С. Флорин относили такие слова к знакам, «при помощи которых предметы — их референты — могут получать свое язы-

ковое обличье» [Влахов, Флорин 2009: 7]. Известный отечественный лингвист О.С. Ахманова выделяла у слов-реалий два значения и рассматривала их, во-первых, как факторы страны, истории и культуры народа с точки зрения их отражения в языке, во-вторых, как предметы материальной культуры [Ахманова 2004].

Двоякий характер предметного содержания реалий отмечал исследователь американизмов Г.Д. Томахин: они тесно связаны, с одной стороны, с народом и страной, с другой, с конкретным историческим периодом, что позволяет говорить о наличии у них национального и исторического колорита [Томахин 1997: 13]. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» реалии рассматриваются как «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [Розенталь, Теленкова 2001: 414]. Для идентификации объектов, понятий или явлений, свойственных одной культуре и нетипичных для другой, наряду с реалиями встречаются и другие термины: *экзотическая лексика* (А.Е. Супрун), *варваризмы* (А.А. Реформатский), *этнокультурная лексика* (Л.А. Шейман), *алиенизмы* (В.П. Берков). Немецкие ученые для обозначения реалий (*Realien*), подчеркивая их соотнесенность с объектами культуры иной страны, используют также немецкоязычный синоним *landeskonventionelle Elemente* (традиционные, общепринятые в данной стране артефакты) [Основные понятия немецкоязычного переводоведения 2013: 139–140].

Теоретики и практики отечественного переводоведения Г.В. Чернов и А.В. Федоров называют реалии безэквивалентной лексикой [Чернов 1958; Федоров 1983], поскольку они отражают «национальный и/или исторический колорит», свойственный одному языковому сообществу и чуждый другой нации [цит. по Иванов 2006: 155]. При этом, А.О. Иванов, например, понимает термин «безэквивалентная лексика» шире и выделяет референциально-, прагматически- и альтернативно-безэквивалентную лексику, включая реалии в последнюю группу наряду с именами собственными, обращениями и фра-

зеологизмами, а термины в первую группу [Иванов 2006]. Пристальное внимание на реалии обращается именно в практике перевода. Однозначных способов передачи на другой язык такой лексики не существует, а учет прагматического аспекта при этом остается важным критерием качества перевода [Бархударов 2019: 127].

В исследованиях последнего времени отмечается, что реалии являются важной составляющей кода культуры, отражают менталитет, систему понятий и ценностей народа, характер взаимоотношений с другими культурами, отношение народа к историческим событиям и личностям в рамках собственной культуры. Кроме того, подчеркивается, что они выполняют помимо номинативной также локальную и темпоральную функции, проявляющиеся, прежде всего, в контексте [Диденко 2018: 120].

Ввиду неоднозначности такого класса слов, как реалии, проблема их классификации по-прежнему остается актуальной, хотя этому вопросу уделяли внимание многие исследователи. А.А. Реформатский, например, обращал внимание на слова иноязычного происхождения и, основываясь на предметно-языковом принципе, выделял имена собственные, монеты, должности и обозначения лиц, детали костюма и украшения, кушанья и напитки, обращения и титулы при именах [Реформатский 2001]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров систематизировали русские национальные реалии, распределяя их на следующие классы: слова традиционного быта, слова нового быта, фразеологические единицы, историзмы, советизмы, слова фольклора и народного творчества, антропонимы, топонимы, коннотативные слова [Верещагин, Костомаров 1980]. Распределять реалии на семантические группы по их предметной общности предложил А.Е. Супрун. Его классификация включает общественно-бытовые реалии (жилище, предметы быта, одежда, традиции и т.п.), этнографические реалии (названия родов и племен), мифологические реалии (злые духи, сказочные персонажи), религиозные

реалии и ономастику (имена и фамилии, географические названия) [Супрун 1971]. В.С. Виноградов подразделяет лексику, содержащую фоновую информацию, на бытовые реалии, этнографические и мифологические реалии, реалии мира природы, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические и ассоциативные реалии [Виноградов 2001].

В отечественной научной литературе, помимо упомянутых, встречается описание еще нескольких классификаций слов-реалий, но чаще всего исследователи ссылаются на две. Одна из них разработана болгарскими переводчиками С. Влаховым и С. Флориным, которые группировали эти лексические единицы по следующему принципу: предметное деление, местное деление, временно́е деление [Влахов, Флорин 2009]. В первом случае они выделяли географические, этнографические и общественно-политические реалии. Во втором случае реалии рассматриваются в плоскости одного языка или нескольких языков, в третьем — подразделяются на современные и исторические.

Вторая известная классификация основана на анализе американизмов. Ее автор, Г.Д. Томахин, опираясь на тематические ассоциации, различал этнографические, географические, общественно-политические реалии, реалии системы образования и культуры [Томахин 1984]. Почти все последующие исследования реалий на материале разных языков основывались преимущественно на классификации Г.Д. Томахина.

Анализируя существующие классификации реалий, Л.В. Мосиенко, например, выделяет несколько принципов их построения: по денотативному признаку, по лингвистической природе, по принадлежности к лексико-семантической группе, по локальному признаку [Мосиенко 2009: 60].

Стоит также отметить, что упомянутые популярные классификации группируют единицы, содержащие национально-специфический компонент, преимущественно по тематическому принципу. Безусловно, лексика с явно выраженным нацио-

нально-культурным компонентом передает реалии внешнего мира и отражает менталитет языкового сообщества. Общим в различных исследованиях признается также тот факт, что реалии выражены главным образом именами существительными. Однако четких критериев дефиниции и классификации таких единиц, в частности, в рамках профессионального дискурса, в лингвистике не существует.

Попытка систематизировать выявленные культурно-маркированные единицы политического дискурса по тематическому принципу обнаружила ряд противоречий и вызвала много вопросов. Так, например, если по классификации С. Влахова и С. Флорина единицу *Deutschland* следует относить к географическим реалиям, то единица *die Bundesrepublik Deutschland* может относиться и к географическим (как конкретный объект физической географии, определенная территория), и к общественно-политическим реалиям (как наименование административной территории государства Германия). И не будет ли та же самая единица (*die Bundesrepublik Deutschland*) в одном значении входить в группу исторических реалий, поскольку до 1990 г. она обозначала другое государство? Речь идет о послевоенном периоде разделения Германии на два самостоятельных и независимых государства — Федеративная Республика Германия (*die Bundesrepublik Deutschland*) и Германская Демократическая Республика (*die Deutsche Demokratische Republik*). В современном немецком языке объемы этих понятий не совпадают и содержат различную фоновую информацию. С позиции предлагаемой Г.Д. Томахиным классификации, единицу *Deutschland* также в равной степени можно включать в группу географических (как топоним) и общественно-политических (как сокращенное название от официального обозначения *die Bundesrepublik Deutschland*) реалий. И как трактовать единицу *das Land*, которая, как показал контекстуальный анализ, может в одном значении выступать синонимом к термину *die Bundesrepublik Deutschland*, в другом — к термину *das Bundesland*? В соот-

ветствии с классификацией В.С. Виноградова, который рассматривает слова-реалии с позиции переводоведения, та же самая единица может быть включена и в класс реалий государственно-административного устройства, и в класс ономастических реалий.

Упомянутые выше классификации, с нашей точки зрения, не учитывают всех особенностей функционирования слов в языке и не охватывают всей совокупности подобных наименований. Кроме того, они являются слишком общими и не предлагают четких критериев, по которым та или иная единица может быть включена в один класс. Проведенный анализ отобранных реалий предполагает возможность их классификации по семантическому принципу (и в этом случае предлагаемая классификация близка к идее А.Е. Супруна, но значительно расширяет ее). Целесообразным представляется также учитывать при систематизации реалий профессиональной сферы деятельности не только культурный компонент, но и профессиональные маркеры. К таким маркерам можно отнести указание на специфический род занятий и все, что с ним связано, например, названия организаций, объединений и должностей, имеющих отношение к политике или государственному устройству, причем не только термины, но и профессионализмы. Так, любое ведомство в немецком языке обозначается существительным *das Amt* или *das Ministerium* (*das Auswärtige Amt, das Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, das Finanzministerium, das Gesundheitsministerium*). Наряду с этими терминологическими наименованиями политики, государственные деятели и даже журналисты используют профессионализм *das Haus*. То же самое относится к обозначению германского парламента и любого официального учреждения. У данного существительного, таким образом, наблюдается наличие дифференциальной семы (обозначение официального учреждения, предназначенного для выполнения определенных задач). Приведем несколько примеров реализации данного значения.

Михаэль Тойрер, фракция СвДП (Michael Theurer, FDP): „*Meine Damen und Herren, wir haben in Deutschland, anders als es die Grünen hier in diesem Haus*[1] *immer wieder darstellen, nicht die Macht, durch internationale Abkommen Klimaschutz zu erwingen*“[2]. — *Дамы и господа, у нас в Германии, иначе, чем это постоянно представляют здесь*[3] *«зеленые», нет властных полномочий добиваться решения экологических проблем путем международных соглашений.*

Зепп Мюллер, фракция ХДС/ХСС (Sepp Müller, CDU/CSU): *„Durch diese Mogelkassen gehen dem deutschen Staat Milliarden Euro an Steuereinnahmen verloren — Geld, das für Kindergärten, Straßen und schnelles Internet fehlt, Geld, auf das Fraktionen in diesem Hohen Hause anscheinend verzichten wollen“*[4]. — *Из-за этих жульнических касс из государственной казны утекают миллиарды евро — деньги, которых не хватает детским учреждениям, на строительство дорог и быстрый интернет, от которых фракции в нашем уважаемом парламенте, по-видимому, намерены отказаться.*

Журналист издания DIE WELT: *„Herr Maas, Ihr Haus musste schon heute Nacht eine traurige Nachricht verkünden — unter den Toten ist auch eine Deutsche“*[5]. — *Господин Маас, Вашему ведомству пришлось сегодня ночью сообщать печальную новость — среди погибших есть и гражданка Германии.*

---

[1] Зд. — в бундестаге.

[2] Стенограмма 190-го заседания бундестага от 6.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19190.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

[3] Зд. — в бундестаге.

[4] Стенограмма 135-го заседания бундестага от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19135.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

[5] Welt-online. Interview: Heiko Maas - Trauer um deutsches Opfer der Terror-Nacht in Wien. 4.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=92Dy0bE64rM&t=5s (дата обращения: 20.02.2021).

Отметим, что данная сема отмечена также в онлайн-версии авторитетного словаря современного немецкого языка Duden[1]. В одном из значений существительное *das Haus* обозначает здание, построенное с определенной целью (*das Weiße Haus — der Amtssitz des Präsidenten der USA*), а также совокупность лиц, находящихся в этом здании и выполняющих конкретные функции (*die beiden Häuser (Kammern) des Parlaments; das Hohe Haus = das Parlament*). В этом же значении слово используется при обозначении штаб-квартиры ХДС (*das Konrad-Adenauer-Haus*) или СДПГ (*das Willy-Brandt-Haus*). Такое развитие лексического значения слова свидетельствует о значимости понятия для членов языкового сообщества. Неслучайно поэтому у данной единицы отмечается высокая степень частности употребления.

Анализ языкового материала позволяет также утверждать, что в политическом дискурсе встречаются реалии других дискурсов, поскольку область деятельности «политика», обладая интердискурсивным характером, затрагивает все сферы жизни языкового сообщества.

Итак, единицы, содержащие в своем значении национально- и профессионально-окрашенный компоненты, выражены преимущественно именами существительными и обладают номинативной функцией, то есть представляют собой онимы. Они призваны обозначать специфические предметы, понятия и явления реального мира в восприятии носителей языка и входят в общее ономастическое пространство, которое, по мнению А.В. Суперанской, является суммой имен собственных, «употребляющихся в языке данного народа для именования реальных <…> объектов. Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время» [Суперанская 2009: 9]. С позиции ономастики протестный

[1] Duden-online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Haus (дата обращения: 28.02.2021).

дискурс, как вид политического субдискурса, рассматривает А.И. Едличко, выделяя следующие категории онимов: антропонимы; топонимы; урбанонимы; агоронимы; годонимы; хоронимы; теонимы; хронимы; идеонимы; хрематонимы; политонимы; документонимы [Едличко 2017].

При анализе скриптов публичных выступлений лидеров ХДС, ХСС в рамках «политической пепельной среды» и лидеров «Молодежного союза» на федеральных съездах за период 2017–2019 гг. было выявлено 525 слов-реалий, которые мы предлагаем систематизировать по ономастическому принципу. В практическом материале мы выделяем десять классов. Распределение реалий по классам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Классы слов-реалий политического дискурса

класс	**дефиниция**	**кол-во единиц**	**доля в %**
топонимы	обозначение географических — в самом широком смысле слова — объектов	145	27,7%
политонимы	обозначение специфических для политической сферы деятельности, а также для системы государственного управления профессиональных и общественных объединений	121	23%
антропонимы	имена и фамилии конкретных персоналий	108	20,5%
официонимы	наименование должностей	79	15%
геортонимы	обозначение праздников, важных исторических событий	22	4,2%
документонимы	названия документов	21	4%

класс	дефиниция	кол-во единиц	доля в %
этнонимы	наименование групп людей, объединенных по национальному или географическому принципу	15	2,8%
эргонимы	наименование профессиональных объединений деловой (не политической) сферы деятельности	7	1,4%
гемеронимы	наименование средств массовой информации	5	0,9%
деонимы	апеллятивы, образованные от антропонимов	2	0,5%
	Всего:	525	100%

Чаще всего в своих выступлениях ораторы упоминали топонимы. Они оказались самой многочисленной группой в нашем материале (145 единиц). Их можно разделить на три большие группы: наименования межнациональных регионов (*Europa*) и территорий (*Schengen*[1]), наименования других стран или городов (*das Vereinigte Königreich, Bulgarien, China, die Vereinigten Staaten, Russland, Washington, Brüssel*) и наименования объектов Германии (*Deutschland, Bayern, Mecklenburg-Vorpommern, NRW, Schleswig-Holstein, Freiburg, Berlin, Hamburg*). Возможна также более детальная классификация топонимов. Анализ собранного материала позволяет выделить: хоронимы (наименования административных территорий — *die Bundesrepublik Deutschland, Bayern, Katalonien*), ойконимы (наименования населенных пунктов — *Brüssel, Passau, London*), урбанонимы (наименования внутригородских объектов — *Münchener Marienplatz, Görlitzer Platz*). Однако эта классификация не входила в круг наших задач.

[1] Зд. в значении *страны Шенгенского соглашения.*

Интересным примером употребления топонима является единица *Bindestrich-Bundesland*, представляющая собой композит от *Bundesland* ‘федеральная земля’ и *Bindestrich* ‘дефис’. Так обозначают в немецком языке федеральные земли Германии, название которых состоит из двух частей, обозначающих разные исторические регионы. В число таких земель входят Баден-Вюртемберг (*Baden-Württemberg*), Мекленбург — Передняя Померания (*Mecklenburg-Vorpommern*), Северный Рейн — Вестфалия (*Nordrhein-Westfalen*), Рейнланд-Пфальц (*Rheinland-Pfalz*), Саксония-Анхальт (*Sachsen-Anhalt*) и Шлезвиг-Гольштейн (*Schleswig-Holstein*). В данном примере, с нашей точки зрения, явно выражен культурный компонент.

Анализ наших примеров показывает, что топонимы могут приобретать символический характер. Так, в своем выступлении в Киле на съезде «Молодежного союза» в 2018 г. П. Цимиак упоминал хамбакский лес: … *da sind ja die gleichen Leute, die <…> das Vorgehen der Polizei fordern, aber im Hambacher Forst, im Hambacher Forst die Polizisten mit Fäkalien bewerfen. — И это те же самые люди, которые <…> требуют от полиции действий, но в хамбахском лесу бросают в полицейских фекалии.* Наряду с единицей *Hambacher Forst* употребительным является также топоним *Hambacher Wald*. Речь идет о лесе площадью в несколько сотен гектаров, который находится на территории федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия (*Nordrhein-Westfalen, NRW*) между городами Кельн (*Köln*) и Ахен (*Aachen*). Его возраст, по оценке немецких ученых[1], насчитывает 12 тыс. лет. Изначально, впервые упомянутый в X в. и ранее называвшийся Бюргевальдом (*Bürgewald*), лес имел площадь 4100 га. В 2018 г. планировалось вырубить значительную часть для расширения угольного разреза, однако на его защиту встали активисты экологической организации *BUND NRW*.

[1] См.: Википедия. Раздел: Einzelnachweise [Электронный ресурс]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Hambacher_Forst#cite_note-21 (дата обращения: 05.03.2021).

С тех пор хамбахский лес является символом борьбы экологов против угольной промышленности, а также предстоящего отказа от использования ископаемых источников энергии (угля) в рамках новой энергетической политики. Для правильного понимания смысла высказывания П. Цимиака, который в 2018 г. еще возглавлял *Junge Union*, необходимо знать эту дополнительную культурно- и национально-окрашенную информацию, а также политическую ситуацию, сложившуюся вокруг этого уникального географического объекта.

Закономерным для профессионального дискурса является употребление наименований различных объединений. В ономастике для таких единиц традиционно используется термин эргоним, как обозначение делового объединения людей, прежде всего, в экономической сфере деятельности. Политический дискурс является подвидом профессионального дискурса и имеет свои особенности. В этом случае Н.В. Шимкевич предлагает, например, употреблять термин политоним [Шимкевич 2019]. Еще раньше он встречается и у А.И. Едличко [Едличко 2017]. Основываясь на анализе нашего языкового материала, предлагаем разделять классы *политонимов* и *эргонимов*. Для названия различных объединений, предназначенных для выполнения профессиональных задач в сфере политики и государственного управления, считаем правомерным пользоваться термином *политоним*, поскольку он точнее отражает профессиональную специфику реалий. Для наименования профессиональных объединений в других сферах допускаем в качестве гиперонима термин *эргоним*.

В нашем материале мы выделяем 121 политоним. Сюда мы относим единицы, обозначающие специфические для политики и государственного устройства объединения, и подразделяем их на следующие подклассы: названия политических партий ФРГ (*die CDU, die AfD, die SPD, die NPD, die Union, die FDP, die Grünen, die Linke, die Piraten, die Junge Union, die JU, die JU Bayern*), наименования международных организаций (*die Europäische Union, das Europäische Parlament, die Nato,*

Rotes Kreuz); названия политических общественных движений (*Pegida, Pro Asyl*); наименования учреждений сферы государственно-административного устройства (*die Bundesregierung, die Große Koalition, die Bundesagentur für Arbeit, die Landesregierung, die Bundeswehr, das Bundesfinanzministerium, der Verfassungsschutz, der Deutsche Bundestag, der Landtag, die Bundespolizei, die Landespolizei*), наименования политических реалий других стран *(die ÖVP /Österreichische Volkspartei/ — Австрия, Front National — Франция; die KP, der Volkskongress — Китай*). В подкласс наименований политических партий ФРГ мы включили также обозначения членов данных объединений (*die Christdemokraten, die Christsozialen, die JUler, die Jusos, die Julis, die AfD-Funktionäre, die Grünen, die Republikaner, der Sozialdemokrat, der SPDler*). Отметим, что эти единицы именуют представителей объединений, а не указывают на должностные обязанности и по этой причине не могут относиться к официонимам.

Некоторые выявленные нами единицы обладают многозначностью, например, политоним *Heimatministerium.* В одном значении он относится к Федеральному министерству внутренних дел Германии (также Федеральное министерство внутренних дел, строительства и родины), которое с 2018 г. возглавляет Хорст Зеехофер (ХСС) — *Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat*. Второе значение связано с обозначением Министерства финансов и внутренних дел Баварии (*Bayerisches Staatsministerium der Finanzen und für Heimat*) под руководством Альфреда Фюракера (ХСС) с 2018 г. В третьем значении политоним именует Министерство внутренних и коммунальных дел земли Северный Рейн — Вестфалия (*Ministerium für Heimat, Kommunales, Bau und Gleichstellung des Landes Nordrhein-Westfalen*), которым с 2017 г. руководит Ина Шарренбах (ХДС). Главы данных министерств в разговорной речи могут сокращенно называться *Heimatminister*. Немецкое слово *Heimat* было дискредитировано в период нацизма, поэтому его использование в названии федерального

министерства в 2018 г. вызвало много критики. Важно отметить, что в официальном переводе на русский язык как названий министерств, так и должностей министров, компонент *Heimat* ‘родина’ либо опущен, либо переводится как *внутренние дела*.

Креативный характер немецкого языка наглядно проявляется в номинативной функции, когда создаются новые слова для обозначения политических объединений. Так, известно, что официальными терминами становятся названия различных коалиций, как на федеральном, так и на региональном уровне. Приведем несколько примеров. *Große Koalition* или *GroKo* («большая коалиция») в широком смысле обозначает правящую коалицию, состоящую из двух крупнейших или крупных партий в странах с парламентской многопартийной системой, преимущественно в Германии и Австрии[1]. В узком смысле речь идет о правящей коалиции в Германии, состоящей из блока ХДС/ХСС и СДПГ и находившей у власти в следующие периоды: 1966–1969 гг., 2005–2009 гг., 2013–2017 гг., 2017–2021 гг. Еще до выборов в бундестаг в сентябре 2017 г. СДПГ заявила, что намерена уйти в оппозицию, однако после провала предполагаемой коалиции в составе ХДС/ХСС, СвДП и «Союз 90/Зеленые» все же решила продолжить сотрудничество, но «Союз молодых социалистов» (*Junge Sozialisten, Jusos*), возглавляемый Кевином Кюнертом (*Kevin Kühnert*), выступил против под лозунгом *NoGroKo* — «Нет ‘большой коалиции’». После долгих внутрипартийных дебатов и переговоров с блоком ХДС/ХСС в 2018 г. «большая коалиция» все же продолжила свое существование.

Возможная коалиция из консерваторов (ХДС/ХСС), либералов и «зеленых» получила в немецком языке обозначение *Jamaika-Koalition* (коалиция «Ямайка»). Названа она по сочетанию цветов, символизирующих данные партии (ХДС/ХСС — черный, СвДП — желтый, «Союз 90 / Зеленые» — зеленый, *Schwarz-*

[1] Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/5760983 (дата обращения: 03.04.2021).

Gelb-Grün), которое соответствует цветам флага островного государства Карибского бассейна (Ямайка). После выборов в бундестаг в 2017 г. данные партии вели переговоры об образовании правящей коалиции (*Koalitionsverhandlungen*), но в итоге она не была создана из-за отказа председателя СвДП К. Линднера вступить в нее. Политоним *Jamaika-Koalition* появился после выборов в бундестаг 2005 г., когда вероятность создания такой коалиции была довольна высока. Единица *Jamaika-Koalition* включает в свой состав топоним. Считаем, что дифференциальную сему содержит единица *Koalition*, топоним *Jamaika* выполняет коннотативную функцию, поэтому включаем это наименование в класс политонимов.

Еще один политоним — *Regenbogenkoalition* — обозначает правящую коалицию, состоящую из множества идеологически разнородных партий (от *Regenbogen* ‘радуга’). Напомним, что в немецкой лингвокультуре цвет является доминантой в определении политической ориентации партии. Однако *Regenbogenkoalitionen* воспринимаются в политике как негативное явление. Подтверждение тому можно найти в высказывании генерального секретаря ХСС М. Блуме: *Wir sagen hier aus Passau, liebe Freunde, aus langjähriger Erfahrung, es ist noch besser allein zu regieren als mit irgendeiner Regenbogenkoalition zu regieren, auch das ist eine Wahrheit dieses Jahres 2018. — Здесь, в Пассау, дорогие друзья, опираясь на многолетний опыт, мы можем сказать, лучше руководить в одиночку, чем в составе ‘радужных’ коалиций* (т.е. разноперых, разношерстных коалиций)*, и это реальность года выборов 2018 года*. При переводе данного политонима, с нашей точки зрения, следует избегать креативного обозначения ‘радужный’, поскольку эта единица ассоциируется в русской лингвокультуре с положительной коннотацией (‘приятный, радостный, суляший счастье’), а сема ‘многоцветный’ не имеет отношения к политической ориентации партий [МАС Т. 3. 1983: 582].

В класс политонимов мы также включили неофициальные наименования, например, *Mutterpartei*. Так обозначают

в немецком языке политическую партию, представляющую собой центральную организацию по отношению к другим подчиненным или равным политическим организациям и их сторонникам[1]. Так, блок ХДС/ХСС является центральной партией по отношению к своей молодежной организации *Junge Union*. Стоит обратить внимание также на единицу *Volkspartei*, которая с лингвистической точки зрения выступает гиперонимом к наименованию нескольких партий. В немецкой политологии *народной партией* считается партия, которая в принципе открыта для избирателей всех социальных классов, поколений и различных мировоззрений. Термин *Volkspartei* впервые употребил в этом смысле политолог Дольф Штернбергер. Дитер Нолен включает в эту группу такие германские партии как СДПГ, ХДС и ХСС, поскольку они охватывают и объединяют все социальные слои. Таким образом, они противопоставлены партиям, представляющим интересы отдельных групп, как, например, СвДП. Для обозначения последних в немецком языке существует единица *Klientelpartei*.

Отметим также, что термин *Volkspartei* в упомянутом выше смысле используется только в Германии. В Австрии и Швейцарии он употребляется для обозначения партий, в названии которых есть композита *Volks- (Österreichische Volkspartei — ÖVP), Schweizerische Volkspartei — SVP).* В своем выступлении (Саарбрюкен, 2019 г.) в качестве избранного главы «Молодежного союза» Т. Кубан апеллирует к этому понятию и подчеркивает приверженность молодежной организации политическому курсу головной партии, считая *Junge Union*, как часть ХДС/ХСС, народной партией: *Und ich glaube, es ist uns als Volkspartei sehr wichtig, genau zuzuhören, wenn gerade junge Menschen sich auf den Weg machen, etwas vorzutragen, und auf hinzuhören*

[1] См., например: DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/wb/Mutterpartei (дата обращения: 03.04.2021). Duden-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Mutterpartei (дата обращения: 03.04.2021).

und sich überlegen, was kann die Lösung dessen sein, was dort befürchtet wird. — И я думаю, что нам, как народной партии, очень важно прислушиваться к начинаниям молодежи и подумать, каким может быть решение, и чего они опасаются.

Специфику политического дискурса Германии составляют также наименования, не имеющие аналогов в русскоязычной культуре, например, политоним *Werteunion*. Союз ценностей (в переводе на русский) — зарегистрированная организация (*eingetragender Verein*), базирующаяся в Планкштадте[1], которая представляет собой объединение консервативных и экономически либеральных инициатив членов блока ХДС/ХСС. Это непризнанное партийное подразделение, однако его члены преимущественно являются представителями консервативного блока. *Werteunion* был основан в 2017 г. и претендует на то, чтобы представлять консервативное ядро ХДС/ХСС. При этом некоторые представители ХДС выражают неприятие деятельности *Werteunion,* что также подтверждает использование П. Цимиаком в 2018 г. (г. Киль) лексемы *Ob-Werte-Union*. Союз *ob* перед названием организации служит для выражения сомнения и недоверия к их действиям. П. Цимиак: *Wir haben immer diskutiert, auf den Deutschlandtagen, in der CDU/CSU bilden sich irgendwelche komischen circa Ob-Werte-Union oder Union der Mitte, das ist alles illegitim. — На съездах нашей организации мы всегда обсуждали, что в ХДС/ХСС образуются какие-то странные объединения, что-то вроде сомнительного Союза ценностей или Союза центра, все это незаконно.*

Упомянутый П. Цимиаком *Union der Mitte* был основан в конце 2017 г. членом ХСС Стефаном Блохом с целью поддержания единой политической линии блока ХДС/ХСС. В то время как канцлер А. Меркель приветствовала новую тенденцию и оценила ее как «выражение жизнеспособности» блока, руководство ХСС потребовало немедленного прекра-

[1] Планкштадт — коммуна, расположенная в федеральной земле Баден-Вюртемберг, входит в административный округ Карлсруэ.

щения всей деятельности неформальной группы. В августе 2018 г. президиум и правление ХДС согласились не признавать официально новые внутрипартийные группы, такие как *Werteunion* и *Union der Mitte*, с целью предотвратить раскол партии и укрепить внутреннюю сплоченность.

В политическом дискурсе ФРГ довольно часто упоминаются различные объединения официального, полуофициального и неофициального характера. Это также отражает национальную специфику языка и профессиональной сферы деятельности. Так, в проанализированных нами выступлениях мы встретили политоним *Senioren-Union (SU/SEN)* (Союз пожилых граждан). Это организация ХДС, которая представляет интересы и потребности старшего поколения. Вступить в нее может любой гражданин старше 60 лет, при этом членство в ХДС не требуется, члены ХДС старше 60 лет не становятся автоматически членами данного Союза, они могут вступить в эту организацию самостоятельно. Федеральный офис 'Союза пожилых граждан' находится в штаб-квартире ХДС в Берлине *(Konrad-Adenauer-Haus)*. 'Союз пожилых граждан' представлен на европейском уровне в 'Европейском союзе пожилых граждан' (*Europäische Senioren-Union, ESU*). Или, например, политоним *CDA (die Christlich-Demokratische Arbeitnehmerschaft*). Это — Христианско-демократическая ассоциация трудящихся, представляющая социальное крыло ХДС. Его члены заинтересованы в социально ориентированной политике, основными чертами которой считаются обеспечение достойных пенсий, политика на рынке труда, ориентированная на занятость, охрана здоровья в сфере труда, обязательное социальное страхование. Среди прочего, *CDA* призывает к созданию лучших условий по страхованию пожилых людей с ограниченными возможностями и малообеспеченных работников с длительным стажем работы, а также к более справедливой заработной плате за временную работу и повышению заработной платы женщин. Председателем *CDA* на федеральном уровне является Карл-Йозеф Лауманн (*Karl-Josef Laumann*). Приведем при-

мер из выступления П. Цимиака (2018 г., Киль): *Und deswegen, liebe Freunde, bin ich froh, dass wir <…> CDA mit Karl-Josef Laumann haben. Dass uns dieser Sozialaspekt wichtig ist, das gehört zu unseren Ideen, liebe Freunde! — И поэтому, дорогие друзья, я рад, что <…> у нас есть Христианско-демократическая ассоциация трудящихся во главе с Карлом-Йозефом Лауманном. И то, что для нас этот, социальный, аспект является важным, это часть наших идей, дорогие друзья!*

Описанные выше примеры подтверждают, что единица *Union* является довольно частотной в немецкоязычном политическом дискурсе. Об этом свидетельствуют названия традиционных для Германии партий (*Christlich-Demokratische Union, Christlich-Soziale Union, Junge Union*), многочисленных организаций федерального и регионального уровня (см. примеры выше), межгосударственных объединений (*die Europäische Union*). При переводе на русский язык следует, однако, обращать внимание на специфику того или иного объединения, так как не для каждого понятия можно использовать словарное обозначение «союз»: *Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз, Молодежный союз, Европейский союз*, но *блок ХДС/ХСС*. Кроме того, единица *Union* может выступать синонимом либо к ХДС, либо к ХСС, в зависимости от контекста. Таким образом, помимо дифференциальной семы (союз), данный оним обладает контекстуальными семами (блок; ХДС; ХСС), которые реализуются только в профессиональной сфере. По данному компоненту довольно легко определить, выполняется ли перевод профессионалом или дилетантом, который может прекрасно владеть немецким языком, но не знать специфики профессионального дискурса.

Помимо частотных лексем *Union* и *Vereinigung,* присутствующих во многих единицах, для обозначения профессиональных объединений в немецком языке используются слово *Verband*. Оно обозначает ассоциации физических или юридических лиц, объединившихся добровольно для достижения общих интересов и целей, которые имеют определенную внутрен-

нюю организационную структуру, основанную на статутах частного или публичного права. Национальные партии, профсоюзы, клубы или другие ассоциации часто имеют пространственно-структурированные организационные структуры на разных уровнях. Данные ассоциации различаются по типу финансирования (внутреннее/внешнее), правоспособности (юридические, частные и неправовые), целям (экономические, социальные, политические и т.п.) и типу членов организации. Так, *Bundesverband* — термин, обычно обозначающий структуру федерального уровня, что является обычным для всех партий и объединений. На региональном уровне используется термин *Landesverband* (региональное/земельное отделение), *Bezirksverband* (окружное отделение) относится к уровню административных округов, *Kreisverband* (районное отделение), традиционно называемое в СДПГ *Unterbezirk*, и *Gemeinde- oder Ortsverband* (муниципальное или местное отделение). Так, ХДС в Германии разделен на 17 региональных отделений (*Landesverbände*), 27 окружных отделений (*Bezirkverbände*), 327 районных отделений (*Kreisverbände*) и более 10 000 муниципальных отделений (*Ortsverbände*). По историческим причинам в Нижней Саксонии есть три региональных отделения: Ганновер, Брауншвейг и Ольденбург; вместе они образуют областное отделение (*Gebietsverband*) ХДС в Нижней Саксонии. Напомним также, что ХДС представлена во всех землях Германии за исключением Баварии. В некоторых случаях, однако, лексема *Verband* получает иное значение, например, *Zentralverband des deutschen Handwerks* — Центральная ассоциация ремесленных союзов ФРГ.

Проиллюстрируем употребление единиц *Union* и *Verband* на примере высказывания П. Цимиака (выступление в г. Киль, 2018 г.): *Und viele von euch kennen Otto Wolf — Bundesvorsitzenden der Seniorenunion, der aus meinem heimen CDU-Verband kommt. — И многие из вас знают Отто Вольфа — главу федерального Союза пожилых граждан, который был членом моего родного регионального отделения ХДС.*

К классу эргонимов относим наименования предприятий и концернов (*Bosch Werk, der Google, der Amazon, die Peene-Werft, BMW, die Mittelstandsvereinigung*), также реалии других профессиональных дискурсов (*FC Bayern*[1] — спортивный дискурс). Таких единиц в нашем материале всего 7, однако, эти примеры подчеркивают интердискурсивный характер политической сферы деятельности.

Антропонимы, по утверждению некоторых исследователей, представляют собой наиболее многочисленную группу имен собственных [см, например, Едличко 2017]. Однако наш анализ показал, что по количеству единиц они занимают только третью позицию (108 единиц). В своих выступлениях ораторы неоднократно упоминали имена и фамилии политических и общественных деятелей, прежде всего, своей страны (*Konrad Adenauer, Helmut Kohl, Manfred Weber, Lorenz Caffier, Wolfgang Schäuble, Franz Josef Strauß*). В отношении структуры имени обращает на себя внимание употребление диминутивов (*Andi* — Andreas Scheuer*; Basti* — Bastian Schneider) и акронимов (*AKK* — **A**nnegret **K**ramp-**K**arrenbauer*, KKK* — Werner **K**uhn, Vincent **K**okert, Michael **K**och). Встречались также формы фамильярного обращения или упоминания — по имени (*Ilse* — Ilse Aigner), по фамилии (*Scholz* — Olaf Scholz*; Gauland* — Alexander Gauland*; Strauß* — Franz Josef Strauß) или формы подчеркнуто вежливого обращения или упоминания (*Herr Schulz* — Martin Schulz*; Herr Habeck* — Robert Habeck). Анализ показывает, что выступавшие прибегали не только к официальному, но и к разговорному стилю в употреблении антропонимов. Объясняется это спецификой профессионального дискурса и жанра публичного выступления (институциональность, эзотеричность, редукционизм, оценочность и агрессивность), а также особенностью данных политических мероприятий.

Все выявленные имена собственные личные можно условно разделить на прецедентные имена (*Konrad Adenauer,*

[1] Название футбольного клуба Баварии.

Helmut Kohl, Franz Josef Strauß, Willy Brandt, Ludwig Erhard), имена политических деятелей национального (*Angela Merkel, Manfred Weber, Christian Lindner, Claudia Roth, Sahra Wagenknecht*) или регионального уровня (*Ilse Aigner, Martin Brick, Christian Doleschal, Ralf Drescher, Albert Füracker*), а также имена политических и общественных деятелей других стран (*Sebastian Kurz, Donald Trump, Le Pen, Michelle Obama, Greta Thunberg*).

Прецедентные имена представляют собой своеобразный культурный знак, символ опередеенных качеств и свойств, их упоминание акцентирует внимание на приверженности политическим традициям и партийному курсу. О прецедентности некоторых имен собственных свидетельствует, в частности, возможность их перехода в разряд имен нарицательных [Чигашева 2017а, 2017б, 2019]. Благодаря этому в немецком языке появляются неологизмы-деонимы: *adenauern, kolsch, Kolianer, merkeln, merkelsch, Merkelianer, Nicht-Merkelianer, lindnern* и др. Впрочем, эта возможность распространяется на имена политических деятелей не только Германии, например, *Kurzschluss* или *Kurz-Schluss* (игра слов, связанная с именем федерального канцлера Австрии С. Курца, намекает на ситуацию 2019 г., когда из-за скандала с вице-канцлером Х.-К. Штрахе пришлось проводить новые выборы), *Trumpismus* (стиль руководства 45-го президента США Д. Трампа), *Trumpist* (сторонник Д. Трампа), *Trumponomics* (экономический курс США, ориентированный на национальные интересы), *Abenomics* (экономический курс Японии под руководством вице-премьера С. Абэ, связанный с обесцениванием национальной валюты — йены) и др.

Признаком особой значимости некоторых имен для культуры нации и политического дискурса является их включение в словообразовательные процессы. Так, штаб-квартира ХДС носит имя первого федерального канцера ФРГ Конрада Аденауэра (*das Konrad-Adenauer-Haus*), штаб-квартира СДПГ — имя идеолога так называемой «новой восточной

политики» Вилли Брандта (*das Willy-Brandt-Haus*). В этих понятиях наряду с культурным явно выражен профессиональный компонент. Похожие наименования, например, *das Goethe-Schiller-Haus*, содержат только культурный компонент. При переводе таких обозначений на русский язык необходимо использовать разные приемы: в первом случае — описательный, во-втором — буквальный.

Обращение к действующим политикам национального и регионального уровня позволяет создавать особую доверительную атмосферу среди участников мероприятия, поднимая статус и значение «своих» и критикуя «чужих», если речь идет о политических оппонентах. Имена деятелей других стран подчеркивают важность и расставляют приоритеты международной политики, в нашем случае, консервативных партий ФРГ.

Наименования должностей (официонимы) выделены в отдельный класс реалий профессионального политического дискурса (*der Fraktionsvorsitzende, der Finanzminister, die Bundesjustizministerin, der Landrat, der Umwelt- und Landwirtschaftsminister, die Justizministerin, der Oberbürgermeister, die Kanzlerin* и др.). В анализируемом практическом материале было выявлено 79 единиц. Они обозначают специфический для данной сферы деятельности род занятий и функциональные обязанности, имеют ярко выраженный национальный компонент. С точки зрения переводоведения такие единицы представляют особую сложность при передаче их значений на другой, в частности, русский язык по причине отсутствия схожего денотата. Система административных должностей современной ФРГ отличается иерархичностью (как, впрочем, схожая система в любой культуре), имеет очень разветвленный и консервативный характер. Некоторые обозначения оставались в языке, несмотря на смену общественно-политического строя (например, *der Landrat, der Bürgermeister, der Justiziar, der Staatssekretär*). Их значения либо оставались неизменными (*der Bürgermeister*), либо корректировались (*der Staatssekretär*).

В своих выступлениях ораторы упоминали национальные праздники и их элементы, а также общественно-значимые политические, исторические и военные события, которые мы объединили в класс геортонимов (*Osterwoche, die Deutsche Einheit, Silvester, der kalte Krieg, Karneval, der Zweite Weltkrieg, die Fastnacht, der Rosenmontagsumzug* и др.). Таких единиц оказалось 22. Интересно отметить, что упоминание карнавала и связанных с ним понятий встречается только в выступлениях лидеров ХДС А. Меркель и А. Крамп-Карренбауер (*die Karnevalsnacht, die römische Session, die Fastnacht, der Rosenmontagsumzug*). Объясняется это, на наш взгляд, спецификой мероприятия *Politischer Aschermittwoch* и его взаимосвязью с традициями именно рейнского карнавала. «Политическая пепельная среда» отчасти связана с неписаными правилами, допускающими во время карнавала вольное обращение к «сильным мира сего», в нашем случае — к лидерам своей партии и политическим оппонентам. На юге ФРГ, в частности, в Баварии, этот праздник также отмечается, но называется иначе (*Fasching*), опирается преимущественно на языческие традиции и не имеет политического контекста, поэтому лидеры ХСС (Х. Зеехофер и М. Зёдер) не апеллируют к его национальным особенностям.

Во всех проанализированных нами выступлениях ораторы упоминали единицы *der Krieg, der Zweite Weltkrieg, der Kalte Krieg, die Deutsche Einheit*, что свидетельствует об особой значимости и актуальности этих событий для общественно-политической жизни страны. Использование обозначений других праздников и их элементов (*Silvester, Hochzeit, Osterwoche, Martinsumzüge, Martins Laterne*) придают выступлению доверительный характер. Все это свидетельствует о ритуальности жанра публичных выступлений и прагматическом характере политического дискурса.

Интересно отметить, что некоторые геортонимы содержали наряду с культурным также профессиональный компонент, указывающий на общественно-политическую тема-

тику. Такой единицей, в частности, является *Silvesternacht*. В наших примерах речь шла не просто о новогодней ночи (с 31 декабря на 1 января), в этом значении слово отражено в лингвострановедческих словарях [Куликов и др. 2001: 200]. Сам день 31 декабря, как известно, называется (*der*) *Silvester* в честь римского епископа Сильвестра I, умершего 31 декабря 335 г. В современном немецком языке эта единица имеет также другое значение, появившееся в связи с трагическими событиями в канун Нового года в некоторых городах Германии. Именно в новогоднюю ночь 2016 г. произошли массовые нападения мигрантов из Северной Африки и арабских стран на немецких женщин. Самыми многочисленными были нападения в Кельне. Эти события описывались в прессе как *sexuelle Übergriffe in der Silvesternacht 2015/2016*. Таким образом, упоминая единицу *Silvesternacht* или *Kölner Silvesternacht* политические деятели имлицитно указывали на конкретные события, ставшие следствием миграционной политики А. Меркель.

При анализе практического материала были обнаружены наименования различных документов, имеющих отношение к общественно-политической сфере деятельности (*der Koalitionsvertrag, der Atomwaffensperrvertrag, der DigitalPakt Schule, die Verfassung, das Grundgesetz, das BAföG, der Stabilitäts- und Wachstumspakt, der Pakt für Justiz, Hartz IV* и др.*)*. Это позволило выделить класс документонимов, в котором представлены 21 единица. Выявленные единицы можно распределить на два подкласса: документы международного (*der Atomwaffensperrvertrag*) и национального уровня (*der Koalitionsvertrag, der DigitalPakt Schule, das Grundgesetz, das BAföG*). Чаще всего (20 единиц) в своих выступлениях ораторы апеллировали к документам национального уровня, что свидетельствует о приоритетности задач внутренней политики. Примечательно, что в фокусе внимания политиков значительное место занимали проблемы образования. Так, новым понятием в дискурсивном пространстве ФРГ является *DigitalPakt Schule*, программа по цифровизации учебных заведений всех

типов, принятая правительством 14 сентября 2019 г. Она предусматривает выделение из государственного бюджета значительных сумм на реализацию этого проекта. В начале 2019 г. это решение еще не было принято, но политики указывали в своих выступлениях на его актуальность и убеждали свои партии в правильности выбранного курса. Приведем два примера — из выступлений А. Крамп-Карренбауер и М. Зёдера.

А. Крамп-Карренбауер: *Ich bin froh, dass der DigitalPakt Schule jetzt umgesetzt worden ist, weil ehrlich gesagt ist es keinem Menschen zu erklären, dass wir Milliarden auf die hohe Kante gelegt haben, aber das Geld nicht an den Schulen ankommt, weil wir uns nicht einigen konnten. — Я рада, что проект по цифровизации школ сейчас уже решенное дело. Потому что, честно говоря, невозможно объяснить, что мы откладываем деньги на черный день, но деньги не доходят до школ, так как мы не можем договориться.*

М. Зёдер: *Der Süden formiert sich, der Süden ist einig, die Südschiene steht, wir wollen Partner sein, wir haben das beim DigitalPakt Schule schon gut gezeigt. — Бавария сдвинула ряды, Бавария едина, сотрудничество с соседями* (*зд.* федеральная земля Баден-Вюртемберг. — *Авт.*) *налажено, мы намерены сотрудничать, мы это доказали на примере проекта по цифровизации школ.*

Разразившаяся на следующий год пандемия коронавируса привела не только к вынужденному закрытию школ, но и выявила серьезное отставание системы образования ФРГ от мировых стандартов, поэтому в июле 2020 г. правительство решило расширить пакет мер и согласовало дополнительное финансирование[1].

Документ международного значения встречался только в речи А. Крамп-Карренбауер (*der Atomwaffensperrvertrag*[2]).

[1] Bundesministerium für Bildung und Forschung. URL: https://www.digitalpaktschule.de/de/was-ist-der-digitalpakt-schule-1701.html (дата обращения: 21.02.2021).

[2] Договор о нераспространении ядерного оружия, участниками которого являются почти все независимые государства за исключением Израиля, Индии, Пакистана, КНДР и Судана.

При этом лидер ХДС М. Зёдер отдельно упоминал также Конституцию федеральной земли Бавария (*die bayerische Verfassung, unsere Verfassung*). Считаем, что такой перевес в сторону внутренней политики никоим образом не демонстрирует пренебрежение международной проблематикой со стороны лидеров консервативных партий Германии и обусловлен экстралингвистическими условиями — выступления были ориентированы на соратников и потенциальных избирателей в своей стране.

В состав документонимов могут входить также имена других классов, например, топонимы *Dresdner Erklärung*. Так называемая *Дрезденская декларация* представляет собой требования молодого поколения в лице молодежной организации *Junge Union* к грядущему правительству. К требованиям относятся цифровизация Германии, совершенствование миграционной политики, повышение мобильности, в частности автомобильной индустрии, укрепление семьи, улучшение образовательной системы.

Документонимы могут также включать имена собственные, например *Hartz IV*. Название документа, обозначающего пакет мер федерального правительства по реформированию рынка труда, связано с именем предпринимателя и экономиста Петера Харца (*Peter Hartz*), который входил в состав наблюдательного совета концерна Фольксваген (*Volkswagen AG*). В период канцлерства Герхарда Шрёдера (*Gerhard Schröder*) он возглавлял комиссию (*Hartz-Kommission*), которая в итоге разработала и предложила в 2005 г. концепцию четырех законов (*Hartz I-IV*). Немецкая общественность довольно негативно отнеслась к данным предложениям, которые, тем не менее, были реализованы федеральным правительством под руководством Г. Шрёдера (*Kabinett Schröder II*) в период 2002–2005 гг. Самым спорным оказался четвертый закон (*Hartz IV*), поскольку он предусматривал существенное сокращение пособия по безработице и, по мнению некоторых, нарушал принципы социального государства. Известно,

что именно немцы стояли у истоков данных принципов, так как еще при Отто фон Бисмарке (*Otto von Bismarck*) в кайзеровской Германии были проведены социальные реформы, направленные на охрану труда и поддержку малоимущих [Беспалова 2011]. Впоследствии название четвертого закона приобрело в дискурсивном пространстве, прежде всего в медийном, значение «пониженное пособие по безработице». Употребительными в немецком языке стали единицы *Hartz IV-Empfänger*[1]*, Hartz IV-Bezieher*[2]*, Hartz IV-Bezug*[3]*, Hartz IV-Krisensätze*[4]*, Hartz IV-Leistungen*[5]*, Hartz IV-Familien*[6]. Неоднозначное отношение немецкого общества к данному закону, а также то, что он затронул интересы довольно значительного количества граждан ФРГ и отчасти ущемлял их права, вызвало появление в немецком языке деонима *hartzen*. Наибольшее распространение слово получило в молодежном сленге, где употребляется в двух значениях: «1. ничего не делать, без-

[1] *См.* Tagesspiegel-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/keine-gutscheine-fuer-ffp2-masken-viele-kranke-und-menschen-mit-behinderung-gehen-leer-aus/26938558.html (дата обращения: 28.02.2021).

[2] *См.* Tagesspiegel-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/vor-dem-koalitionsausschuss-spd-fuehrung-will-corona-zuschlag-fuer-hartz-iv-bezieher-durchsetzen/26868768.html (дата обращения: 28.02.2021).

[3] *См.* Tagesspiegel-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/finanzielle-zusatzlasten-weniger-unterstuetzung-so-trifft-corona-die-aermsten/26869770.html (дата обращения: 28.02.2021).

[4] *См.* Tagesspiegel-online. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/depressionen-angst-und-zwangsstoerungen-corona-noete-finden-nicht-nur-im-portemonnaie-statt/26869326.html (дата обращения: 28.02.2021).

[5] *См.* Tagesspiegel-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/hartz-iv-regelsaetze-steigen-2021-vierzehn-euro-mehr-zum-leben/26168794.html (дата обращения: 28.02.2021).

[6] *См.* Focus-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.focus.de/perspektiven/gesellschaft-gestalten/hartz-iv-so-entkommen-kinder-aus-beduerftigen-familien-der-sozialhilfe_id_11703260.html (дата обращения: 28.02.2021).

дельничать; 2. жить на пособие по безработице» [Шевякова, Чигашева 2015: 54].

Подчеркнем также, что сема «жить на пособие по безработице» имеет ярко выраженную негативную коннотацию по сравнению с нейтральным значением словосочетания *vom Arbeitslosengeld leben*. Глагол *hartzen* подчеркивает иждивенческое отношение к государству со стороны некоторых граждан. С этим значением связано появление в немецком языке производных единиц, например, *Hartz IV-Dynastie* (семья, где несколько поколений живут на социальное пособие по безработице), *Hartz IV-TV* (ток-шоу, которые обычно показывают в дневное, рабочее, время), *Hartz IV-Smoking* (костюм для бега трусцой) [Шевякова, Чигашева 2015: 54].

Отдельно мы выделили класс этнонимов, включив туда 15 единиц. Сюда относятся наименования этнических групп, наций, национальностей, народов, объединенных общей географической или административной территорией (*die Mecklenburger, die Vorpommerner, die Chinesen, die Amerikaner, die Bayern, Europäer, die Deutschen* и др.). Считаем возможным распределить данные единицы на три подкласса: собственно немецкие этнонимы (*die Mecklenburger, die Vorpommerner, die Bayern, die Deutschen*), межрегиональные этнонимы (*Europäer*) и этнонимы, относящиеся к другим регионам мира (*die Chinesen, die Amerikaner*). Судя по частотности упоминания, немецкие политики акцентировали внимание на внутренней проблематике, не оставляя без внимания, однако, и текущую ситуацию на международной арене.

Встречаются также гемеронимы (5 единиц), то есть наименования некоторых СМИ. В нашем случае это были печатные надрегиональные издания (*Bild am Sonntag, die BILD-Zeitung, DIE ENTSCHEIDUNG, Die Welt, Die ZEIT).* Отметим, что журнал *DIE ENTSCHEIDUNG* упоминался только в выступлениях лидеров «Молодежного союза ХДС/ХСС», поскольку он является основным печатным органом данной организации. Это своеобразная площадка для обсуждения будущего страны

и общества. Под таким названием журнал выходит с 1953 г. каждые два месяца. Действующим главным редактором является Флориан Мюллер (*Florian Müller*). Основная задача журнала — информировать своих членов о принятых политических решениях (отсюда и название издания[1]) и разъяснять их.

В текстах выбранных для анализа публичных выступлений были выявлены также два деонима (*der Schulzzug, eine Manfred-Wahl)*, то есть имена собственные, перешедшие в разряд апеллятива. Ранее мы уже упоминали это языковое явление. Подчеркнем, что употребление антропонимов не в своей прямой функции отражает, с одной стороны, названные выше характеристики жанра публичного выступления (оценочность), с другой, современный этап развития немецкого языка. Деонимизация обусловлена, как правило, экстралингвистическими факторами и, как отмечают немецкие исследователи, проявляется особенно ярко в периоды общественно-политических преобразований [Wengeler 2010]. Большую часть деонимов в немецком языке представляют глаголы [Никитина 2015, Чигашева 2016, 2019]. Сферой их употребления является преимущественно дискурс СМИ [Чигашева 2017а, 2017б]. Отметим, что деонимы обладают ярко выраженной коннотацией, в большинстве случаев негативной. Мы уже приводили пример с глаголами *lindnern* (см. глава 2, п. 2.1) и *hartzen* (см. выше).

Употребление деонимов в публичном выступлении свидетельствует, по нашему мнению, о его эмоциональном характере и отражает суггестивную и манипулятивную функции, свойственных преимущественно медийному дискурсу. По мнению В.А. Буряковской, эти две функции направлены на агональное воздействие на участников коммуникации, являются скрытыми, интегрально заложены в коррелирующую функцию массовой коммуникации. Суггестивная функция связана с эмоционализацией, когда информация представ-

[1] От нем. die Entscheidung — процесс и результат принятия решения.

ляется несколько театрализовано, подается с драматической точки зрения [Буряковская 2014: 19–23]. На примере нашего материала можно сделать вывод о пересечении функций политического и медийного дискурсов. Употребление ораторами эмоциональных языковых средств обусловлено целым рядом функций политического дискурса: побудительной, эмотивной, эстетической (по терминологии А.П. Чудинова).

Считаем возможным анализировать реалии в том числе и с позиции по́левого подхода, опираясь на принципы семантического анализа, разработанные Л.А. Новиковым [Новиков 2001]. В качестве примера приведем топоним *Deutschland*, который содержит две дифференциальные семы (географическая территория, административная территория)[1]. Эта единица составляет центр топонимического микрополя. Сюда же можно включить единицу *die Bundesrepublik Deutschland*, обладающую такими же семами. На периферии данного микрополя окажутся единицы, в значении которых выделяется контекстуальная сема на основе ассоциаций, связанных с обозначаемым денотатом и возникающих в определенных ситуациях словоупотребления (*der Bund, die Republik, der deutsche Boden, die halbe Republik, das Land, Deutschland 2018, Bund und Länder*). Аналогия наблюдается и в случае топонима, обозначающего административный и географический регион ФРГ (Бавария): в центре микрополя находятся единицы *Bayern* и *der Freistaat Bayern*, на периферии — *das soziale Bayern, Niederbayern, das Land*. Отметим также, что наш анализ выявил две различные топонимические контекстуальные семы у единицы *das Land* (1. обозначение государства Германия; 2. обозначение федеральной земли Бавария). К периферии политонимического микрополя будут относиться единицы, обладающие

[1] В более широком понимании единица Deutschland обладает архисемой, как обозначение территории, на которой проживают представители немецкой нации, независимо от общественно-политического строя и исторической ситуации.

контекстуальной политонимической семой (*das Kabinett, das Bürokratieabbauministerium*). На этом же основании контекстуальными семами обладают наименования членов политических объединений (*die Christdemokraten, die Christsozialen, die JUler, die Grünen, die Republikaner, der Sozialdemokrat, der SPDler*), что позволяет относить их к периферии микрополя политонимов.

Проанализировав приведенные ранее дефиниции реалий и систематизировав их с позиции ономастики и семантики, считаем необходимым уточнить определение данных лексических единиц с учетом профессионально ориентированной направленности. Предлагаем считать *реалиями политического дискурса* слова и словосочетания, которые, во-первых, обозначают предметы, понятия и явления общественно-политической жизни, в частности, профессиональной сферы деятельности «политика» и «государственное устройство», релевантные для представителей немецкоязычного сообщества на территории современной ФРГ, во-вторых, обладают дифференциальной и/или контекстуальной семой, позволяющей соотносить их с данной профессиональной сферой деятельности.

Подчеркнем, что в центре внимания данного исследования находится один из трех официально признанных национальных вариантов немецкого языка, функционирующий на территории ФРГ. Выявленные примеры культурно-маркированной лексики не обладают языковой универсальностью для всех трех вариантов. Большинство из них оказываются либо нерелевантны для языкового социума Австрии и Швейцарии, либо объемы понятий расходятся. Явные различия наблюдаются и в отношении специфических терминов, обозначающих один и тот же денотат, например, министерство иностранных дел — *das Auswärtige Amt* (ФРГ), *Bundesministerium für Europäische und internationale Angelegenheiten* (Австрия), *Eidgenossisches Department für auswärtige Angelegenheiten, EDA* (Швейцария). Или, в случае обозначения парламента: для наименования законодательных органов в разных странах,

где основным средством коммуникации выступает немецкий язык, также используют разные единицы: *der Bundestag* и *der Bundesrat* (ФРГ*), der Nationalrat* и *der Bundesrat* (Австрия), *der Nationalrat* и *der Ständerat* (Швейцария). В этом случае объемы понятий частично совпадают, частично расходятся. По-разному обозначаются лидеры, в частности, консервативных партий: *der/die Parteivorsitzende, der Parteichef / die Parteichefin* (ФРГ) и *der Obmann* (Австрия). Интересно отметить, что в австрийском варианте немецкого языка наблюдается параллельное употребление разных терминов. Так, для обозначения главы «Австрийской народной партии» (*Österreichische Volkspartei*) или «Австрийской партии свободы» (*Freiheitliche Partei Österreichs*) применяется уже упомянутая единица *der Obmann, der Bundesparteiobmann*. У социал-демократов (*Sozialdemokratische Partei Österreichs*) председатель партии называется *der/die Parteivorsitzende*, точно так же, как и в случае с партией «Новая Австрия» (*NEOS*). У партии «Зеленые» (*Die Grünen*) и «Коммунистической партии Австрии» (*Kommunistische Partei Österreichs*) аналогичная должность называется *der Bundesprecher/die Bundessprecherin*. Есть различия и в обозначении фракций: в Германии они называются *die Fraktion*, в Австрии — *der Klub*. Отсюда различия и в именовании лидеров фракции: *der Fraktionschef/die Fraktionschefin* (ФРГ), *der Klubobman/die Klubobfrau* (Австрия). В Швейцарии для обозначения лидера любой партии используют термин *das Präsidium*, а для руководителя фракции — лексему *der Präsident*. Данные единицы наглядно демонстрируют наличие культурного и профессионального компонента в значении понятий. На это, в частности, на примере политического, экономического и юридического дискурсов указывает Т.А. Яковлева, упоминая также разные обозначения в Германии и Австрии глав (*der Ministerpräsident* — ФРГ; *der Landeshauptmann* — Австрия) и членов (*der Minister* — ФРГ; *der Landesrat* — Австрия) земельных правительств, встреч представителей правительства с журналистами (*das Pressegespräch* — ФРГ;

das Pressefoyer — Австрия) или инаугурации (*die Vereidigung* — ФРГ; *die Angelobung* — Австрия) [Яковлева 2020: 134].

Слова-реалии, обладая национально-культурной спецификой, в большинстве случаев не вызывают особых трудностей при декодировании информации носителями другого языка. Поиск их значения, как правило, оказывается успешным. Информацию предоставляют многочисленные интернет-ресурсы (например, Википедия, официальные сайты министерств, ведомств, различных политических партий, организаций, надрегиональных и региональных СМИ и т.п.), а также двуязычные лингвострановедческие словари [Куликов и др. 2001, Мальцева 2001, Маркина 2006]. Проблему могут представлять отдельные официонимы, политонимы и документонимы, поскольку в этих сферах обнаруживается значительное расхождение в языковой картине мира носителей немецкого и русского языков. Кроме того, профессиональный, в нашем случае — политический, дискурс обладает своей спецификой, которая не отражается в лингвострановедческих словарях общего типа.

Отметим, что большинство реалий, выраженных онимами, с точки зрения переводоведения можно отнести к группе эквивалентной, либо условно эквивалентной лексики, лишь незначительное количество — к безэквивалентным единицам. Для правильного толкования их значения необходим определенный объем экстралингвистических знаний. В этом случае целесообразной представляется лингвокультурологическая модель перевода, предлагаемая С.В. Евтеевым [Евтеев 2003]. Данная модель включает когнитивные параметры и учитывает лингвокультурную эквивалентность, под которой автор понимает восприятие перевода представителями иной культуры культурноспецифических элементов оригинала. «В процессе выравнивания идиоэтнической специфики внутренних контекстов при создании переводного текста переводчик производит действия над следующими лингвокультурными единицами в исходном тексте, которые могут стать причиной информационных сбоев и искажений в понимании реципиентом текста в другой куль-

туре: феномены культуры: реалии (безэквивалентная лексика), идиокультурные ситуации (внеязыковая реальность, связанная с проблемой отражения национально-культурной специфики, в том числе культурно значимые традиции, нормы, обычаи, обряды и т.п.); концепты (стереотипы мышления, символы культуры, различия во взглядах на мир); структурно-семантические особенности языковых единиц (образы языка, фразеология, речевое поведение, система кодов)» [Евтеев 2008: 60]. Предлагаемая модель отражает важную для переводоведения триаду «язык-культура-личность» (по терминологии С.П. Мамонтова) и позволяет рассматривать перевод как вид языкового посредничества в условиях межкультурной коммуникации.

3.2. Гендерно-маркированные единицы

Гендерная языковая политика, то есть отражение в языке равноправия мужчин и женщин, является отличительной чертой современного немецкого языка. Заимствованное из английского языка обозначение «гендер» (*gender*) относится, прежде всего, к социальной сфере и выражается в распределении социальных ролей, традиционно приписываемых мужчинам или женщинам. С лингвистической точки зрения речь идет о выборе и употреблении языковых средств, не ущемляющих права тех или иных лиц. Такой подход получил обозначение «политическая корректность» и активно исследуется на материале различных языков и направлений [Зиновьева 2019, Игнатова 2019, Петрова 2019]. Немецкие ученые считают, что политическая корректность напрямую связана с вопросами морали, имеет четкое моральное обоснование [Stefanowitsch 2018: 21–30].

Понятие «гендер» можно рассматривать с разных позиций: с точки зрения биологии (предполагает разделение живых существ по биологическим признакам на мужской и женский пол), социологии (изучает распределение социальных ролей индивидуумов в обществе или в отдельной группе) и лин-

гвистики (анализирует отражение в языке и биологических, и социальных признаков на грамматическом и семантическом уровнях). Языковые признаки гендерной политкорректности обнаруживаются, прежде всего, в ономастическом пространстве и связаны с назывной функцией. Так, в немецком языке одной из важнейших характеристик существительного является категория грамматического рода: *m = Maskulinum* (м.р.), *f = Femininum* (ж.р.) и *n = Neutrum* (ср.р.). Наличие артикля (*der, die, das*) указывает на соответствующий грамматический род существительного и позволяет классифицировать его по формальным признакам. При этом, во множественном числе эти различия оказываются несущественными, все существительные имеют в данном случае единый артикль мн. ч. *die*. По утверждению немецких лингвистов, отнесение существительного к тому или иному роду является произвольным и представляет собой исключительно внутриязыковое явление, не связанное с содержательным компонентом [Diewald, Steinhauer 2017: 17].

На уровне семантики речь идет не о формальной принадлежности к тому или иному классу, а о смысловой составляющей. В случае с обозначением лиц значение имеют признаки «женский» (феминность) или «мужской» (маскулинность). В немецком языке семантический компонент часто совпадает с грамматической характеристикой и биологическим полом: *der Mann, der Onkel* (семантический признак и биологический пол «мужской», грамматическая категория м.р.), *die Frau, die Schwester* (семантический признак и биологический пол «женский», грамматическая категория ж.р.). В то же время есть и исключения: *das Mädchen* (семантический признак и биологический пол «женский» грамматически выражены при помощи ср.р.), *das Männchen* (семантический признак и биологический пол «мужской» выражаются грамматически при помощи ср.р.). Кроме того, в словарном составе немецкого языка обнаруживаются гендерно-нейтральные лексические единицы. Обладая грамматической категорией рода, они

могут обозначать лица как женского, так и мужского пола: *die Person* (лицо), *der Mensch* (человек), *der Fan* (фанат), *das Mitglied* (член), *das Kind* (ребенок). Такие единицы содержат меньше дифференцирующих признаков, не предоставляют уточняющей информации и могут рассматриваться как гиперонимы по отношению к единицам с явно выраженной дифференцирующей семой.

По нашему мнению, в любом языке можно выделить гендерно-нейтральные и гендерно-маркированные лексические единицы. К первой группе относятся слова с обобщающим значением, ко второй — единицы, содержащие в своей семантической структуре компонент феминности или маскулинности. Стоит отметить, что наглядным примером такой классификации могут быть термины родства — слова индогерманского происхождения, относящиеся к самому древнему слою лексики европейских языков. В них, с нашей точки зрения, на семантическом и грамматическом уровнях были заложены гендерные различия. Так, например, к гендерно-нейтральным единицам с обобщающим значением можно отнести следующие термины: *die Eltern, die Großeltern, die Geschwister, das Kind, das Enkelkind.* Гендерно-маркированными единицами с уточняющим значением являются: *die Mutter, die Oma, die Tochter, die Schwester* (семантический признак «женский» совпадает с биологическим полом и выражается грамматической категорией ж.р.); *der Vater, der Opa, der Sohn, der Bruder* (семантический признак «мужской» совпадает с биологическим полом и выражается грамматической категорией м.р.).

С точки зрения лингвистики, основным приемом языковой реализации гендера является гендерная маркированность, то есть наличие признаков, «позволяющих идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу» [Кириллина 2000: 226]. Эти признаки могут явно (эксплицитно) или неявно (имплицитно) указывать на наличие у языковой единицы гендерной семантики (маскулинности или фе-

минности). Словообразовательные возможности немецкого языка позволяют без ущерба для языковой системы отражать гендерную маркированность, в частности, при помощи способов суффиксации и субстантивации.

Гендерные отношения связаны с социальной сферой, где мужчины и женщины выполняют определенные функции, поэтому такие наименования обнаруживаются, прежде всего, в профессиональной сфере деятельности. Исторически, и даже очень долгое время, в этой сфере были задействованы исключительно мужчины. Это привело к достаточно развитой системе наименования профессий, выраженных существительными мужского рода. Большинство из них были образованы от глаголов, описывающих основной вид деятельности, при помощи суффикса -er (*backen — der Bäcker; handeln — der Händler*). Активно использовались полусуффикс -mann (*der Kaufmann, der Seemann, der Feuerwehrmann, der Hausmann*) и заимствованные суффиксы (*der Polizist, der Diplomat*). Для обозначения этнической, географической или религиозной принадлежности также прибегали к суффиксальному способу: *der Brite, der Schwede, der Franzose, der Russe, der Pole, der Engländer, der Spanier, der Italiener, der Amerikaner, der Afrikaner, der Orthodoxer*. Впоследствии, благодаря именно суффиксальному способу, для наименования женщин в таких случаях в немецком языке появились феминитивы: *die Bäckerin, die Händlerin, die Polizistin, die Diplomatin, die Britin, die Schwedin, die Amerikanerin, die Kauffrau, die Feuerwehrfrau, die Hausfrau, die Orthodoxe*. В этих и подобных им единицам явно выражен гендерный компонент.

Известный немецкий лингвист Теа Шиппан отмечает, что процессы феминизации затронули в немецком языке также сферу обозначения титулов, ученой степени и должности. Наряду с нейтральными формами *Frau Professor X., Frau Direktor X.* употребительными, даже в официальном стиле, стали феминитивы *Frau Professorin X., Frau Direktorin X.* Наибольшая активность при этом наблюдается в так называемых «старых»

федеральных землях, в отличие от территории бывшей ГДР или других стран немецкоязычного региона, например, Австрии и Швейцарии [Schippan 2002: 191]. Той же точки зрения придерживаются и другие немецкие ученые, указывая на параллельное употребление в некоторых случаях гендерно-асимметричной формы и феминитива, например, *Frau Professor X.* (в устной речи) и *Frau Professorin X.* (в письменной речи) [Diewald, Steinhauer 2017: 37]. Следует обратить внимание еще на один интересный факт: в немецком дискурсивном пространстве принято переносить обозначение титула на супругу его обладателя (*Frau Professor X.*). Употребление же феминитива позволяет внести уточнение: обращение *Frau Professorin X.* однозначно относится к женщине, обладающей этим титулом благодаря своим личным заслугам и достижениям, а не супружескому статусу.

Способ субстантивации не столь однозначен. С одной стороны, он отражает гендерную маркированность, с другой, нивелирует ее. В первом случае речь идет о субстантивированных прилагательных и причастиях в единственном числе, где гендерность выражена при помощи грамматической категории рода и соответствует биологическому полу (*der/die Beauftragte, der/die Vorsitzende, der/die Liberale*), во втором — о формах множественного числа, где лексические единицы имеют обобщающее значение и в равной степени именуют и мужчин, и женщин (*die Beauftragten, die Vorsitzenden, die Liberalen*). Поэтому субстантивированные прилагательные и причастия в форме единственного числа можно считать гендерно-маркированными единицами, а в форме множественного числа — гендерно-нейтральными.

Таким образом, гендерно-маркированные единицы можно условно разделять на четыре группы: феминитивы, гендерно-нейтральные, гендерно-асимметричные и гендерно-симметричные единицы [Чигашева 2020]. К феминитивам относятся лексемы, содержащие указание (при помощи артикля и суффикса) на лицо женского пола (*die Vorsitzende,*

die Sozialministerin, die Kanzlerin, die Beauftragte, die Schwedin, die Lehrerin, die Frau, die Europäerin, die Sozialdemokratin, die Karnevalistin и др.). Гендерно-нейтральными признаются единицы, обладающие обобщающим значением (*die Grünen, die Deutschen*). Основанием для их выделения служат словарные дефиниции, в частности, указание *die Person* или *jemand* [Duden-online]. Единицы, не указывающие эксплицитно на лица женского пола, являются гендерно-асимметричными (*die Briten, die Europäer, die Chinesen, die Mecklenburger, die Unternehmer, die Politiker, die Bürger, die Minister, die Polizisten, die Steuerzahler*). Гендерно-симметричные единицы в равной мере именуют и мужчин, и женщин (*Bürgerinnnen und Bürger, Chinesinnen und Chinesen, Männer und Frauen, Wählerinnen und Wähler* и др.). Гендерно-маркированные единицы также содержат национально-культурный компонент, отражают специфику немецкого языка и профессионального дискурса, в частности жанра публичного выступления. Большинство отобранных единиц были включены в класс официонимов (*die Kanzlerin, der Minister, die Sozialministerin*) или этнонимов (*die Amerikaner*).

При анализе данной группы культурно-маркированнной лексики мы обратили внимание на употребление гендерно-симметричных и гендерно-асимметричных форм обращения оратора к аудитории (6 единиц). Распределение по этим двум группам и анализ употребления в речи политиков разных партий представлены в следующих таблицах.

Таблица 2

Количество употреблений гендерно-симметричных и гендерно-асимметричных форм обращения к аудитории по партиям

Гендерно-маркированные единицы	**Класс***	**ХДС**	**ХСС**	**Молодежный союз**
Freunde	A	-	1	-

Гендерно-маркированные единицы	Класс*	ХДС	ХСС	Молодежный союз
liebe Freunde	A	13	304	83
liebe Freundinnen und Freunde	C	20	1	44
liebe Kollegen	A	3	-	-
meine Damen und Herren	C	10	7	-
meine sehr verehrten Damen und Herren	C	-	7	-

* A — гендерно-асимметричная форма; C — гендерно-симметричная форма.

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что наиболее политкорректно к аудитории обращались лидеры ХДС: в своей речи они в два раза чаще употребляли гендерно-симметричные формы обращения (30 упоминаний против 16). Возможно, это отчасти связано с феминистскими тенденциями в немецком обществе и немецком языке, поскольку речь идет о политиках-женщинах (А. Меркель и А. Крамп-Карренбауер). Совершенно противоположная картина складывается в отношении лидеров ХСС и «Молодежного союза» (политиков-мужчин): их речи были значительно менее политкорректными, так как в них преобладали гендерно-асимметричные формы обращения: 304 упоминания против 15 у ХСС и 83 против 44 у «Молодежного союза».

Подчеркнем, что единица *die Freunde* может рассматриваться и как гендерно-нейтральное обозначение. На это указывают, в частности, немецкие исследователи [Diewald, Steinhauer 2017]. Однако в рамках жанра публичного выступления, в ситуации обращения к аудитории, мы считаем такое употребление неполиткорректным и включаем формы обращения *Freunde/liebe Freunde* в группу гендерно-асимметричных единиц.

Таблица 3

Количество употреблений гендерно-симметричных и гендерно-асимметричных форм обращения к аудитории различных политиков

гендерно-маркированные единицы	Ангела Меркель	АКК	Хорст Зеехофер	Маркус Зёдер	Пауль Цимиак	Тильман Кубан
Freunde	-	-	-	1	-	-
liebe Freunde	13	-	46	245	76	7
liebe Freundinnen und Freunde	-	20	-	1	31	13
liebe Kollegen	3	-	-	-	-	-
meine Damen und Herren	10	-	5	2	-	-
meine sehr verehrten Damen und Herren	-	-	-	7	-	-

Приведенные в таблице сведения показывают, что самым политкорректным было выступление А. Крамп-Карренбауер: она употребляла исключительно гендерно-симметричное обращение (*liebe Freundinnen und Freunde*). Условно политкорректным или, скорее, нейтральным можно считать выступление А. Меркель, принимая во внимание гендерно-нейтральный характер обращений *liebe Freunde* и *liebe Kollegen.* Молодой политик Т. Кубан демонстрировал более корректное обращение аудитории, чем его предшественник на посту лидера «Молодежного союза» П. Цимиак. Самыми неполиткорректными с позиции гендера оказались выступления лидеров ХСС, что, возможно, объясняется достаточно консервативным характером этой партии. Обращает на себя внимание тот факт,

что только в речи политиков так называемой «старой школы» консерваторов (А. Меркель, Х. Зеехофер, М. Зёдер) встречаются традиционные для немецкого языка гендерно-симметричные обращения *meine Damen und Herren* и *meine sehr verehrten Damen und Herren*.

Отметим также, что в своих речах почти все выступавшие употребляли гендерно-симметричные формы, упоминая различные категории людей. Больше всего таких форм (по 7) встречается в речи П. Цимиака *(Brüder und Schwestern, Bürgerinnen und Bürger, Erzieherinnen und Erzieher, Polizistinnen und Polizisten, Soldatinnen und Soldaten, Verbraucherinnen und Verbraucher, Wählerinnen und Wähler)* и в выступлениях М. Зёдера (*Bürgerinnen und Bürger, Kolleginnen und Kollegen, Mann und Frau, Männer und Frauen, Polizistinnen und Polizisten, Rentnerinnen und Rentner, Wählerinnen und Wähler*). В речи А. Крамп-Карренбауер таких форм 6 (*Arbeiterinnen und Arbeiter, Chinesinnen und Chinesen, Emanzen und Machos, Mann und Frau, Soldatinnen und Soldaten, Steuerzahlerinnen und Steuerzahler)*. В речи Х. Зеехофера обнаружено 3 такие единицы (*Bürgerinnen und Bürger, Frauen und Männer, Rentnerinnen und Rentner*). В двух выступлениях А. Меркель встретилась только 1 форма (*Soldatinnen und Soldaten)*, в речи Т. Кубана — ни одной. На основании этих данных можно утверждать, что речь немецких политиков-мужчин отличается более выраженным гендерно-корректным характером, чем речь женщин-политиков (17 единиц против 7).

Таким образом, в группу гендерно маркированной лексики помимо выявленных 6 форм обращения мы включаем также 10 единиц с гендерно-симметричной характеристикой (*Brüder und Schwestern, Bürgerinnen und Bürger, Emanzen und Machos, Kolleginnen und Kollegen, Mann und Frau, Männer und Frauen, Rentnerinnen und Rentner, Steuerzahlerinnen und Steuerzahler, Verbraucherinnen und Verbraucher, Wählerinnen und Wähler*). По нашему мнению, эти единицы нельзя отнести ни к одному упомянутому ранее классу реалий. С позиций теории и пра-

ктики перевода подобные лексические единицы относятся к группе условно эквивалентной лексики. Сохранить структуру и передать на другой, в частности, русский язык значение феминитивов в полном объеме невозможно, но смысл в языке перевода не теряется.

3.3. Фоновые единицы политического дискурса

Во многих работах отмечается, что самым многочисленным классом слов, содержащих в своей семантике культурный компонент значения, является фоновая лексика. Она вызывает трудности при декодировании информации носителями другого языка и в некоторых случаях может привести к нарушению процесса коммуникации, поскольку такие единицы либо не совпадают в своих лексических значениях, либо совпадают на поверхности, но «отличаются значениями культурными» [Елизарова 2005: 55]. Данный слой лексики получил название «фоновой» благодаря присущему ей культурному компоненту или лексическому фону, такие лексические единицы называют словами «с неполноэквивалентностью фонов» [Верещагин, Костомаров 1990: 42].

Выявить фоновую лексику можно при сопоставлении культурных фонов лексических единиц в паре языков. Примером фоновой единицы в немецком языке является, например, слово *Vaterland*[1]. За этим понятием стоит важный для немцев национально-культурный компонент — патриотизм. Слово относится к высокому стилю, обладает эмоциональной составляющей и служит гиперонимом для целого ряда обозначений — *Vaterlandliebe, vaterlandliebend, Vater-Rhein.* Кроме того, при сопоставительном анализе с аналогичной единицей

[1] Duden-online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Vaterland (дата обращения: 20.09.2020).

русского языка (*Родина, отчизна*) при кажущемся совпадении обнаруживается различие культурных фонов: если для немцев Родина ассоциируется с мужчиной (отцом), то для русских преимущественно с женщиной (матерью), отсюда *Родина-мать*, *Волга-матушка* и др. А синонимичное обозначение *отечество* не имеет явно выраженной гендерной коннотации. Приведем еще один пример — словосочетание *die Senatssitzung in Berlin* может вызвать неверную ассоциацию у носителя русского языка, так как в данном случае не имеет ничего общего с лежащим на поверхности значением *сенат* (*der Senat*). Дискурсивный и социокультурный анализ показывают, что единица *der Senat* обозначает правительство отдельного административного субъекта ФРГ, федеральной земли Берлин.

Использование при интерпретации значения иноязычного слова сведений о лексическом фоне из родного языка может стать причиной социокультурной интерференции. Для предотвращения таких случаев необходимо правильно понимать культурный компонент значения лексемы в иностранном языке и соотносить его с культурным фоном аналогичной единицы в родном языке. Особую сложность вызывают, конечно, единицы, у которых культурный фон не совпадает и не пересекается. Так, партии в немецком языке могут именоваться не только официально, в виде акронимов *(die CDU, die SPD)* или словосочетаний *(die Christlich-Demokratische Union, die Sozialdemokratische Partei)*, но и в виде цветовых обозначений *(rot-rot-grün; rot-rot-grüne Trümmertruppe)*. Последние обозначения, несомненно, содержат культурный компонент, отсутствующий в русскоязычной действительности. Буквальное понимание *(красный-красный-зеленый)* не раскрывает значения и требует обращения к культурологической информации (*rot — СДПГ; rot — «Левая партия»; grün — партия «Союз 90 / Зеленые»; rot-rot-grüne Trümmertruppe* — правительство Берлина, состоящее из представителей СДПГ, «левых»

и «зеленых», которое явно не справляется (оставляет после себя развалины), за что и подвергается критике со стороны политических оппонентов[1]).

Обозначение политических партий по цвету является отличительной чертой современного немецкоязычного политического дискурса и дискурса СМИ. Цветовые сочетания позволяют креативно именовать различные политические союзы и коалиции. Так, например, помимо упомянутой ранее коалиции «Ямайка» (*Jamaika-Koalition*) можно встретить также названия *Ampelkoalition*[2] (так называемая «светофорная коалиция», состоящая из СДПГ, СвДП и «зеленых»), *Deutschland-Koalition*[3] (в составе ХДС, СДПГ и СвДП), *Kenia-Koalition*[4] (союз христианских демократов, социал-демократов и «зеленых»), *Kiwi-Koalition* (сотрудничество «зеленых» и христианских демократов во главе с «зелеными») и др. Кстати, коалицию «Ямайка» называют также *Schwampel*[5] (*Schwarze Ampelkoalition*) или *Jamaika-Ampel*, поскольку во главе стоит представитель ХДС (по аналогии с цветами светофора, где вместо красного фигурирует черный цвет как обозначение консервативной партии). Синонимом к «светофорной коалиции» (*Ampelkoalition*), из-за совпадения с цветами флагов многих стран африкан-

[1] В данном случае предлагаем не перевод словосочетания rot-rot-grüne Trümmertruppe, а ее толкование на основании фоновой информации.

[2] Spiegel-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-2021-spd-und-gruene-traeumen-von-einer-ampel-koalition-a-7fe7f0d3–0066–431e-b6f0–1fb8d658f98a (дата обращения: 13.03.2021).

[3] CDU-Hamburg [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdu-hamburg-mitte.de/2020/03/27/die-deutschlandkoalition-fuer-hamburg-mitte/ (дата обращения: 13.03.2021).

[4] Rbb24 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2020/11/kenia-koalition-brandenburg-spd-gruene-cdu-bilanz-ein-jahr.html (дата обращения: 13.03.2021).

[5] F.A.Z.-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/neue-namen-fuer-koalition-nach-landtagswahlen-2016–14128209.html (дата обращения: 13.03.2021).

ского региона, является обозначения *Afrika-Koalition*, которое в 2006 г. политик от партии «Союз 90/Зеленые» Юрген Триттин (*Jürgen Trittin*) предложил заменить на название *Senegal-Koalition*. Позволим себе предположить, что в этом обозначении имплицитно проявляются амбиции «зеленых» на руководящую роль, поскольку помимо зеленой полосы в центре флага (на желтой полосе) расположена звезда зеленого цвета.

Разнообразие подобных номинаций считается всего лишь обозначением наиболее вероятных вариантов, создание же подобных политических союзов на практике характерно, прежде всего, для регионального уровня. Так, *Ampelkoalition* находилась у власти в Бранденбурге (1990–1994 гг.), в Бремене (1991–1995 гг.) и в федеральной земле Рейнланд-Пфальц (2016–2021 гг.), где, как показали результаты недавних выборов в ландтаг (14 марта 2021 г.), скорее всего, останется у власти на следующие четыре года. *Jamaika-Koalition*, как правящая коалиция регионального уровня, впервые была создана в Сааре (2009–2012 гг.), где получила креативное обозначение *Saarmaika*[1]. В земле Шлезвиг-Гольштейн политический союз христианских демократов, «зеленых» и либералов находится у власти с 2017 г. Первая в истории Германии *Kiwi-Koalition* во главе с представителем партии «Союз 90/Зеленые» Винфридом Кречманом (*Winfried Kretschmann*) была реально создана в федеральной земле Баден-Вюртемберг в 2016 г.[2] Состоявшиеся в марте 2021 г. выборы в ландтаг показали, что этот союз имеет под собой прочную основу и пользуется поддержкой избирателей.

---

[1] Saarländischer Rundfunk [Электронный ресурс]. URL: https://www.sr-mediathek.de/index.php?seite=11&tag=Saarmaika. (дата обращения: 13.03.2021). ИЛИ N-tv [Электронный ресурс]. URL: https://www.n-tv.de/politik/Mueller-fuehrt-Saarmaika-an-article583464.html (дата обращения: 13.03.2021).

[2] Tagblatt-online [Электронный ресурс]. URL: https://www.tagblatt.ch/international/die-kiwi-koalition-ist-perfekt-ld.1552902 (дата обращения: 13.03.2021).

В любом дискурсе можно встретить довольно много примеров фоновой лексики. Сюда мы относим слова или словосочетания, обозначающие реально существующие денотаты в различных лингвокультурах, но отличающиеся своим лексическим фоном, что зачастую создает неверное представление о денотате у представителя иной лингвокультуры и, как следствие, может приводить к коммуникативным сбоям. В политическом дискурсе таких единиц значительно больше, чем в других профессиональных видах дискурса, поскольку в политике пересекаются все сферы жизни общества. Отобранные нами лексемы наглядно иллюстрируют это утверждение. В анализируемом практическом материале мы выявили 248 единиц, что составляет 31% от общего количества нашей выборки. Сюда относятся лексемы, которые обозначают понятия, отсутствующие в сопоставляемом языке (*Politischer Aschermittwoch, die schwarze Null, der ausgeglichene Haushalt, der Nachzug, das Baukindergeld, Bierdusche von Demmin, die Büttenrede* и др.), либо содержащие сведения экстралингвистического характера, не совпадающие по культурному фону (*der Diesel, der Mittelstand, die Einkommensteuer, das Ehrenamt, die Entwicklungspolitik, die Fachhochschule* и др.). Так, описанные ранее понятия *Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag* для правильного понимания значения требуют привлечения дополнительной культурологической информации. Простой перевод по составным компонентам не раскрывает их значения. К фоновым знаниям, в данном случае, можно отнести владение информацией об истоках данного мероприятия и традициях его проведения: с одной стороны, это мероприятие связано, с национальными традициями карнавала, с другой — с политическими традициями консервативных политиков.

Рассмотрим несколько примеров. В выступлении А. Крамп-Карренбауер встречается композита *Büttenrede*, состоящая из сем *«Bütt» — einem Fass ähnliches Vortragspult für den*

Büttenredner, die Büttenrednerin bei einer Karnevalssitzung[1] (то есть возвышение с высоким пюпитром для оратора во время празднований карнавала, похожее на бочку) и «*Rede*» (речь). Лексемы *Rede* (речь) и *Satz* (предложение) используются часто в уничижительном значении, например, *Sonntagsreden* (праздные речи, в которых произносятся слова, не соразмерные с реальностью) или *Schachtelsätze* (витиеватые слова; буквально предложение, которое настолько нагромождено придаточными конструкциями, что теряется его суть). Принимая во внимание экстралингвистический фактор, что во время кёльнского карнавала гражданам позволено высмеивать окружающих, в частности, органы и представителей власти, *Büttenrede* является не просто речью, произносимой во время карнавала. Оратор стоит за кафедрой, напоминающей бочку, которая в свою очередь олицетворяет хранилище излюбленного немцами напитка — пива, и произносит смешные, зачастую рифмованные речи, как правило на местном диалекте. Наиболее близким в русской лингвокультуре синонимом данной лексической единицы можно считать лексему «прибаутки» или, например, набирающую сегодня популярность стенд-ап комедию.

Еще одним интересным моментом выступления ныне уже бывшего лидера ХДС является следующее высказывание: „*Und ich bedanke mich ganz herzlich, dass ihr aus einer Sache keine Tradition gemacht habt, nämlich der Bierdusche von Demmin*“. — *И я сердечно благодарна за то, что вы не превратили одну ситуацию в традицию, а именно пивной душ в Деммине*. Без фоновых знаний отсылка к так называемому «пивному душу» в речи А. Крамп-Карренбауер не несет в себе никакой смысловой нагрузки для адресата. Речь идет о курьезном случае, произошедшим с канцлером Германии А. Меркель во время встречи со сторонниками своей партии в городе Деммине.

[1] Duden-online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Buett (дата обращения: 17.05.2020).

Официанта, подававшего напитки, кто-то случайно толкнул в спину, и он выплеснул пять бокалов пива прямо на спину А. Меркель. Канцлер проявила выдержку — улыбнулась, сделала вид, что все в порядке, и спустя пару минут, даже не переодевшись, пошла выступать перед собравшимися. На видеоресурсе YouTube до сих пор можно найти короткий ролик канала NDR (*Norddeutscher Rundfunk*) на эту тему[1].

Лингвострановедческим комментарием необходимо также снабдить следующее высказывание А. Крамп-Карренбауер: *„Ich kann überhaupt nicht einsehen, warum in ganz Deutschland jeden Morgen, die große Kinder-über-Land-Verschickung stattfindet, wo alle möglichen Eltern ihre Kinder einpacken, sie kilometerweit mit zu ihrer Arbeitsstätte bringen, weil in der Stadt der Arbeitsplatz ist, weil in der Stadt der Kitaplatz ist“. — Я вообще не могу понять, почему по всей Германии каждое утро происходит это передвижение, когда родители хватают в охапку детей, везут их за несколько километров на свою работу, потому что работают в городе, и потому что в городе есть место в детском саду.*

Термин *Kinderlandverschickung* еще в период Второй мировой войны означал, что школьники и матери с маленькими детьми из немецких городов, которым угрожают бомбардировки, размещались на довольно длительный период в более безопасных районах. В выступлении А. Крамп-Карренбауер мы имеем дело с видоизмененной лексической единицей *Kinder-über-Land-Verschickung*. Сегодня речь идет о том, что жители пригородов вынуждены каждый день ездить на работу в город и возить с собой маленьких детей из-за отсутствия возможности работать рядом с домом, а также достаточного количества детских дошкольных учреждений. Подобрать к этой единице эквивалент в языке перевода невозможно, приходится прибегать к описательному приему.

[1] Видеохостинг YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NJbIWvn3Cv0. (дата обращения: 20.02.2021).

Отдельно в своей речи А. Крамп-Карренбауер затрагивает экологическую проблематику: *...das hat nichts mit kluger Umweltpolitik zu tun und deswegen muss Mobilitätswende und Energiewende zusammengehen, liebe Freundinnen und Freunde. — ...это никак не связано с разумной экологической политикой и поэтому изменения в использовании транспортных средств и энергетический поворот должны осуществляться вместе, дорогие друзья!* Термины *Energiewende* und *Mobilitätswende* обозначают поворот в германской энергетической политике и в использовании транспортных средств и энергоресурсов в сторону «зеленых», возобновляемых, источников энергии. Лексическая единица *die Wende* (перемена, изменения) ассоциируется в немецком языке с контролируемым процессом. Считается, что слово получило распространение после выступления последнего руководителя ГДР Эгона Кренца (*Egon Krenz*), который обещал «взять под контроль ситуацию с ГДР и вывести страну на путь перемен». В отличие от положительной коннотации данных лексем в немецкой лингвокультуре, в русской лингвокультуре перемены чаще ассоциируются с неконтролируемым, возможно, пагубным явлением.

В отношении профессиональных дискурсов культурологический комментарий необходим в подавляющем большинстве случаев, где употребляются фоновые единицы. При этом следует обращать внимание не столько на национально-специфический компонент, сколько на профессиональный маркер. Приведем несколько примеров из нашего материала.

Entwicklungspolitik — общий термин для государственных программ, направленных на улучшение политической, экономической и социальной ситуации в развивающихся странах. Желание распространить формы правления, гарантировать собственную безопасность и предоставить экономике новые рынки сбыта и источники ресурсов, сокращение разрыва в развитии между развивающимися и промышленно развитыми странами стало частью политических и социальных дебатов, особенно после Второй мировой войны. Страны, предостав-

ляющие помощь (*Entwicklungshilfe*) в целях развития, также известные как страны-доноры (*Geberländer*), и неправительственные организации пытаются бороться с острой бедностью, чтобы удовлетворить элементарные базовые потребности и навсегда преодолеть отставание посредством образования, инфраструктурных мер и создания определенных социальных структур и экономических систем. В русскоязычном дискурсе распространение получил эквивалент — *оказание помощи развивающимся странам.*

*Fall Anis Amri (*дело Анис Амри*)* — Анис Бен Осман Амри (1992–2016 гг.), уроженец Туниса, был осужден по нескольким делам. 19 декабря 2016 г. он захватил грузовик, убив водителя, а затем совершил теракт на рождественском базаре в Берлине. Анис Амри въехал на угнанном грузовике на территорию рождественского базара, в результате наезда погибли 11 человек, 55 человек получили ранения и травмы различной степени тяжести. Впоследствии ответственность за теракт взяла на себя террористическая организация «Исламское государство» (запрещена на территории Российской Федерации). 23 декабря 2016 г. Анис Амри был ликвидирован полицейскими в Милане. Эту фоновую информацию необходимо учитывать, чтобы правильно понять, почему данное имя всплывает в выступлении П. Цимиака в 2018 г.: *Statt kein Kind zurückzulassen, stieg die Kinderarmut in NRW wie in keinem anderen Bundesland, und als die Landesregierung jegliche Verantwortungsübernahme für die Kölner Silvesternacht und im Fall Annis Amri verweigerte <…>. — На детей не обращают никакого внимания, количество семей, которые не могут обеспечить своим детям достойный уровень жизни, в земле Северный Рейн — Вестфалия выросло, как ни в каком другом регионе, когда земельное правительство отказалось брать на себя ответственность за жуткие события новогодней ночи в Кельне и в случае с Анис Амри <…>.*

Кстати, на данном примере можно проиллюстрировать принцип создания новых лексических единиц политического дискурса немецкого языка, обозначающих аналогичные по-

нятия. Единица *Fall* указывает, как правило, на негативные, проблемные события: *Fall Skripal, Fall Nawalny*.

Familiennachzug, сокр. *Nachzug*, ткж. *Familienzusammenführung* — данные единицы обозначают переезд членов семьи к лицу, уже находящемуся в стране назначения, или переезд такого лица вместе с членами семьи. Речь идет преимущественно о мигрантах. В зависимости от степени родства различают воссоединение с супругом/-ой (*Ehegattennachzug*), воссоединение несовершеннолетнего ребенка с семьей (*Kindernachzug*), воссоединение с родителями (*Elternnachzug*) и воссоединение прочих членов семьи. В Германии правовой основой воссоединения с семьей служит § 6 Основного закона ФРГ, гарантирующий защиту брака и семьи. Решения о воссоединении с семьей принимают местные отделения ведомства по делам иностранцев (*Ausländerbehörde*).

Fordern und Fördern — девиз, основанный на принципе «кнута и пряника», резюмирует основы социальной политики, политики на рынке труда, политики интеграции и концепции образовательной политики государства. Социальная система должна быть спроектирована таким образом, чтобы оптимально подготавливать и поддерживать возобновление оплачиваемой работы и личной инициативы. Речь идет о новой модели контроля, которая требует бóльшей степени творчества, готовности к инновациям и устойчивости перспективной политики. Именно об этом говорила А. Меркель, выступая на «политической пепельной среде» в 2017 г.: *Deshalb darf uns kein junger Mensch verloren gehen, deshalb müssen wir alles tun, mit Fordern und Fördern, junge Menschen in Arbeit zu bringen. — Поэтому мы не должны потерять ни одного представителя молодого поколения, поэтому нам нужно делать все, чтобы при помощи «кнута и пряника» привести молодежь на рынок труда.*

Интересны случаи, где в разных культурах совпадает денотат, но отличается сигнификативное значение. На эту особенность указывает в своих исследованиях Н.Е. Меркиш, рассматривая их, прежде всего, с позиции методики препо-

давания иностранного языка [Меркиш 2020б]. Рассмотрим несколько примеров. Так, и в Германии, и в России развита система детских дошкольных учреждений, причем, в России больше, чем в Германии, где потребность в них возрастает с каждым годом. Связано это, в том числе, с изменениями в системе базовых ценностей немецкого общества. Появившийся на рубеже веков (XIX и XX) и ставший впоследствии традиционным в Германии «закон трех К» (*die drei K – Kinder, Kirche, Küche*), авторство которого приписывают кайзеру Вильгельму II[1], сегодня уже не актуален. Изменилась роль женщин в обществе, изменились формы семьи, изменились представления о распределении социальных ролей между мужчинами и женщинами. Женщины получают образование и стремятся к независимости. Многие, тем не менее, не хотят отказываться от роли матери, предпочитая совмещать ее с карьерным ростом, и, не рассчитывая на поддержку со стороны семьи и партнеров, апеллируют к системе государственной власти. Но поскольку в течение многих десятилетий такой вопрос в обществе не поднимался, и существовавшая система детских учреждений обеспечивала в целом потребности немецких семей, ориентируясь при этом на малообеспеченных граждан, этой проблеме не уделялось должного внимания. Однако в последнее время немецкие политики уже не могут игнорировать общественный запрос, тем более что женщины занимают руководящие посты в политике и активно продвигают свои интересы. Ярким примером является Урсула фон дер Ляйен (*Ursula von der Leyen*), занимавшая в разное

[1] По другим источникам, эта формула возникла в тот же периад в английской прессе и обозначала одновременно патриархальные представления о роли женщин в обществе и немецкую национальную ограниченность. Второе рождение формулировка приобрела в 60-е годы XX века в связи с движением радикального феминизма на Западе как символ угнетения женщин. В настоящее время существуют различные варианты этой фразы: Karriere, Kinder, Kompetenz или Kinder, Kapital, Karriere. В конце прошлого века появилась и мужская трактовка: Konkurrenz, Karriere, Kollaps [см., например, Душенко 2018: 129–130].

время в кабинете А. Меркель должности министра по делам семьи (2005–2009 гг.), министра труда и социальных вопросов (2009–2013 гг.), стала первой в истории Германии женщиной на посту министра обороны (2013–2019 гг.), а ныне, также первая в истории Германии и Европейского союза женщина, возглавляет Европейскую комиссию (с 1 декабря 2019 г.). При этом У. фон дер Ляйен имеет степень доктора медицины, сумела создать счастливую семью и стать матерью семерых детей. Конечно, вряд ли ей требовались места в детских дошкольных учреждениях, учитывая довольно высокий социальный статус и финансовый достаток семьи, но ее пример тем не менее показателен и служит стимулом другим женщинам. Успешно совмещает семью и политическую карьеру бывший глава ХДС А. Крамп-Карренбауер: у нее трое детей, она была лидером партии, а сейчас возглавляет министерство обороны (после У. фон дер Ляйен), до этого занимала руководящие посты в федеральной земле Саар. Таким образом, изменяются запросы общества, и политикам приходится с этим считаться.

В проанализированных выступлениях ораторы упоминали эту тему, употребляя единицы *Kinderbetreueung, Kindertagesstätte, Kindergeld*. На первый взгляд, эти термины понятны носителю русского языка, однако, только привлечение культурного фона может помочь разобраться в их значениях и понять, в чем же заключается отличие от аналогичных денотатов в русской культуре. Единица *Kinderbetreuung* обозначает любое детское учреждение. В Германии есть разные предложения по уходу за детьми в то время, когда родители работают. В *Kinderkrippe, Krippe* (соответствует рус. ясли) воспитатели присматривают за группами детей до трех лет. В *Kindergarten* (аналог известного в русскоязычной действительности детского сада) ребенка можно отдать в возрасте от трех до шести лет. В Австрии, например, детский сад обозначается лексемой *Kindertagesstätte* (*Kita*) и также является учреждением для институционального обучения, воспитания и ухода за детьми специалистами в области образования.

Есть также единицы *der Hort* или *der Schulhort* (центр внешкольного ухода, который дети начальной или средней школы могут посещать после школы и во время каникул, некоторый аналог нашей продленки). К центрам дневного ухода относятся также *Häuser für Kinder*, в которых осуществляют воспитание и обучение всех перечисленных возрастных групп. Для детей с ограниченными возможностями существуют *integrative/ inklusive Kindertagesstätte* (центры комплексного/инклюзивного ухода). Однако в государственных детских учреждениях не всегда хватает свободных мест (*Kitaplatz*) для всех детей. Некоторые родители отводят ребенка к человеку, который присматривает за детьми не старше трех лет у себя на дому. В немецком языке это обозначается единицей-гиперонимом *Kindertagespflege,* в качестве гипонимов выступают лексемы *Tageseltern, Tagesmutter, Tagesvater*. Иногда родители приглашают девушку-иностранку (*Au-pair Mädchen*), которая приехала в страну с целью изучения языка. Проживание в семье предоставляет прекрасную возможность погружения в языковую среду. Выгодно это и для немецкой семьи: в качестве оплаты *Au-pair Mädchen* выполняет легкую работу по дому и присматривает за детьми.

В своем выступлении в 2019 г. А. Крамп-Карренбауер делится личными воспоминаниями: *Das war auch eine persönliche Lebensentscheidung. Und ja, es gibt Fälle, da ist diese Entscheidung schwergefallen, weil es keine Möglichkeit in der Kinderbetreuung gab. — Это было личное решение. Да, бывают случаи, и это решение далось трудно, потому что не было возможности получить место в детском учреждении.*

Пособие на ребенка (*Kindergeld*), также знакомое носителю русского языка понятие, имеет в Германии свои черты. Во-первых, размер пособия зависит от количества детей и в настоящее время составляет не менее 204 евро на ребенка. Во-вторых, данная сумма выплачивается до достижения ребенком совершеннолетия (18-ти лет), а в случае дальнейшего обучения, до 25-летнего возраста. В-третьих, кроме немцев,

право на это пособие имеют также граждане других государств, проживающих на территории ФРГ и работающие там на постоянной основе, вне зависимости от места проживания детей: в Германии или на родине. Это положение вызывает иногда критику. Именно об этом говорил П. Цимиак, выступая в Киле на съезде «Молодежного союза» в 2018 г.: *Warum wird in Deutschland immer noch im Oktober 2018 Kindergeld in gleicher Höhe ausgezahlt an Kinder, die noch nie in Deutschland gelebt haben und nicht in Deutschland leben, liebe Freundinnen und Freunde! — Почему в Германии в октябре 2018 года все еще выплачивались такие же пособия на детей, которые никогда не проживали в Германии и не живут здесь, дорогие друзья!*

Поскольку каждая федеральная земля обладает некоторой автономностью, то решение о выплате пособий могут приниматься и на региональном уровне. Так, например, в Баварии ежегодно выплачивается денежное пособие в размере 1200 евро на ребенка в течение 10 лет. Право на такую материальную помощь имеют семьи, купившие или построившие собственное жилье в период с 01.01.2018 по 31.12.2020. Такая инициатива правительства Баварии получила обозначение *Baukindergeld*. Именно об этом с гордостью упоминал в своем выступлении в 2018 г. М. Зёдер, подчеркивая достижения своей партии в сфере социальной политики*: In unserem Bayern-Plan steht: wir führen ein Baukindergeld von 1200 Euro pro Kind und Jahr ein, damit sich auch wieder alle normalen Familien die eigenen vier Wände leisten können. — В плане по развитию Баварии сказано: мы вводим пособие в размере 1200 евро на каждого ребенка ежегодно, чтобы все обычные семьи снова смогли позволить себе собственное жилье.*

Часть немецких политиков, в основном из Христианско-социального союза, выступают за индексацию государственного пособия, выплачиваемого на детей, проживающих за пределами страны, с целью приведения их в соответствие с уровнем жизни страны, в которой они живут. Несмотря на возможное

сокращение бюджетных расходов за счет индексации, данное предложение противоречит законам Евросоюза.

Фоновые единицы появляются в немецком языке постоянно, что связано с общественно-политическими преобразованиями. В начале нынешнего века для политического дискурса стала актуальной единица *Zwei-Prozent-Ziel*. Она выражает требование НАТО выделять странами-участницами военно-политического альянса 2% от ВВП на нужды объединения, которые, по утверждению США, главного инициатора этой идеи, будут укреплять и обеспечивать обороноспособность всех стран-членов. Данную цель государства НАТО поставили перед собой на саммите НАТО 2002 г. в Праге: на тот момент Болгария, Румыния и Словакия были приглашены стать членами альянса с условием последующего вложения своих ресурсов в оборону, установкой стала цель в 2% ВВП. С позиции справедливости, это требование также коснулось тех государств, которые уже входили в НАТО. Однако только США и шесть стран НАТО выполняют поставленную задачу. В 2017 г. ФРГ выделяла на военные нужды 1,24% ВВП, в 2019 г. расходы Германии составили 1,4%, что вызывало недовольство Вашингтона и критику со стороны действующего тогда президента США Д. Трампа. Судя по выступлениям политиков молодежной организации, они поддерживают требование союзников и напоминают об этом своим старшим коллегам. Об этом, например, говорил в своей речи в Киле в 2018 г. П. Цимиак: *...aber bitte nicht nur in Reden, sondern auch in Taten, wer was für Soldaten tun will, der muss zustimmen, dass wir mehr Geld für die Bundeswehr ausgeben, und dass wir zum Zwei-Prozent-Ziel stehen und das erodiert ja auch manchmal in unserer eigenen Partei. — ...но, пожалуйста, не только на словах, но и делами, кто что-то собирается делать для военнослужащих, тому необходимо согласиться с тем, что мы выделяем больше средств на бундесвер, что мы поддерживаем идею о выделении на нужды обороны 2% нашего ВВП, но это идея размывается иногда в нашей партии.*

Большинство отобранных нами единиц не отражены в двуязычных словарях и не включены в лингвострановедческие справочники. Для специалиста-международника умение раскрывать значение таких слов и правильно их интерпретировать является профессиональной компетенцией [Образовательный стандарт]. В этом случае необходимы значительные фоновые знания, для перевода на другой язык — в большинстве случаев дополнительные комментарии. Отметим, что не всегда представляется возможным подобрать эквивалент в языке перевода. Такие единицы наряду с реалиями представляют собой, как правило, безэквивалентную лексику.

Рассмотрение фоновой лексики в настоящем исследовании представляется возможным только за счет комплексного подхода к исследуемым единицам, включающего популярные в современной лингвистической науке теории исследования, такие как теория лакунарности, ассоциативный метод, семантический анализ и др. Подобное рассмотрение фоновой лексики под разными углами позволяет выявить те трудности, которые могут возникнуть у специалиста-международника при решении важных коммуникативных проблем в процессе межкультурной коммуникации.

На первом этапе анализа выступлений политиков в рамках «политической пепельной среды» и федерального съезда молодежной организации в 2017–2019 гг. методом сопоставления языковых единиц в немецкоязычной и родной лингвокультурах, то есть при помощи выявления лакун, отбирались культурно-маркированные лексические единицы, которые в последствии были разделены на реалии и фоновую лексику. Выявлению семантических долей, которые оставались имплицитными после применения теории лакунарности, способствовал ассоциативный метод исследования. Так, немецкие единицы, эквивалентные русским единицам, сопоставлялись на уровне ассоциаций, несовпадение которых в разных лингвокультурах позволяло отнести ту или иную культурно-маркированную единицу к фоновой лексике.

Отобранные с помощью ассоциативного метода фоновые единицы были проанализированы при помощи семантического и прагматического анализа, ведь, как правило, именно несповпадение отдельных сем и прагматики большинства лексических единиц может привести к коммуникативным неудачам, так как культурологическая информация содержится, в основном, не в большинстве элементов значения, а в отдельно взятой семе. В качестве примера рассмотрим фоновую единицу *schwarze Null***,** представляющую собой сочетание лексем *schwarz* (рус. черный) и *Null* (ноль), что в переводе обозначает буквально «*черный ноль*» и не несет смысловой нагрузки для носителя русского языка. Привлечение экстралингвистических знаний помогает понять, что речь идет о стратегии, которой Германия придерживается последние пять лет, а «*черный ноль*» представляет собой сленговое выражение сферы финансов и государственного бюджета. Данная стратегия базируется на том, что планируемые расходы финансируются из доходов бюджета, а не за счет получения новых кредитов. «*Черный ноль*» или «*черные цифры*» (*schwarze Zahlen*) означают профицит бюджета. При дефиците бюджета используется выражение «*красные цифры*» — *rote Zahlen*.

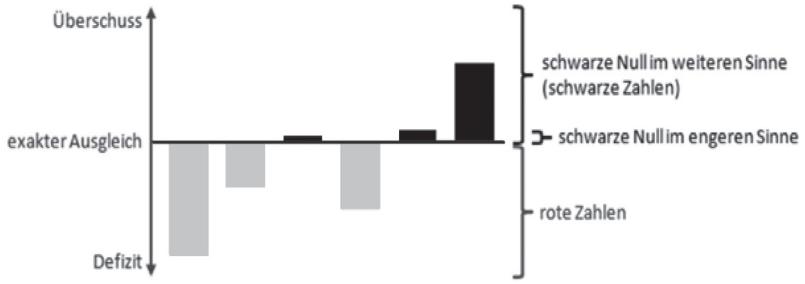

Рис. 1. **Дефицит и профицит бюджета**[1]

[1] Lexikon zur öffentlichen Haushalts- und Finanzwirtschaft [Электронный ресурс]. URL: https://www.haushaltssteuerung.de/lexikon-schwarze-null.html (дата обращения: 02.09.2020).

Другое словосочетание с явно выраженным культурным компонентом также содержит единицу *schwarz — schwarze Ministerien*, но не имеет ничего общего с бюджетом. В данной лексеме прилагательное *schwarz* соотносится с упомянутой ранее национально-культурной спецификой цветовых обозначений немецких партий и указывает на ХДС и ХСС. Традиционный цвет консервативных партий (не только в Германии, но и в других европейских странах, например, в Австрии) — черный. Считается, что он имеет под собой религиозную подоплеку, отсылает к католицизму, символизирует порядок и приверженность консервативным ценностям. Таким образом, словосочетание *schwarze Ministerien* означает министерства, возглавляемые представителями ХДС либо на федеральном, либо на региональном уровне (в 15 федеральных землях) или ХСС (в шестнадцатой федеральной земле, то есть в Баварии). Подчеркнем, что в послевоенной истории Баварии лишь дважды во главе главного органа исполнительной власти (*Landesregierung*) находился представитель иной партии. И оба раза это был социал-демократ Вильгельм Хёглер (*Wilhelm Hoegler*): с 28 сентября 1945 г. по 16 декабря 1946 г. (*Kabinett Hoegler I*) и с 14 декабря 1954 г. по 8 октября 1957 г. (*Kabinett Hoegler II*).

Сопоставление фоновых единиц в немецкой и русской лингвокультурах выявило наличие в немецком языке большого количества лексем, являющихся прецедентными, то есть связанными или с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [Гудков 1999: 17]. Так, например, прецедентной фоновой единицей можно считать единицу *Abitur* (или *Abi*) — экзамен на аттестат зрелости — аттестат об окончании школы в Германии, который дает право учиться в университетах Германии. Хорошо известные школьные предметы — немецкий, математика, история, искусство, химия или спорт — теперь

называются курсами, вместо оценок ставятся баллы. Экзамен на аттестат зрелости обычно состоит из четырех предметов, трижды выпускники средней школы должны сдать «экзамен» письменно и один раз устно. Общая оценка по окончании средней школы складывается из результатов этого экзамена и баллов по различным курсам в последних двух классах. Самый высокий балл за экзамен на аттестат зрелости — 1,0 (*Einser Abitur*). Именно знание содержания того, что включает прецедентная лексика, позволяет понимать носителей языка, а также подтекст в ситуациях межкультурной коммуникации.

Несмотря на то, что для классификации реалий в рамках настоящего исследования была разработана собственная классификация, отличающаяся от предложенных ранее тематических, синтаксических и других классификаций в силу связанной с ними некоторой доли условности в выделении таксонов, или групп, на наш взгляд, тематическая классификация может быть применима к анализу фоновой лексики. Группировка фоновых единиц, объединенных общим денотативным значением, в тематические группы, позволяет выделить базовые ценности, которые в полной мере реализуются в языке, и под которыми понимаются основные жизненные смыслы. Включенные в разные формы социальной активности индивиды руководствуются этими базовыми ценностями в своей повседневной жизни, теми смыслами, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения [Андреева, Ратнер, Глухих 2014: 92]. Совокупность базовых ценностей будет отличаться в различных культурах, поскольку она находится под постоянным воздействием внешних факторов, в частности, деятельности социума. В зависимости от того, что детерминирует развитие социума в конкретный период времени, иерархия связанных между собой ценностей может сменяться. К факторам, влияющим на подобные изменения, можно отнести социально-экономические и политико-идеологические.

Так, анализ 248 фоновых единиц, входящих в корпус исследования, позволил условно разделить их на два блока — общественно-политических и этнографических единиц, которые, в свою очередь, можно распределить по 19 тематическим группам: «географические названия», «сфера образования», «социальная-экономическая сфера», «праздники», «экология», «финансы» «заимствования», «половая идентичность», «исторически / социально значимые события», «информационные технологии», «границы государства», «мигранты», «предприятия», «инфраструктура», «государственный аппарат», «национальная одежда», «наука», «искусство», «религия», «пресса», процентное соотношение которых представлено в таблице 4.

Таблица 4

Тематическая классификация фоновой лексики

Тематическая группа	Доля
государственный аппарат	29%
социально-экономическая сфера	17%
финансы	7%
праздники	7%
информационные технологии	6%
образование	5%
мигранты	5%
исторические и социально значимые события	4%
предприятия	3,5%
инфраструктура	3,5%
границы государства	3%
географические названия	2%
заимствования	2%
половая идентичность	1%
национальная одежда	1%

Тематическая группа	Доля
наука	1%
искусство	1%
религия	1%
пресса	1%

На первом месте по числу представленности в корпусе исследования расположены фоновые единицы, объединенные темой «государственный аппарат». Сюда мы отнесли названия государственных учреждений, образований, партийных объединений. Далее следуют такие тематические группы как «социально-экономическая сфера», «финансы», «информационные технологии» и «мигранты». Затрагивая наиболее часто в своих выступлениях данные темы, политические деятели, таким образом, подчеркивают их актуальность в жизни общества, следовательно, мы можем отнести их к базовым ценностям немецкого общества в период с 2017 по 2019 гг.

ГЛАВА 4
Дискурсивные функции культурно-маркированной лексики в публичных выступлениях

4.1. Речевые стратегии и тактики

В ходе выступлений в рамках «политической пепельной среды» (*Politischer Aschermittwoch*) и федерального съезда «Молодежного союза ХДС/ХСС» (*Deutschlandtag*) ораторы имеют возможность выгодно, в позитивном свете, представить партию и ее политические действия в глазах своих единомышленников и потенциальных избирателей, затрагивают актуальные для общества темы, а также критикуют действия конкурирующих партий с целью снизить их влияние на массового адресата, реализуя таким образом две основные интенции борьбы за власть: поддержание собственного имиджа и нарушение имиджа оппонентов.

Отечественные исследователи отмечают, что имидж политических деятелей, представляя собой сложно структурированный концепт, состоит из некоего набора поведенческих ожиданий и «реализуется посредством определенных средств языковой репрезентации, среди которых номинации являются одними из самых эффективных и действенных» [Глушак, Принципалова 2020: 93]. Номинации с положительной коннотацией способствуют поддержанию имиджа собственной партии, а номинации с негативной коннотацией используются для разрушения имиджа политических оппонентов [там же]. Выделяют также основные слоты концепта «позитивный имидж» (в отношении политической партии) и включают туда соблюдение норм и ценностей, взаимодействие с избирателя-

ми и эффективные действия партии, которые эксплицируются с помощью более мелких составляющих, называемых терминалами [Глушак, Шамаева 2018]. Таким образом, любой политик, выстраивая свое речевое поведение, выбирает для реализации своих интенций соответствующие языковые средства, среди которых наиболее выразительными являются именно номинации.

Не вызывает сомнения, что с целью сохранения в глазах избирателей (и единомышленников — как в нашем случае) собственного позитивного имиджа политические деятели прибегают к речевым действиям самовосхваления или самозащиты, дискредитация конкурирующей партии и ее представителей реализуется в основном за счет обвинительных и оскорбляющих речевых действий [Крячкова 2020]. При этом успешность реализации интенций адресанта обусловлена выбором определенной речевой стратегии и тактики и напрямую зависит от условий общения и личности коммуникантов [Стернин 2001].

Реализация речевых стратегий и тактик в политическом дискурсе происходит в рамках базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой», которая, в зависимости от целей и задач политического деятеля, позволяет ему дистанцироваться от точки зрения и действий оппонентов или привлечь на свою сторону потенциальных избирателей. В ходе речевых действий адресант может провозглашать «свои» ценностные ориентиры как истинные и значимые, в то время как «чужие» интересы будут рассматриваться как незначительные, ложные или даже опасные для социума. Продуктивность подобных речевых действий обусловлена гибкостью и простотой в плане манипуляции сознанием массового адресата: политик каждый раз выделяет «свой круг», отделяя тем самым «своих»/«наших» от «чужих». К основным приемам реализации данных единиц можно отнести следующие:

1) *отождествление* (оратор идентифицирует себя/свою партию с определенной позитивной социальной ролью (лиде-

ры, патриоты, реформаторы и т.п.), политические противники в таком случае могут быть представлены в образе «врагов», совершающих нежелательные действия);

2) *сближение по свойствам* (приписывание объекту положительных или отрицательных качеств и признаков в зависимости от принадлежности к группе «своих»-«чужих»);

3) *стереотипизация* (навязывание стереотипного представления о себе или своем противнике на основе образов добра и зла);

4) *установление ассоциативных связей* (реализуется за счет приема навешивания ярлыков, в рамках которого используется частных признак объекта) [Иссерс 1999: 45–49].

По мнению отечественного лингвиста О.С. Иссерс, речевая стратегия представляет собой совокупность речевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели, а речевая тактика — это конкретные коммуникативные действия, способствующие реализации стратегии [Иссерс 1999: 109–110].

На данный момент существует множество классификаций стратегий и относящихся к ним тактик, тем не менее, среди основных речевых стратегий, встречающихся в политическом дискурсе, можно выделить следующие: *стратегия дискредитации, манипулятивные стратегии, стратегия самозащиты, самопрезентации, агитационная стратегия*. Эту позицию разделяют как зарубежные, так и отечественные ученые (Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, О.Н. Паршина, В.И. Карасик и др.).

Иногда для достижения нужного перлокутивного эффекта политик прибегает к одновременному использованию нескольких стратегий и тактик. Ж.В. Зигманн считает, что это обусловлено постоянным развитием политического дискурса и необходимостью быстрой реакции на происходящие изменения в политической жизни общества [Зигманн 2003].

Одной из наиболее распространенных стратегий в ходе публичных выступлений в рамках упомянутых мероприятий является стратегия самопрезентации/самовосхваления,

которая направлена на укрепление собственных позиций и приобретение симпатий у потенциальных избирателей. Положительный имидж партии и отдельного политического деятеля должен соответствовать ожиданиям социальной среды, поэтому ораторы апеллируют к близким и понятным для общества ценностям [Паршина 2005], формируя таким образом атмосферу доверия и отождествляя себя и своих коллег с массовым адресатом.

Стратегия самопрезентации может быть представлена различными тактиками. В настоящем исследовании в рамках данной стратегии мы выделяем тактику солидаризации, направленную на создание общности взглядов и убеждений, а также тактику отождествления, указывающую на принадлежность к определенной группе или приверженность значимым для общества ценностям.

Тактика отождествления в анализируемых текстах часто реализуется за счет употребления политонимов. Данный прием позволяет оратору создать взаимосвязь между названием партии и позитивными событиями или ценностными ориентирами. Проиллюстрируем данное утверждение на примере двух высказываний А. Меркель.

Wir, die Freunde und Mitglieder der Christlich Demokratischen Union, haben gemeinsam mit der CSU in den letzten Jahren gezeigt, dass wir bereit sind, Verantwortung zu tragen, <…>. — Мы, друзья и члены Христианско-демократического союза, вместе с ХСС в последние годы показали, что мы готовы нести ответственность, <…>.

<…> wenn es die Christlich Demokratische Union nicht gäbe, dann würden wir diese Gesetze nicht haben, und deshalb braucht es CDU, damit unsere Sicherheitsbehörden klar, und effektiv, und wirksam arbeiten können. — … если бы не было Христианско-демократического союза, тогда у нас не было бы этих законов, и поэтому ХДС необходим, чтобы наши органы государственной безопасности могли работать прозрачно, эффективно и действенно.

В приведенных примерах А. Меркель приписывает своей партии такие положительные качества, как ответственность, способность принимать актуальные законы и обеспечивать безопасность, за счет успешной работы органов государственной безопасности (*Sicherheitsbehörden*).

В высказывании Х. Зеехофера использование антропонима *Angela Merkel* служит для отождествления правления канцлера с благополучием Германии на данный момент. Для большего перлокутивного эффекта политик прибегает к лексическому повтору *ging es nicht so*: *Zwölf Jahre CDU/CSU in Berlin unter Führung von Angela Merkel, und Deutschland ging es nicht so gut wie heute, liebe Freunde. Deutschland ging es nicht so. — 12 лет ХДС/ХСС в Берлине, под руководством Ангелы Меркель, и ещё никогда прежде жизнь в Германии не была такой хорошей как сегодня, дорогие друзья.*

П. Цимиак использует тактику отождествления, сближаясь тем самым с современным поколением Германии: *Und ich finde einer modernen Volkspartei, die in die Zukunft gehen will, steht es auch gut zu Gesicht, dass wir in der Bundesregierung, in der Bundestagsfraktion und in der Parteiführung frische, neue Gesichter bekommen, die auch für die moderne Politik der Union stehen, liebe Freundinnen und Freunde*. *— Я считаю, современной народной партии, которая хочет идти в ногу со временем, очень подходит то, что у нас в федеральном правительстве, во фракции в бундестаге, а также в партийном руководстве появляются новые и свежие лица, которые несут ответственность за современную политику ХДС, дорогие друзья.*

Оратор, употребляя личное местоимение *wir*, говорит от лица всей партии, объединяя молодежную организацию, лидером которой он является, с Христианско-демократическим союзом. Безусловно, это позволяет придать высказыванию большую убедительность. Местоимение *wir*, кроме того, призвано выполнять и другие функции. Так, например, В.М. Глушак отмечает, что употребление личных местоимений характеризует парадигму речевого поведения немцев и соотносится

с категориями статуса и социальной дистанции. Использование местоимения *wir* в значении «мы совместное» может маркировать различные речеповеденческие модусы [Глушак 2007]. В нашем примере оратор явно хотел, с одной стороны, продемонстрировать близкие доверительные отношения с представителями ХДС, с другой, возможно подчеркнуть свой более высокий статус по отношению к аудитории в текущей ситуации. Таким образом, П. Цимиак при помощи этого местоимения включил себя и «Молодежный союз» в круг «своих».

Характеризуя политику своей партии, П. Цимиак применяет лексический повтор прилагательного *modern* с положительной коннотацией (*moderne Politik, moderne Volkspartei*), а также использует гендерно-симметричное обращение к аудитории *liebe Freundinnen und Freunde,* чтобы привлечь её внимание и включить в «свой круг».

В следующем примере другой оратор, Т. Кубан, прибегает к тактике отождествления своей партии с продуктивной работой над значимыми для массового адресата темами: *Liebe Freunde, die Union ist mehr als eine Ein-Thema-Partei. Wir wollen die Themen der Gesellschaft aufgreifen und wir wollen sie zusammenbringen. — Дорогие друзья, ХДС не является партией, занимающейся решением лишь одной проблемы. Мы намерены поднимать общественные темы и собираемся свести их вместе.*

Как и П. Цимиак, для акцентуации внимания аудитории молодой политик использует обращение *liebe Freunde*, хотя в отличие от П. Цимиака, прибегает к гендерно-асимметричной форме. Он также употребляет личное местоимение *wir*, опираясь тем самым на авторитет партии. Кроме того, Т. Кубан с помощью фоновой единицы *Ein-Thema-Partei* указывает, что партия способна на обсуждение и решение различных проблем. Эта единица содержит отрицательную коннотацию, но используя сравнение (*die Union ist mehr als eine Ein-Thema-Partei)* он дистанцируется от данного определения в адрес своей партии.

В приведенном ниже примере А. Меркель использует тактику солидаризации, указывая на общность взглядов с Евросоюзом и НАТО: *Aber viele Probleme, die uns wichtig sind, werden wir nur gemeinsam mit den anderen Mitgliedsstaaten der Europäischen Union lösen können. Die Bekämpfung von Fluchtursachen, die gemeinsame Entwicklungspolitik, die gemeinsame Außenpolitik, eine gemeinsame Verteidigungspolitik, nicht gegen die NATO, aber mit der NATO, aber auch mit einer starken europäischen Komponente. — Но многие важные для нас проблемы мы можем решить только вместе с другими членами Евросоюза. Преодоление причин эмиграции, совместное оказание помощи развивающимся странам, общая внешняя политика, общая оборонная политика, не против НАТО, а вместе с НАТО, но все же с сильной европейской составляющей.*

Неоднократное упоминание местоимения *wir*, а также лексический повтор прилагательного *gemeinsam* создают впечатление единения и общности взглядов с другими странами — членами Евросоюза и НАТО. Лексический усилитель в первой части высказывания *nur* (*nur gemeinsam*) служит для придания большей убедительности в необходимости проведения единой и общей политики.

Тактика солидаризации используется также для указания на общность взглядов внутри партии, например, в речи П. Цимиака: *Und dann komme ich zu dem nächsten Punkt, der mich sehr aufregt in der Debatte aus Sicht der Jungen Union, wenn es um Generationsgerechtigkeit geht. — И затем я перехожу к следующему пункту, который меня, как представителя «Молодёжного союза ХДС/ХСС», очень волнует в рамках дебатов, когда речь идет о межпоколенческой справедливости.*

Оратор указывает на значимость вопроса о межпоколенческой справедливости с помощью лексического усилителя *sehr* (*sehr aufregt*) не только для себя лично, но и для всего молодежного крыла, используя политоним *Junge Union*.

В некоторых случаях в одном высказывании в рамках стратегии самопрезентации могут использоваться обе тактики.

Так, Т. Кубан прибегает к тактике отождествления для указания на принадлежность к современному поколению и тактике солидаризации с целью выражения согласия с идеями защиты окружающей среды: *... Und jetzt sind es Fridays for Future und wir wollen grüner werden als die Grünen. — ...А сейчас это движение Fridays for Future, и мы хотим стать более «зелёными», чем партия «зелёных».*

Fridays for Future является международным общественным движением школьников и студентов, призывающих к активным политическим действиям по борьбе с глобальным потеплением и изменениями климата. Упоминая данный политоним в позитивном контексте, политик признает важность этого молодежного движения. Т. Кубан использует также цветовое обозначение партии *Bündnis 90/die Grünen* и в ироничной манере указывает на будущее превосходство своей партии в вопросах по защите природы с помощью сравнения *grüner als die Grünen*.

Стратегия формирования эмоционального настроя часто выполняет роль вспомогательной стратегии и служит для создания нужной атмосферы, а также соответствующего настроения у аудитории для восприятия дальнейшей информации. К данной стратегии относятся следующие тактики: тактика единения, тактика апеллирования к эмоциям, тактика апелляции к ценностным ориентирам.

Одним из важнейших ценностных ориентиров, к которому апеллируют политики, является патриотизм. В рамках данной тактики ораторы прибегают к использованию топонимов и геортонимов, что характерно для выделения «своего круга» и включения в него массового избирателя. Рассмотрим несколько высказываний Х. Зеехофера, которые, с нашей точки зрения, носят лозунгового характера. По мнению Е.И. Шейгал, это делает их запоминающимися и способно привлечь внимание массового адресата [Шейгал 2004].

Bayern muss Bayern bleiben. — Бавария должна оставаться Баварией.

Und dieses Ziel heißt: Bayern zuerst. Da lass ich von niemandem abbringen. — И этой целью является: Бавария — в первую очередь. И я никому не позволю это изменить.

Liebe Freunde, das alles ist Bayern. Bayern ist einzigartig, Bayern ist ein Paradies, <…>. — Дорогие друзья, это всё Бавария. Бавария — единственная в своём роде. Бавария — это рай, <…>.

Для создания позитивного образа Германии и Баварии и поднятия патриотического духа у массового адресата Х. Зеехофер прибегает к лексическому повтору топонима *Bayern* и его характеристике с помощью лексических единиц с позитивной оценкой *einzigartig, Paradies*. Созданию доверительной атмосферы в ходе выступления способствует, кроме того, обращение к аудитории *liebe Freunde,* хотя, напомним, что относим его к гендерно-асимметричным формам.

Лозунговые слова и выражения часто связаны в сознании массового адресата с определенным позитивным явлением, как, например, в высказывании А. Крамп-Карренбауэр: *„Made in Germany“, das stand für viele-viele Jahre für die Qualität unserer Produkte. — Made in Germany, эта фраза уже многие-многие годы означает качество нашей продукции.*

Лидер ХДС (2019 г.) апеллирует к национальной гордости за счет ставшей стереотипной фразы *Made in Germany* и использует притяжательное местоимение *unser* для влючения аудитории в «свой круг». Для усиления эффекта оратор прибегает к лексическому повтору *viele-viele Jahre*.

Важным историческим событием в жизни германского общества стало объединение Германии в 1990 г., упоминание о котором представляет собой, с нашей точки зрения, реализацию тактики апелляции к ценностным ориентирам и тактики единения. Приведем пример из выступления Х. Зеехофера: *Helmut Kohl ist der Kanzler der Deutschen Einheit, der diesen Wink der Geschichte ergriffen hat und die deutsche Einigung vollendet hat. Vergesst es nie. — Гельмут Коль — канцлер единства Германии, который воспользо-*

вался знаком истории и реализовал объединение Германии. Никогда об этом не забывайте.

В приведенном выше высказывании лидер ХСС (2017 г.) употребляет прецедентный антропоним *Helmut Kohl*. Личность Г. Коля является несомненным авторитетом для многих жителей Германии, поскольку объединение двух государств (ФРГ и ГДР) стало возможным именно в годы его правления. Помимо использования культурно-маркированной лексики, эффект эмоционального воздействия на публику достигается за счет применения повелительного наклонения во втором лице множественного числа (*vergesst es nie*), что может также служить для сближения с аудиторией, а также за счет лексического усилителя *nie*.

Основная цель стратегии дискредитации заключается в умалении влияния и достижений конкурирующих партий и их представителей в обществе и демонтаж позитивного образа оппонентов в глазах потенциальных избирателей [Крячкова 2020]. Она реализуется за счет тактики обвинения и тактики оскорбления и издёвки.

Для обвинительных речевых действий характерно противопоставление действий конкурирующей партии ценностным ориентирам общества. К тактике обвинения в неследовании ценностным ориентирам прибегает, например, Х. Зеехофер: *Für uns gibt es Null-Toleranz für Ausländerhass, für Antisemitismus und Hassparolen. Und mit rechtsradikalen dummen Fragen haben wir schon gar nichts gemeinsam. — Мы относимся нетерпимо к ксенофобии, антисемитизму и разжиганию ненависти. И с этими ультраправыми глупыми вопросами у нас совершенно нет ничего общего.*

Толерантность является одной из значимых ценностей германского общества, при этом данное понятие тесно связано с проблемой миграции, которая остро стоит в Германии в последние годы.

Оратор приписывает своим политическим противникам неодобряемые в обществе действия за счет перечисления

лексических единиц с негативной семантикой *Ausländerhass, Antisemitismus, Hassparolen* и противопоставляет их ценностному концепту *Toleranz*. Данные понятия относятся к фоновой лексике, поскольку имеют отношение к историческим событиям в Германии в 1939–1945 гг. Выступающий дает негативную оценку вопросам, которые поднимают оппоненты с помощью экспрессивной оценочной лексики *und mit rechtsradikalen dummen Fragen*. Кроме того, Х. Зеехофер стремится дистанцироваться от данных негативных явлений и представить свою партию в лучшем свете с помощью концепта *Null-Toleranz* в отношении проявления ненависти к иностранцам и антисемитизма, инверсии и лексических усилителей *schon gar nichts gemeinsam* для акцентуации внимания аудитории.

Тактика оскорбления и издевки часто применяется, чтобы высмеять оппонента и его недостатки. Она реализуется с помощью приема навешивания ярлыков, для которого характерна эмоционально-экспрессивная лексика с отрицательной оценкой и ироничные высказывания. Показательным примером в этом случае является фраза Х. Зеехофера: *Aber, wenn er mit dieser Politik fortführt, werden wir ihm diese Mogelpackungen nicht mehr durchgehen lassen. Denn heißt Martin Schulz künftig nicht mehr Martin Schulz, sondern Martin der Schummler. — Но, если он продолжит данную политическую линию, мы больше не допустим повторения его красивых слов. Поскольку тогда в будущем его будут звать не Мартин Шульц, а Мартин Шулер.*

В рамках указанной тактики политик использует антропоним *Martin Schulz*, соотнося фамилию оппонента с созвучным словом *Schummler* и таким образом уличает своего противника во лжи, называя его «лжецом» (*der Schummler*).

Следующий пример из выступления М. Зёдера также отражает тактику оскорбления и издевки: *Der Sozi ist eigentlich grundsätzlich nicht dumm, er hat nur viel Pech beim Nachdenken. — Социал-демократ вообще-то в принципе не глуп, у него лишь не получается размышлять.*

Глава ХСС высмеивает неспособность представителей СДПГ к обдумыванию своих действий с помощью иронии, которая реализуется в том числе за счет употребления пренебрежительного разговорного названия представителя Социал-демократической партии Германии *der Sozi*.

П. Цимиак также прибегает к тактике обвинения в несследовании ценностным ориентирам, осуждая отношение Роберта Хабека (Союз 90/Зеленые) к патриотизму: *Und es geht, liebe Freunde, um den gesellschaftlichen Zusammenhalt und den Wert unseres Landes. «Vaterlandsliebe, — sagt Herr Habeck, — Vaterlandsliebe finde ich stets zum Kotzen. <…>». Liebe Freunde, so jemand darf nie Verantwortung für dieses Land bekommen und in einem Parlament sitzen. — И речь идет о социальной сплоченности и значимости нашей страны, дорогие друзья. «Патриотизм, говорит г-н Хабек, патриотизм — меня тошнит от этого. <…> ». Дорогие друзья, такой человек никогда не должен получить право нести ответственность за эту страну и заседать в парламенте.*

В своем высказывании лидер «Молодежного союза» использует ценностный концепт *Vaterlandsliebe*, который соотносит с понятиями *Zusammenhalt* и *Wert unseres Landes*, что является примером употребления фоновой лексики. Оратор цитирует фразу Р. Хабека для подтверждения своих слов о нарушении ценностных и моральных ориентиров общества со стороны политического противника, употребляет маркер чуждости *so jemand* в его адрес и лексический усилитель *nie* для указания на недопустимость нахождения у власти подобного человека.

Несмотря на то, что манипулятивная стратегия так же, как и стратегия дискредитации, направлена на очернение положительного образа оппонента и конкурирующей партии, основной отличительной чертой манипулятивных речевых действий является намеренное побуждение адресата к желаемым действиям, в то время как дискредитация представляет собой речевую агрессию, нацеленную на оскорбление [Седов 2003].

К способам реализации манипулятивной стратегии В.И. Карасик относит псевдоаргументацию, имитацию авторитетности и силы [Карасик 2002]. Е.И. Шейгал добавляет к этому перечню также приемы демагогии, тактики гиперболизации, компрометации, утрирования, ложного обобщения, инсинуации [Шейгал 2005].

Так, тактика инсинуаций (ложных обвинений) позволяет политикам создать образ врага и бездоказательно обвинить конкурирующую партию в нежелательных или опасных действиях в отношении страны. Рассмотрим два высказывания Х. Зеехофера, направленные против партии «Союз 90/Зеленые».

Ich kann euch nur sagen: das Verhalten der Grünen ist der Gipfel der Schäbigkeit und die Grünen sind das wahre Sicherheitsrisiko für unser Land. — Я могу сказать вам только одно: поведение «зелёных» — это апогей убогости, а партия «Зелёные» представляет настоящую угрозу безопасности для нашей страны.

Ich wiederhole, die Grünen sind ein Sicherheitsrisiko für unser Land und solange sie so denken, kommt für die CSU die Grünen als Koalitionspartner nicht in Frage, mit denen wollen wir nicht. — Я повторяю, «зелёные» — это угроза для безопасности нашей страны, и пока они так думают, они не могут быть для ХСС партнером по коалиции, мы этого не хотим.

В обоих случаях политик реализует концепт «свой-чужой» и использует множество языковых средств для создания яркого негативного образа партии «зеленых». Для привлечения внимания Х. Зеехофер прибегает к перформативным высказываниям в начале предложений (*ich kann euch sagen, ich wiederhole*) и лексическому повтору слова с негативной коннотацией *Sicherheitsrisiko*. Словосочетание *das wahre Sicherheitsrisiko* и фразеологизм *der Gipfel der Schäbigkeit* добавляют речи политика образности и усиливают негативную оценку действий конкурентов. Реализация концепта «свой-чужой» достигается за счет использования личных место-

имений *sie — wir*, маркера чуждости *mit denen* для обозначения партии противника и также за счет оппозиции партий *die Grünen — die CDU* в контексте отказа от дальнейшего сотрудничества. При этом политик включает в свой круг массового адресата за счет притяжательного местоимения в словосочетании *unser Land*.

Информационно-интерпретационная стратегия применяется политическими акторами для информирования населения о значимых политических, социальных или экономических событиях и достижениях. Данная стратегия часто несет в себе вспомогательную функцию для реализации других стратегий в зависимости от целей говорящего. К этой стратегии относятся тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика признания существования проблемы, тактика указания на пути решения проблемы, тактика привлечения внимания к проблеме. При этом ораторы в рамках указанной стратегии часто употребляют фоновую лексику, для восприятия которой адресату необходимы экстралингвистические знания.

В приведенном ниже примере А. Меркель стремится доказать успешность проводимой политики с помощью тактики акцентирования положительной информации: *Und diese Politik zeigt doch Erfolge. 50 000 neue Arbeitsplätze, Sozialversicherungspflichte seit 2005. — И эта политика показывает результаты. 50 000 новых рабочих мест, обязательное социальное страхование наемного работника с 2005 года.*

Обеспечение населения рабочими местами являлось одной из главных тем во время выступлений политиков в рамках «политической пепельной среды». Лексическая единица *Sozialversicherungspflicht* (обязательное страхование наемного работника ФРГ) подразумевает пенсионное страхование, страхование по безработице и страхование на случай болезни и является примером употребления фоновой лексики. Для большей убедительности политик использует количественные данные и указание на временные рамки.

В рамках обсуждения будущего Германии А. Меркель затронула в своей речи следующие моменты: пакет реформ «Программа 2025» (*Agenda 2025*), цифровизация (*Digitalisierung*), образование (*Bildung*). Все эти понятия принадлежат к группе социально-политических реалий: *Agenda 2025* относится к документонимам, а понятия *Digitalisierung* и *Bildung* — к фоновой лексике.

Deutschland 2025. Das muss unsere Agenda sein. Wie sieht dann Mecklenburg-Vorpommern aus? Was wollen wir mit der Digitalisierung machen? Wie muss die Bildung für unsere Kinder aussehen? — Германия 2025. Это должно стать темой нашего пакета реформ. Какой станет земля Мекленбург — Передняя Померания? Что мы собираемся делать с цифровизацией? Как должно выглядеть образование для наших детей?

В своем высказывании А. Меркель использует тактику привлечения внимания к проблеме, которую реализует с помощью употребления риторических вопросов. Согласимся с Ю.В. Вознесенской, что данный прием позволяет оратору вести массового адресата за ходом своей мысли и подводить аудиторию к выгодным для себя выводам [Вознесенская 2010].

Помимо обсуждения пакета реформ «Программа 2025» и цифровизации, Х. Зеехофер в рамках темы будущего Германии указывает на необходимость сохранения рабочих мест для населения Германии, прибегая к тактикам акцентирования положительной информации и разъяснения: *Und deshalb werden wir in dieser Agenda 2025 auch alles tun, dass wir für die nächsten Jahre Jobs sichern. Und in einem ganz wichtigen Bereich der Digitalisierung aller Lebensbereiche heißt unser Motto Bits, Bytes, Bayern. Das sind unsere Anliegen, wir wollen da in die Weltspitze, liebe Freunde. Bits, Bytes, Bayern. — И поэтому при создании «Программы 2025» мы будем делать всё, чтобы сохранить рабочие места в последующие годы. В крайне важной области цифровизации всех сфер жизни нашим девизом является «Bits, Bytes, Bayern»*

(биты, байты, Бавария). Таковы наши цели, и мы хотим достигнуть здесь мировых рекордов, дорогие друзья.

Политик указывает на уже достигнутый положительный результат в сфере обеспечения рабочих мест, а также привлекает внимание к положительной информации с помощью лексических усилителей *alles, ganz, aller Lebensbereiche*. Далее он применяет тактику обещания, относящуюся к агитационной стратегии, речь о которой пойдет ниже. Для реализации тактики обещания оратор использует форму будущего времени и говорит от лица всей партии *wir werden*, а также модальный глагол *wollen*. Для акцентуации внимания аудитории лидер ХСС (2017 г.) использует лексический повтор лозунга *Bits, Bytes, Bayern*, который связан с процессом перехода на цифровой формат всех сфер жизни в Баварии и является примером фоновой лексики. Для создания дружеской атмосферы и акцентуации внимания на представленной информации Х. Зеехофер многократно обращается к аудитории формой *liebe Freunde.*

Агитационная стратегия так же, как и информационно-интерпретационная, может усиливать эффект речевых действий, направленных на улучшение собственного имиджа или нарушение имиджа оппонентов. Среди тактик указанной стратегии можно выделить тактику призыва и тактику обещания.

В приведенном ниже высказывании Х. Зеехофер прибегает к тактике призыва для дискредитации противников: *Das Bürgerliche muss jetzt aufstehen und kämpfen gegen Rot-Rot-Grün. — Граждане должны встать и бороться против коалиции СДПГ, «левых» и «зеленых».*

С целью противопоставления граждан (*das Bürgerliche*) и коалиции СДПГ, «левых» и «зеленых» политик использует концепт «свой-чужой», при этом метафорически обозначая партии по их цвету, что является характерным для политического дискурса Германии и также относится к примеру использования фоновой лексики. Призыв осуществляется за счет употребления модального глагола долженствования *muss*.

В следующем примере политик использует тактику призыва, а также тактику апелляции к ценностным ориентирам, относящиеся к стратегии формирования эмоционального настроя. С помощью комплекса стратегий и тактик оратор призывает аудиторию испытывать чувство гордости за достижения правящего блока, используя форму повелительного наклонения (*seid stolz*) и перформатив (*deshalb bitte ich*).

X. Зеехофер: *Liebe Freunde, das ist doch alles mit CDU/CSU verbunden. Und deshalb bitte ich alle Anhänger, alle Freunde: seid stolz auf eure Union, was sie für Deutschland erreicht hat. — Дорогие друзья, всё это связано с ХДС/ХСС. И поэтому я прошу всех приверженцев наших взглядов, всех друзей: гордитесь вашей партией и тем, что она сделала для Германии.*

Для создания позитивного образа блока ХДС/ХСС выступающий использует прием гиперболизации с помощью лексических усилителей *doch* и *alles*, а также неоднократно обращается к аудитории формами *liebe Freunde, alle Anhänger, alle Freunde*, привлекая тем самым ее внимание и создавая атмосферу сближения.

X. Зеехофер употребляет топоним *Deutschland* и политонимы *CDU/CSU, Union* для создания взаимосвязи позитивных действий правящих партий и образа успешной Германии.

Тактика обещания позволяет X. Зеехоферу создавать собственный позитивный образ или позитивный образ всей партии за счет гарантий положительных перспектив в будущем: *Ich gebe in Passau diese Garantie, dass das was ich euch heute gesagt habe, von der CSU solange verfolgt wird, bis es auch in der Realität Praxis ist, meine Damen und Herren. — В Пассау я даю гарантию, что всё сказанное сегодня будет контролироваться со стороны ХСС до тех пор, пока не станет практикой в реальности, дамы и господа.*

Он связывает название партии *CSU* с осуществлением данных ранее обещаний, говоря при этом от первого лица и используя перформатив *ich gebe diese Garantie*, что может указывать на желание политика подчеркнуть образ лидера в глазах

массового адресата. При этом политик обращается к аудитории в форме второго лица множественного числа *euch* и привлекает внимание аудитории с помощью обращений *meine Damen und Herren, liebe Freunde*.

Анализ публичных выступлений представителей блока ХДС/ХСС позволил обозначить значимые для германского общества вопросы, которые затрагивали в своих выступлениях политики. Среди них можно перечислить следующие: миграция и интеграция мигрантов в общество, цифровизация и будущее Германии, социальная сфера и рынок труда, в частности, обеспечение достаточного количества рабочих мест.

Для реализации своих коммуникативных намерений политики прибегали к различным речевым стратегиям: стратегии самопрезентации, стратегии дискредитации, манипулятивной стратегии, информационно-интерпретационной стратегии, агитационной стратегии, стратегии формирования эмоционального настроя адресата. Наиболее употребительными в ходе выступлений политиков на «политической пепельной среде» и в рамках федерального съезда «Молодежного союза» являются стратегии самопрезентации и дискредитации, в то время как другие стратегии часто выполняют вспомогательную функцию при осуществлении интенций, направленных на поддержание собственного позитивного образа или нарушение имиджа политических противников.

Проведенный анализ на материале выступлений лидеров консервативных партий ФРГ наглядно иллюстрирует утверждение Т.С. Комиссаровой, что для речи германских политиков характерны выраженная оценочность суждений, метафоричность и вербальная агрессия [Комисарова 2008].

Реализация речевых стратегий осуществлялась при помощи разноуровневых языковых средств. Среди лексических средств было выявлено употребление фразеологизмов, лексических усилителей, маркеров чуждости, экспрессивной оценочной лексики, лозунговых слов и ярлыков. Монологическая речь

ораторов отличается распространенным синтаксисом, однако встречаются также краткие нераспространенные предложения, носящие лозунговый характер. Для привлечения внимания адресата и большего воздействия на аудиторию политики прибегают к риторическим вопросам и инверсии. Среди стилистических средств можно выделить употребление метафор, сравнения, противопоставления и иронии.

Помимо упомянутых языковых средств, политические деятели активно использовали культурно-маркированную лексику: политонимы, антропонимы, документонимы, геортонимы, топонимы, а также лексические единицы, относящиеся к фоновой лексике. Геортонимы и топонимы часто употребляются в рамках реализации лингвокультурного концепта «свой круг», а также при употреблении стратегии формирования эмоционального настроя адресата, например, для поднятия патриотического духа или гордости за свою страну/федеральную землю. Кроме того, лексика, относящаяся к наименованиям культурно-исторических событий или к географическим наименованиям, придает высказываниям политиков лозунговый характер.

Политонимы и антропонимы активно употребляются как в рамках стратегии самопрезентации, так и при использовании стратегии дискредитации. В первом случае они могут использоваться для отождествления партии с позитивными изменениями, а также для акцентуации внимания аудитории на положительных качествах и действиях партии и её представителей. Во втором случае политонимы и антропонимы служат для реализации речевых действий обвинения, оскорбления или насмешки. Особое значение в выступлениях политиков имеет фоновая лексика, для понимания которой адресату необходимы экстралингвистические знания. Культурно-маркированная лексика встречается во многих высказываниях политиков и напрямую связана с ценностными ориентирами и языковой картиной мира германского общества. Употребление лексических единиц, содержащих культурные и национально окрашенные

маркеры, можно считать довольно значимым компонентом различных речевых стратегий, который способствует поддержанию позитивного политического имиджа или его улучшению, а также дискредитирует оппонентов и нивелирует их достижения в глазах потенциального избирателя.

4.2. Культурно-маркированная лексика и языковая игра

Как уже указывалось выше, «политическая пепельная среда» представляет собой смешанный жанр политического дискурса с преобладанием агональности, отличающийся неофициальным характером и обилием острот и шуток, пускаемых в ход для дискредитации политических оппонентов, чем особенно славится Христианско-социальный союз в Баварии. Юмор, сарказм и комическое являются неотъемлемой составляющей «политической пепельной среды» и направлены на то, чтобы привлечь внимание слушателей — как сидящих непосредственно в зале однопартийцев и журналистов, так и зрителей, смотрящих трансляцию выступлений в Интернете или по телевидению. Такое эмоциональное воздействие на слушателей нередко достигается с помощью языковой игры как стилистического приема.

Функционирование культурно-маркированной лексики в языковой игре в рамках данного исследования рассматривалось на материале текстов выступлений лидеров ХСС на мероприятиях «политической пепельной среды» 2018 г. и 2019 г. Выбор материала исследования объясняется довольно эмоциональным характером речей лидера этой партии М. Зёдера, тогда как выступления христианских демократов отличаются довольно нейтральным и сдержанным характером. В случае с А. Меркель это можно связать с ее статусом: она выступала не только как глава партии, но и как федеральный канцлер, потому не могла себе позволить излишние языковые вольности.

Цель данного мини-исследования заключалась в выявлении функций, которые в текстах «политической пепельной среды» выполняет языковая игра, основанная на культурно-маркированной лексике, и в определении речевых стратегий, для которых используется подобная языковая игра.

В связи с данной целью были поставлены и решены следующие задачи:

– рассмотреть феномен языковой игры, в частности, в политическом дискурсе;

– с помощью метода сплошной выборки отобрать из текстов выступлений в рамках «политических пепельных сред» ХСС 2018 г. и 2019 г. случаи языковой игры и выделить из них те, которые основаны на культурно-маркированной лексике;

– определить типы культурно-маркированной лексики, служащей основой языковой игры;

– определить стратегии и при возможности тактики, для которых используется языковая игра;

– провести дискурсивный анализ наиболее наглядных примеров.

В соответствии с этими задачами использовались следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, количественный метод.

Материалом, как уже было сказано, послужили тексты «политической пепельной среды» ХСС 2018 г. и 2019 г. Общий объем проанализированных речей составляет 200 569 знаков, то есть 4,5 п.л. В 2018 г. основными ораторами на мероприятии были генеральный секретарь ХСС Андреас Шойер (*Andreas Scheuer*), его заместитель Маркус Блюме (*Markus Blume*) и кандидат на пост премьер-министра Баварии Маркус Зёдер (*Markus Söder*), в 2019 г. — Андреас Шойер, ставший федеральным министром транспорта и цифровой структуры, Маркус Зёдер, занявший пост премьер-министра Баварии, генеральный секретарь ХСС Маркус Блюме, а также лидер Европейской народной партии Манфред Вебер (*Manfred Weber*).

Прежде чем перейти непосредственно к эмпирическим результатам исследования, рассмотрим феномен языковой игры, а также разнообразные стратегии и тактики, встречающиеся в политическом дискурсе.

4.2.1. **Языковая игра: определение и типы**

Под языковой игрой в широком смысле понимается «нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [Норман 1987: 168]. Языковая игра — это, как правило, отклонение от норм языковой системы. «Языковая игра — это творческое, нестандартное (неканоническое, отличающееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе — комического характера» [Культура русской речи 2003: 802]. Как стилистический прием языковая игра встречается в художественной литературе, публицистике, текстах СМИ, рекламе, разговорной речи и в других сферах бытования языка [Ильясова 2018: 30] и присуща любому естественному языку.

Языковая игра может затрагивать самые разные уровни языковой системы: фонетику, фонологию, графику, орфографию, морфологию, лексику, семантику, синтаксис, прагматику, стилистику [Санников 2002]. Арсенал конкретных лингвистических приемов на каждом уровне настолько богат, что их все не перечислишь. В фонетике это может быть, например, аллитерация, ассонанс, намеренное нарушение орфоэпических норм; в графике — игра со шрифтом, пробелами, знаками препинания; в морфологии — образование несуществующих форм лексических единиц, разложение слова на части и их обыгрывание, игра на омонимии грамматических форм; в лексике — образование неологизмов с помощью различных

средств, обыгрывание синонимии, полисемии, паронимии, модификация фразеологизмов; в прагматике — обыгрывание состава участников разговора, нарушение постулатов Грайса, в стилистике — смешение разных стилей. Естественно, что в силу типологического строя набор лингвистических средств для создания языковой игры в разных языках будет несколько иной.

Отечественный исследователь В.З. Санников, анализируя языковую игру в художественной литературе, выделяет следующие ее функции: языкотворческая, то есть намерение развлечь себя и собеседника, стремление к самоутверждению, а также маскировочная функция, которая позволяет выразить ценное содержание иными средствами, высказать известную мораль в новой форме, выразить то, что накипело на душе или сгладить невежливость [Санников 2002: 26–30]. В рекламе языковая игра используется, прежде всего, для привлечения внимания потенциального клиента, для компрессии смысла, она может быть источником лингвоэстетического удовольствия или способом обойти цензуру [Ильясова 2018: 39], а в языке СМИ — «на первый план выходит языкотворческая и оценочная функции» [Ильясова 2018: 35].

Если рассматривать языковую игру в политическом дискурсе, то более точным будет определение, данное Е.А. Ханиной: языковая игра — это «осознанный, намеренный, прагматически мотивированный процесс использования говорящим возможностей языковой системы с целью оказания воздействия на адресата» [Ханина 2014: 102]. Как отмечают Л.С. Полякова и Е.В. Суворова, «так как цель политических выступлений — речевое воздействие на аудиторию, то включение приема языковой игры помогает достичь этой установки» [Полякова 2018: 174]. Данные авторы пишут, что языковая игра также помогает завуалированно передать мысль политического деятеля, унизить или высмеять оппонентов, установить дружеские отношения с аудиторией и создать образ более успешного

политика [там же]. Кроме того, в политическом дискурсе она может быть одним из средств манипулятивного воздействия на слушателей [Маслова 2008, Шамсутдинова 2011, Ханина 2016].

Роли и видам языковой игры в политическом дискурсе Германии посвящено диссертационное исследование Е.А. Ханиной [Ханина 2016]. В качестве материала автором были избраны парламентские выступления, интервью с политиками и о политиках, политические лозунги. Выступления лидеров партий в рамках «политической пепельной среды» в данном списке не фигурируют, что позволяет нам сфокусироваться на функциях и видах языковой игры именно на этом мероприятии.

Е.А. Ханина выделяет следующие типы языковой игры:

1) обыгрывание языковых повторов (аллитерация, ассонанс, комбинация аллитерации и ассонанса, рифма);

2) игра на созвучии (омонимия, омофония (в том числе с английским), омография, полиптотон (повторение одного и того же слова в разных формах), этимологическая фигура);

3) словообразовательная игра (словосложение, контаминация, суффиксация);

4) игра с прецедентными феноменами (фразеология, неожиданная расшифровка аббревиатур, игра с фоновыми знаниями, парафраз интертекстовых элементов из художественной литературы);

5) игра с образностью (метафоры цвета, войны, природы).

Проанализировав сотни примеров языковой игры, исследователь приходит к выводу, что «используя перечисленные приемы языковой игры, участник политического дискурса акцентирует внимание избирателя на смысловой значимости лингвистических единиц и усиливает ее, придает неопределенность высказыванию, вызывает нужные ему ассоциации у избирателя, представляет политического оппонента в неожиданном ракурсе и тем самым способствует формированию оценки адресата, придает словам пренебрежительное, иронич-

ное звучание, достигает комического эффекта, повышает экспрессивность, эмоциональность и эстетическое воздействие речи» [Ханина 2016: 162]. Все вышеперечисленное относится и к языковой игре в выступлениях на «политической пепельной среде».

Обратимся теперь к нашему материалу. Из 90 примеров языковой игры, встретившихся в текстах выступлений М. Зёдера, М. Блюме, А. Шойера и М. Вебера, в 45 случаях (то есть в 50%) была задействована культурно-маркированная лексика следующих типов:

– имена политиков (*Markus Söder, Edmund Stoiber, Horst Seehofer, Franz Josef Strauß, Manfred Weber, Martin Schulz, Christian Kern, Ralf Stegner, Toni Hofreiter, Maria Noichl*);

– названия политических партий (в том числе их аббревиатуры) и их представителей (*CSU, SPD, FDP, AfD, Sozi, Genosse, Realos, Fundis*);

– политическая цветовая символика (*grün, blau, schwarz, rot, braun*);

– реалии национальной культуры (*Lederhose, Trachtenjanker, Stammtisch, Hochamt*);

– социально-политические понятия (*Multikulti, Wischiwaschi, Ehe für alle*);

– названия политических коалиций (*GroKo, Jamaika*);

– названия языков/диалектов и прилагательные, образованные от топонимов (*Deutsch, bairisch, bayerisch, europäisch*);

– название экологического движения (*Ende Gelände*);

– топоним (*Europa*).

Некоторые из вышеперечисленных лексических единиц обыгрывались неоднократно.

Для понимания языковой игры, в которой задействована культурно-маркированная лексика (особенно если речь идет об иностранном языке), реципиент должен обладать необходимыми фоновыми знаниями, иначе шутка будет ему непонятна даже при хорошем уровне владения языком. Особые муки языковая игра с культурно-маркированной лекси-

кой доставляет переводчикам, поскольку даже если удается передать игру слов с помощью аналогичных или похожих приемов в родном языке, передача культурного компонента может оказаться затруднительной. При дальнейшем анализе примеров в этом разделе приводится перевод отрывков текста, содержащих языковую игру. По мере возможностей, эта языковая игра будет отражена в переводе, что, к сожалению, не всегда выполнимо.

Что касается типологии языковой игры по уровням языка, то в целом нам встретилось большинство типов языковой игры, перечисленных в исследовании Е.А. Ханиной, а кроме них еще и другие, такие как образование несуществующих форм сравнительной и превосходной степени прилагательных, «заигрывание» с цитатами других политиков, буквальное прочтение внутренней формы слова, метафоры школы и спортивные метафоры, а также логическое противопоставление. Приведем некоторые примеры с культурно-маркированной лексикой, которые встретились в проанализированных нами выступлениях лидеров ХСС:

– аллитерация (*Laptop und Lederhose, Touchpad und Trachtenjanker*);

– рифма (*Ein Europa, das schützt und nützt*);

– образование превосходной степени от относительных прилагательных (*Wir sind der europäischste Aschermittwoch*);

– неологизмы (*Wir brauchen gute Ideen und das NoGroKo-Genörgel geht den Deutschen auf den Geist*);

– образование неологизмов от имен политиков (*Aber, liebe Freunde, klar ist, das ist eine Wahl, bei der Europawahl, in der es eine Manfred-Wahl ist, aber schon eine Schicksalswahl*);

– омонимия (*Genossen — das ist ja einmal die Vergangenheit von „genießen“, deswegen müssen wir noch ein paar Tage Geduld haben*);

– использование цветовой политической символики (*Wir machen in Bayern grüne Politik, aber wir brauchen die Grünen nicht dazu*);

– игра с интертекстом (*Es hat aber bei Jamaika eine Partei gegeben, die viel verspricht und das Gegenteil davon macht. Ich meine die Grünen, sie heißen ja neuerdings nicht Realos und Fundis, sondern Flexis*);

– метафоры (*lieber die Lufthoheit über den Stammtischen als Befehlsempfänger von linken Spinnern wie Ralf Stegner zu sein*);

– игра с расшифровкой аббревиатур — названий партий (*Die FDP ist im November zur fahnenflüchtigen Partei Deutschlands geworden*);

– игра на логическом противопоставлении (*Der Sozi ist eigentlich grundsätzlich nicht dumm, er hat nur viel Pech beim Nachdenken*).

4.2.2. **Языковая игра с культурно-маркированной лексикой как прием речевых стратегий на «политической пепельной среде»**

В выступлениях политиков на любой «политической пепельной среде» обычно прослеживается два основных устремления — с одной стороны, поддержать свой собственный имидж, с другой стороны — нарушить образ партий-оппонентов [Крячкова 2020: 27]. Эти две главные агональные интенции определяют выбор стратегий и тактик, к которым прибегают выступающие.

Напомним, что под речевой стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54], тактикой же являются «определенные коммуникативные действия, направленные на реализацию речевой стратегии» [Крячкова 2019: 50].

Анализ фрагментов выступлений, содержащих языковую игру с культурно-маркированной лексикой, показал, что лидеры ХСС прибегали к следующим стратегиям: дискредитация, самовосхваление, манипулятивная стратегия, агитационная стратегия, стратегия эмоционального настроя, стратегия самозащиты.

Излюбленной стратегией ХСС является дискредитация политических оппонентов (СДПГ, «Союз 90/Зеленые», СвДП, АдГ, «Свободные избиратели»), использованная в 20 случаях из 45, в рамках которой использовались тактика оскорбления и издевки, тактика оппозиционирования и тактика обвинения. Рассмотрим конкретные примеры.

А. Шойер (2018 г.): *Es hat aber bei Jamaika eine Partei gegeben, die viel verspricht und das Gegenteil davon macht. Ich meine die Grünen, sie heißen ja neuerdings nicht Realos und Fundis, sondern Flexis. — В коалицию «Ямайка» должна была войти еще одна партия, которая много обещает и делает полностью противоположное. Я имею в виду «зеленых», которые сегодня должны называться не реалистами и не фундаменталистами, а бесхребетниками*.

Здесь А. Шойер обыгрывает названия двух течений внутри партии «Союз 90/Зеленые»: реалисты (от нем. *Realpolitik*) и фундаменталисты, возникших в начале 1980-х гг. Сторонники первого течения, возглавляемого Йошкой Фишером, стремились к участию в реальной политике, в то время как фундаменталисты предпочитали заниматься вопросами локальной экологической политики (остановка атомных электростанций, закрытие экологически вредных производств), гражданскими инициативами на местах, блокадами ракетных шахт и т.д. [Погорельская 2003: 27]. Неологизм *Flexis* образован от прилагательного *flexibel* ‘гибкий, подвижный, умеющий приспособиться’ по той же словообразовательной модели, что *Realos* и *Fundis* (множественное число от *Realo* и *Fundi*). А. Шойер называет «зеленых» бехребетниками, то есть партией, которая в политике легко отступает от своих идеологических принципов.

С помощью подобного словообразовательного приема А. Шойер иронизирует над бывшим председателем СДПГ Мартином Шульцем: *Aha, so schaut Logik bei der SPD aus: zuerst hat Sigmar Gabriel das Amt an Martin Schulz übergeben, dann hat Martin Schulz es an Andrea Nahles übergeben, dazwischen ist*

noch Olaf Scholz dafür, wollte Martin Schulz ins Außenministerium, nun darf Martin Schulz nicht ins Außenministerium, stattdessen übernimmt wahrscheinlich wieder das Außenministerium Sigmar Gabriel und der neue Draußenminister ist Martin Schulz. — Ага, вот как выглядит логика СДПГ: сначала Зигмар Габриель передал пост председателя партии Мартину Шульцу, затем Мартин Шульц передал его Андрее Налес, между тем вклинился Олаф Шольц, который хотел сделать Мартина Шульца министром иностранных дел, однако теперь Шульцу министерство иностранных дел заказано, вместо него министром, скорее всего, снова будет Зигмар Габриэль, а Мартин Шульц станет новым «министром не у дел».

Здесь обыгрываются паронимы *außen* и *draußen*, означающие ‘внешний, наружный, снаружи’. Если *Außenminister* — это министр иностранных дел, то неологизм *Draußenminister* в данном контексте будет прочитываться носителями немецкого языка как «министр вне (политики)», то есть несостоявшийся министр, оставшийся за бортом, не у дел. Таким образом А. Шойер разрушает образ М. Шульца как успешного политика, представляет его списанным со счетов своими же однопартийцами.

Вторая стратегия — самовосхваления — направлена на поддержание положительного имиджа ХСС и встретилась в нашем материале 7 раз. Для ее реализации М. Блюме дважды в своем выступлении 2019 г. прибегает к образованию несуществующих степеней сравнения относительных прилагательных *europäisch* и *bayerisch*: *… wir sind der europäischste Aschermittwoch — у нас* (имеется в виду ХСС. — *Авт.*) *самая европейская «пепельная среда».* В данном высказывании М. Блюме подчеркивает, что на политической пепельной среде, проводимой ХСС, в отличие от остальных партий, широко обсуждаются и общеевропейские вопросы, а потому она «самая европейская». Напомним, что в 2019 г. «политическая пепельная среда» проводилась в преддверии выборов в Европарламент, и М. Вебер, также выступавший в этом году на «по-

литической пепельной среде», был одним из главных кандидатов на пост председателя Европейской комиссии (который, напомним, в итоге заняла У. фон дер Ляйен).

В следующем примере М. Блюме обращается к тактике обещаний: *Ihr könnt euch sicher sein, in den nächsten Wochen wird diese Christlich-Soziale Union alles geben, um Europa stark zu machen, damit Europa uns stark machen kann und vor allem um Europa ein gutes Stück bayerischer zu machen. — Вы можете быть уверены, в предстоящие недели Христианско-социальный союз отдаст все, чтобы усилить Европу, чтобы Европа сделала нас сильными и прежде всего, чтобы сделать Европу намного более баварской.*

Этот прием — образование компаратива от относительных прилагательных — широко используется в текстах разных функциональных стилей, в частности, в рекламе — для продвижения продукции или услуг. Так и здесь ХСС «рекламирует» сам себя и создает для европейских избирателей позитивной имидж.

Стратегия самовосхваления реализуется и с помощью фонетических средств, таких как аллитерация, например, в выступлении А. Шойера в 2018 г.: *Tradition und Fortschritt, Laptop und Lederhose, Touchpad und Trachtenjanker — war immer das Erfolgsgeheimnis der CSU. — Традиция и прогресс, ноутбук и ледерхозе, сенсорная панель и трахтенянкер — все это всегда было секретом успеха ХСС.* Сохранить аллитерацию при переводе на русский язык, к сожалению, не представляется возможным, поскольку буквальная передача (*лэптоп и ледерхозе, тачпад и трахтенянкер*) содержит слишком много для одной фразы иноязычных заимствований, понимание которых может вызвать трудности у среднестатистического носителя русского языка.

Рассмотрим упомянутые выше культурно-маркированные единицы. *Lederhose* (кожаные штаны) и *Trachtenjanker* (мужская куртка или жилет на пуговицах) — элементы баварского мужского костюма, символизируют приверженность нацио-

нальным традициям. Слоган *Laptop und Lederhose* появился благодаря бывшему президенту ФРГ и уроженцу Баварии Ро́ману Херцогу (*Roman Herzog*), который в своем выступлении на открытии выставочного зала *Neue Messe München* в 1998 г. отметил, с одной стороны, быстрое индустриальное развитие Баварии, с другой, ее приверженность национальным традициям и подытожил свою речь следующим образом: *Wäre ich nicht selbst Bayer, würde ich sagen: Hier sind Lederhose und Laptop eine Symbiose eingegangen. — Если бы я не был баварцем, то сказал бы: здесь мирно сосуществуют традиции* (ледерхозе) *и инновации* (ноутбук/лэптоп). Это выражение так понравилось лидерам ХСС, что стало часто использоваться как способ подчеркнуть успехи партии на ниве экономического и технологического развития федеральной земли [Wolf 2012].

А. Шойер дополняет это выражение еще одним, тоже основанным на аллитерации — *Touchpad und Trachtenjanker*, чтобы лишний раз подчеркнуть, что именно курс на сочетание традиции и инновации привел ХСС, а вместе с ним и Баварию, к успеху и процветанию.

В связи с выборами в Европарламент на «пепельной среде» 2019 г. также прослеживается агитационная стратегия, к которой прибегает М. Зёдер, чтобы мотивировать электорат проголосовать за Европейскую народную партию и, тем самым, за М. Вебера: *Manfred sagt, wir brauchen ein starkes Europa. Ein Europa, das Freiheit und Schutz gewährt. Ein Europa, das schützt und nützt. — Манфред говорит, что нам нужна сильная Европа. Европа, которая гарантирует свободу и защиту. Европа, которая защищает и помогает.* Здесь рифма глаголов *schützt und nützt* усиливает эмоциональное воздействие на слушателя, создавая позитивный образ Европы.

Еще один пример из речи М. Зёдера: *Aber, liebe Freunde, klar ist, das ist eine Wahl, bei der Europawahl, in der es eine Manfred-Wahl ist, aber schon eine Schicksalswahl. — Но, дорогие друзья, понятно, что выборы в Европарламент — это не только «выбор Манфреда», но и судьбоносный выбор*. Деоним-окка-

зионализм *Manfred-Wahl* в этой фразе указывает слушателям на то, что нужно сделать выбор в пользу «Европейской народной партии» (*Europäische Volkspartei, EVP*) и М. Вебера как ее лидера и претендента на пост председателя Еврокомиссии. Заметим, что образование деонимов в целом характерно для политического дискурса Германии [Чигашева 2016, Чигашева 2017а, 2017б, Ханина 2016].

В рамках манипулятивной стратегии А. Шойер дважды пользуется таким приемом как «неправильные» саркастические расшифровки названий партий-оппонентов, чтобы умалить их политическую силу: *Die FDP ist im November zur fahnenflüchtigen Partei Deutschlands geworden. — В ноябре СвДП стала «Дезертировавшей партией Германии».* Когда после долгих и сложных переговоров коалиция «Ямайка» уже практически была образована, отказ председателя либеральной партии (СвДП) К. Линднер вступить в правящую коалицию, был расценен одним из возможных партнеров (блоком ХДС/ХСС) как страх взять на себя ответственность за управление страной и политическую несостоятельность, о чем и говорит значение буквы *F* как *fahnenflüchtig* — дезертировавший.

С помощью «расшифровки» аббревиатуры А. Шойер умаляет также политическую силу СДПГ, с которой консерваторы (ХДС/ХСС) все же образовали правящую коалицию. На тот момент социал-демократы переживали кризис. Перед выборами СДПГ заявила, что не собирается снова вступать в правящую коалицию с ХДС и уйдет в оппозицию, но, когда образование коалиции «Ямайки» провалилось, стало ясно, что без СДПГ в правящей коалиции не обойтись, и тогда социал-демократы разделились на два лагеря. Один выступал за продолжение «большой коалиции», другой — против, на что и указывает А. Шойер: *Das ist die selbstzerfleischende Partei Deutschlands — SPD. — Это саморасчленяющаяся партия Германии — СДПГ.*

Стратегия самозащиты нередко реализуется у ХСС через цитирование негативных высказываний партий-оппонентов

с последующим опровержением. Так, например, М. Блюме опровергает утверждение одного из кандидатов от партии «Союз 90/Зеленые» в Европарламент Хенрике Хан: *Da hieß es doch tatsächlich von Henrike Hahn, ich glaube, Sie müssen googeln, aber ich glaube, sie ist auch irgendwie Spitzenkandidatin: Die CSU würde ergrünen ohne zu erröten. Liebe Grüne, ich sage euch eines. Ihr könnt euch schwarz ärgern, aber ihr werdet nie Volkspartei in diesem Land werden, das ist nur die Christlich-Soziale Union, liebe Freunde! — Как сказала Хенрике Хан, Вы можете загуглить, но я думаю, она тоже одна из главных кандидатов: ХСС позеленеет, не краснея. Дорогие «зеленые», скажу вам одно: вы можете почернеть от злости, но в этой стране вы никогда не станете народной партией, такой является только Христианско-социальный союз, дорогие друзья!*

Изначально сама фраза Х. Хан заключает в себя языковую игру, основанную на политической цветовой символике: *Die CSU würde ergrünen ohne zu erröten. — ХСС позеленеет не краснея*. Глагол *ergrünen* в данном контексте имеет значение ‘перенять позиции и взгляды партии «зеленых»’, то есть присвоить себе их повестку, да еще и не краснея при этом (от стыда). М. Блюме подхватывает эту метафору и выставляет высказывание Х. Хан как признак того, что «зеленые» завидуют популярности ХСС (*Ihr könnt euch schwarz ärgern*).

Подобным же образом М. Блюме защищает авторитет Ф.Й. Штрауса от нападок СДПГ: *Da hat doch vorhin tatsächlich bei der SPD Maria Noichl, ich glaube, sie ist Spitzenkandidatin in Bayern, hat doch tatsächlich gesagt: Wer als Kind oft den Strauß hört, der könne später nur die SPD wählen. Liebe Freunde, wir sagen der SPD, wer als Kind den Franz Josef Strauß gehört hat, der wird später bayerischer Ministerpräsident. — Представитель СДПГ Мария Нойхль, думаю, она один из главных кандидатов в Баварии, недавно заявила: Кто в детстве часто слушает Штрауса, тот впоследствии будет голосовать только за СДПГ. Дорогие друзья, мы отвечаем СДПГ:*

тот, кто в детстве часто слушал Франца Йозефа Штрауса, тот потом становится премьер-министром Баварии.

Здесь М. Блюме делает перефраз высказывания М. Нойхль, опровергая его вторую часть — после окончания Второй мировой войны (за исключением 1954–1957 гг.) пост премьер-министра Баварии занимали исключительно представители ХСС [Политлексикон 2013: 654].

Стратегия эмоционального настроя может реализовываться разными способами, например, с помощью шуток на грани приличия, как, например, поступает М. Зёдер, играющий с двусмысленностью фразы: *Ich habe mit Horst Seehofer auch mal eine ganze Nacht verbracht. Es war nicht meine schönste, es war nicht meine schönste, ich gestehe es, soweit ich mich erinnern kann. Aber das lag nicht daran, wir waren auch nicht allein, sondern wir haben breit diskutiert im bayerischen Landtag, viele wissen es. — Однажды мне довелось провести целую ночь с Хорстом Зеехофером. Признаюсь, это была не самая прекрасная ночь, да, не самая прекрасная, насколько я помню. Но дело не в этом, мы были не одни, мы жарко дискутировали в баварском ландтаге.* В данном примере М. Зёдер с помощью весьма двусмысленной фразы стремится развлечь слушающих и привлечь их внимание.

Итак, как видно на примерах выступления лидеров ХСС на «политической пепельной среде», культурно-маркированная лексика используется в языковой игре достаточно обширно. Знание стоящего за ней культурного фона необходимо для понимания юмора, к которому прибегают ораторы, чтобы оказать воздействие на аудиторию. Языковая игра может служить приемом в разных коммуникативных стратегиях: дискредитации, самовосхвалении, агитации, манипуляции и самозащите, причем в выступлениях политиков ХСС стратегия дискредитации использует языковую игру чаще всего.

4.3. Роль культурно-маркированной лексики в интертексте

Кроме языковой игры, культурно-маркированная лексика задействована и в интертекстуальных включениях, встречающихся в выступлениях политиков ХСС на «пепельной среде». «Политическая пепельная среда» пропитана интертекстом, чаще всего, это цитаты политических деятелей — как однопартийцев, так и оппонентов, тем более что ораторы обычно следят за выступлениями лидеров партий-оппонентов и нередко в тот же день реагируют на их выпады, причем прибегают к языковой игре. Иногда в интертекстуальных включениях встречаются отсылки к культурным реалиям или политическим событиям, без знания которых понять ту или иную фразу бывает невозможно.

Цель данного мини-исследования — выяснить, какие стратегии в выступлениях политиков ХСС реализуются с помощью интертекстуальных средств, содержащих культурно-маркированную лексику и/или языковую игру.

В качестве примера мы снова обратимся к уже проанализированным выше речам лидеров ХСС в 2018 г. и 2019 г. В скриптах были отмечены фрагменты с элементами интертекста — с опорой на методику, предложенную В.П. Москвиным [Москвин 2015а: 213–216], но с небольшой перестановкой этапов: сначала были выявлены инотекстовые вкрапления и установлены их источники (предтексты), затем был определен тип самих вкраплений, и, наконец, установлены функции, выполняемые ими в контексте. В процессе анализа применялись также следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, количественный метод.

Известно, что в научный обиход термин «интертекстуальность» был введен в 1967 г. литературоведом, семиотиком и психоаналитиком болгарского происхождения Юлией Кристевой и используется сегодня, как отмечает отечественный исследователь В.Е. Чернявская, для обозна-

чения явления текстовой диалогичности [Чернявская 2009]. Существующие определения этого лингвистического феномена констатируют, в целом, наличие в тексте одного или нескольких предтекстов и отношения, возникающие между ними. Данное явление рассматривалось в языкознании как в широком, так и в узком понимании. В первом случае речь идет об универсальном свойстве текста, когда в каждом тексте можно обнаружить фрагменты других текстов, потому что кто-то когда-то это уже упоминал. Как отмечал М.М. Бахтин, «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами» [Бахтин 1975: 89]. Однако, данная идея, которую Ю. Кристева назвала теорией безграничного бесконечного текста, оказалась, по мнению В.Е. Чернявской, труднопременимой в практике конкретного лингвистического анализа [Чернявская 2009]. Во втором случае (узком понимании) интертекстуальность предполагает намеренное и осознанное включение автором в свой текст фрагментов других текстов (предтекстов), с учетом того, что адресат сможет это распознать и верно определить авторскую интенцию.

В политической лингвистике интертекстуальность трактуется в узком понимании как «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса — шире — как элемента национальной культуры» [Чудинов 2006: 114]. Прагматическое значение этого явления заключается в выражении авторского замысла при помощи другого текста.

Как правило, в лингвистике выделяются следующие типы интертекста:

– цитата (полная и редуцированная);
– пересказ диалогической речи;
– аппликация («дословное использование фрагментов текста без указания на источник» [Рыбачук 2016: 166]);

– аллюзия (ассоциативная отсылка в виде скрытого или явного намека к известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности [Попова 2007: 14]);

– парафраз («прием, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин 2015б: 118]);

– прецедентные имена.

Как отмечают лингвисты, предтекстом могут быть высказывания политических деятелей или иных известных личностей, литературные произведения, религиозные тексты, тексты законов и иных документов, пословицы, поговорки, афоризмы, названия фильмов, книг, песен или их текст, прецедентные имена, политические лозунги и девизы и т.д. [Попова 2007].

В политическом дискурсе, центральным элементом которого выступает борьба за власть, интертекст является мощным средством воздействия на аудиторию [Попова 2007: 4; Рыбачук 2019: 8–9]. Отечественные ученые считают, что интертекст может быть средством реализации разных стратегий: агональной [Левенкова 2011а], интеграционной [Беляков 2009], информационной [Левенкова 2011б], побудительной [Минаева 2014], контактоустанавливающей [Рыбачук 2016].

Между интенциями говорящего и типом используемых им интертекстуальных средств есть заметная связь. Цитаты, как правило, используются для придания речи аутентичности [Попова 2007], а также для обращения к авторитетному мнению и тем самым укрепления своей позиции [Минаева 2014; Рыбачук 2019: 114]. К цитированию других политиков прибегают для опровержения их же утверждений в рамках агональной стратегии [Рыбачук 2019: 116], для этого может быть добавлен критический или иронический комментарий, или же прецедентный текст будет трансформирован и комически обыгран [Шейгал 2000: 221–222]. Цитирование законов, нормативных документов, отчетов и т.п. необходимо для информирования аудитории. Аллюзии используются для привлечения внимания слушателей [Попова 2007].

В проанализированных выступлениях М. Зёдера, А. Шойера, М. Вебера и М. Блюме встретились 42 примера интертекста. Их предтекстом послужили цитаты политиков, пересказ диалогической речи, цитата из гимна Баварии, политические лозунги/надписи, цитата/парафраз из литературного произведения, парафраз названия экодвижения, цитата деятеля искусства/название книги, парафраз отрывка из телевизионного ролика, метафорические выражения с прецедентными именами. Примечательно, что речь М. Вебера с точки зрения языковой игры и интертекста была достаточно бедна: юмора, основанного на языковой игре, в ней не встретилось, а интертекст в основном заключался в цитировании политиков или пересказе диалогов автора с политиками или избирателями и не содержал примечательной культурно-маркированной лексики. Отсутствие подобных средств сделало его выступление достаточно скучным и безэмоциональным.

Интертекст с языковой игрой, затрагивающей культурно-маркированную лексику, использовался для вербализации нескольких коммуникативных стратегий: дискредитации, аргументативной стратегии, интеграционной стратегии, побудительной стратегии. Ниже мы рассмотрим некоторые примеры.

Основная стратегия, для вербализации которой ораторы прибегали к интертекстуальным средствам с культурно-маркированной лексикой — дискредитация политических оппонентов. С этой целью они цитируют высказывания политиков из иных партий, немецкого деятеля искусства, вставляют в речь парафраз названия эко-движения и приводят политические лозунги.

В выступлениях 2018 г. больше всего досталось многолетнему партнеру ХДС/ХСС по «большой коалиции» — СДПГ. Ее нерешительность в вопросе продолжения сотрудничества язвительно комментирует А. Шойер, приводя цитату немецкого комика и артиста Карла Валентина (1882–1948 гг.): ... *Das ist die selbstzerfleischende Partei Deutschlands — SPD. In der Wahlnacht haben sie gesagt, wir gehen in die Opposition. Am*

Tag des Scheiterns von Jamaika haben sie gesagt, wir bleiben in der Opposition. Kurz darauf haben sie gesagt, wir reden mit der Union, dann haben sie gesagt, wir reden, aber nicht über eine Koalition. Als nächster Schritt haben sie gesagt, wir reden, aber, ob eine Koalition verhandelt wird, entscheidet der Parteitag und jetzt müssen wir wieder auf die Sozialdemokraten warten. Wir haben zwar verhandelt, aber jetzt müssen noch die Jusos überzeugt werden. Liebe Freunde, mögen hätte ich schon wollen, aber dürfen habe ich mich nicht getraut, das würde Karl Valentin dazu sagen. — СДПГ — это саморасчленяющаяся партия Германии. В ночь выборов они говорили: «Мы уйдем в оппозицию». В день провала коалиции «Ямайка» они заявили: «Мы остаемся в оппозиции». Вскоре после этого они сказали: «Мы ведем переговоры с ХДС», затем: «Однако не о коалиции». Потом они сказали: «Мы ведем переговоры, но вопрос — можно ли вести переговоры о коалиции — решит партийный съезд». И теперь нам снова нужно ждать социал-демократов. Хотя мы провели переговоры, теперь нужно еще и «Молодых социалистов» убедить. Дорогие друзья, я бы хотел, но не отважился посметь — вот что сказал бы на это Карл Валентин.

Цитата Карла Валентина несет комический эффект благодаря нагромождению модальных глаголов, особенно на фоне перечисления заявлений и поступков социал-демократов, и в итоге создает образ СДПГ как нерешительной партии, раздираемой внутренними противоречиями.

Отказ «молодых социалистов» поддержать продолжение сотрудничества в коалиции с блоком ХДС/ХСС А. Добриндт (ХСС) назвал лексемой *Zwergenaufstand* — «восстание гномов» (или — «восстание карликов»). Обыгрывая это выражение, К. Кюнерт заявил на съезде СДПГ: *Heute einmal ein Zwerg sein, um künftig wieder Riesen sein zu können. — Сегодня стать карликом, чтобы затем снова стать великаном* — то есть отказаться от вступления в правящую коалицию и уйти в оппозицию, чтобы впоследствии снова стать влиятельной партией.

В выступлении 2018 г. М. Зёдер высмеивает это высказывание К. Кюнерта: *Der rief seinen Delegierten zu, man müsse jetzt dagegen sein, weil erst müsse man Zwerg werden, um als Zwerg wieder Riese zu werden. Ich kann euch nur nach meiner Erfahrung als Gesundheitsminister mit hormonellen Veränderungen eines sagen: einmal Zwerg, immer Zwerg, liebe SPD! — Он прокричал своим делегатам: сейчас необходимо выступить против, сперва нужно стать карликом, чтобы потом из карлика снова превратиться в великана. Занимаясь на посту министра здравоохранения гормональными изменениями, могу сказать одно: карлик карликом и останется, дорогая СДПГ!*

Очевидно, что, не зная политический контекст и историю появления выражения *Zwergenaufstand,* невозможно правильно понять саркастический комментарий М. Зёдера, сводящийся к мысли о том, что если СДПГ откажется от нахождения у власти в «большой коалиции» и уйдет в оппозицию, то так она там и останется.

Интертекстуальные средства используются и при критике «зеленых». М. Блюме, например, прибегает к парафразу названия эко-движения *Ende Gelände* (На этом всё), участники которого выступают против использования атомной энергии и угля и ежегодно проводят акции протеста, привлекая внимание к климатическим проблемам: *... wer ein Land regieren will, der muss Kondition mitbringen. Die Grünen waren schon um etwa 11:40 fertig. Ende im Gelände! Sie hatten nichts mehr zu sagen. Okay, wir müssen mit dem Rad nach Hause fahren, das dauert. — ... кто хочет управлять страной, тот должен быть в состоянии это делать. «Зеленые» закончили уже примерно в 11:40. На этом все! Им больше нечего было сказать. Хорошо, мы должны ехать домой на велосипеде, это займет время.*

Таким образом М. Блюме проводит ложную параллель между тем, что выступления лидеров «зеленых» на их «политической пепельной среде» 2018 г. были относительно короткими (читай — малосодержательными), и их способностью управлять страной, при этом он использует название одного

из экологических движений, что усиливает эффект от этого заключения.

В настоящее время в Баварии «зеленые» являются серьезным конкурентом для ХСС, которая с 1970 г. выигрывала все земельные выборы [Минтцель 2007: 106]. Эту тенденцию показали выборы в ландтаг осенью 2018 г. Претензии «зеленых» на доминирование в Баварии нашли отражение в высказывании их председателя Р. Хабека, прибегающего к языковой игре, основанной на политической цветовой символике: *„grün ist das neue blau-weiß“: «зеленый — это новый бело-голубой».* — Голубой является политическим символом ХСС, а белый и голубой — цвета баварского флага. Таким образом, Р. Хабек утверждает, что его партия может стать правящей партией в Баварии вместо ХСС. А. Шойер цитирует Р. Хабека и, обыгрывая его высказывание, убеждает слушателей, что доминированию «зеленых» в Баварии не бывать: *Robert Habeck sagte doch tatsächlich „grün ist das neue blau-weiß“. Liebe Freunde, unser Himmel in Bayern, der ist weiß-blau und soweit wir hier zusammensitzen, er wird niemals grün sein, liebe Freunde! — Роберт Хабек в самом деле сказал: «зеленый — это новый бело-голубой». Дорогие друзья, наше небо в Баварии бело-голубое, и пока мы все вместе здесь, оно никогда не станет зеленым!*

Критикуя партию «Альтернатива для Германии», М. Блюме цитирует ее лозунг «Защитить Германию», изображенный на бочках с пивом, которым партия угощала гостей своей «пепельной среды», и говорит, что защищать Баварию надо как раз от нее: *Und die AfD hat auch heute tatsächlich Bierfässer verteilt, auf denen steht „Bayern schützen“. Liebe Freunde, es geht nicht darum, dass Bayern von der AfD geschützt wird, nein, liebe Freunde, wir müssen Bayern vor der AfD schützen. — АдГ сегодня действительно раздавала бочки с пивом, на которых было написано «Защитить Баварию». Дорогие друзья, не АдГ защищает Баварию, нет, дорогие друзья. Это мы должны защитить Баварию от АдГ.*

Вторая стратегия — аргументативная — реализуется через отсылку к авторитетному мнению. С этой целью ораторы ссылаются на бывшего председателя партии Ф.Й. Штрауса, который является для ХСС культовой политической фигурой и на Эдмунда Штойбера, в настоящее время являющегося почетным председателем партии. Это два прецедентных имени, упоминание которых усиливает воздействие на слушателей, поддерживающих ХСС.

М. Зёдер, например, признает, что партия допустила ошибку, позволив избирателям с более правыми взглядами, чем ХСС, перейти к АдГ: *Es war ein grundlegender Fehler, auf Franz Josef Strauß nicht gehört zu haben. Der Satz von ihm, rechts neben uns darf keine demokratisch legitimierte Partei sein. Der ist nicht ein langweiliger Satz aus der Klamottenkiste der Geschichte, sondern es ist ein Leitmotiv, das bis heute gilt, liebe Freunde. — Не слушать Франца Йозефа Штрауса было серьезной ошибкой. Его тезис о том, что справа от нас не должно быть ни одной демократически легитимной партии, не какой-то докучный тезис, поднятый из закромов истории, это лейтмотив, который остается актуальным и сегодня, дорогие друзья.*

М. Блюме, объясняя секрет процветания Баварии под руководством ХСС, также цитирует известное выражение Ф.Й. Штрауса, согласно которому быть консерватором означает идти во главе прогресса: *Das ist das Geheimnis der Erfolgsgeschichte über sechs Jahrzehnte der CSU in diesem Freistaat. Und zwar im besten Sinne von Franz Josef Strauß, konservativ sein — heißt an der Spitze des Fortschritts marschieren. — В этом кроется секрет шестидесятилетней истории успеха ХСС в Баварии. А именно — в лучшем смысле слов Франца Йозефа Штрауса: «Быть консервативным — значит быть во главе прогресса».*

Третья стратегия — интеграционная — выражается в акцентировании оппозиции «Бавария vs. остальная Германия». Все три выступления 2018 г. содержат интертекстуальные средства, подчеркивающие данную оппозицию, что, вероят-

но, было продуманным риторическим ходом. Так, А. Шойер и М. Блюме заканчивают свою речь первой строчкой (и названием) гимна Баварии *Gott mit dir, du Land der Bayern! (Господь с тобой, баварская земля!)*. Предпоследнее предложение речи М. Зёдера звучит следующим образом: *Ich bin der Markus, do bin i daham und do will i auch bleiben, liebe Freunde! (Я Маркус, здесь мой дом, и здесь я хочу остаться, дорогие друзья!)*. Первая часть *Ich bin der Markus, do bin i daham* представляет собой парафраз цитаты *Ich bin der X und hier bin ich daheim* из серии роликов, время от времени транслируемых баварским телеканалом BR3 в перерывах между передачами [*Da bin ich daheim*]. В этих роликах жители Баварии, в том числе северные немцы и иностранцы, коротко представляются и завершают речь упомянутой выше фразой.

Предложение М. Зёдера интересно еще и тем, что содержит диалектизмы, усиливающие региональную специфику: *do bin i daham* на литературном немецком должно звучать как *da bin ich daheim, do will i auch bleiben* — как *da will ich auch bleiben*. Частое вкрапление диалектизмов в целом характерно для выступлений М. Зёдера на «пепельных средах», это говорит о том, что его целевая аудитория — в первую очередь, баварцы.

К интеграционной стратегии прибегает М. Вебер в выступлении 2019 г. Критикуя французских националистов, возглавляемых Марин Ле Пен и задавая риторический вопрос, каким же будет ответ ХСС он приводит известную цитату Ф.Й. Штрауса: *Es ist die Antwort, die seit Jahren, seit Jahrzehnten Franz Josef Strauß in die Bücher unserer Partei geschrieben hat, nämlich der Spruch „Bayern — meine Heimat, Deutschland — mein Vaterland und Europa — meine Zukunft“, und ich lass mir von keinem Populisten, von keinem Nationalisten einreden, dass das ein Widerspruch ist. — Это ответ, который еще много лет, десятилетий назад Франц Йозеф Штраус записал в книги нашей партии, а именно высказывание «Бавария — моя родина, Германия — мое отечество, а Европа — мое будущее»*

и я не позволю никаким популистам и националистам убедить меня, что в нем заключается противоречие.

Эта известная, прецедентная для ХСС, цитата Ф.Й. Штрауса здесь призвана убедить слушателей, что Бавария и Германия не должны отделять себя от остальной Европы, потому что процветание возможно только благодаря интеграции.

Четвертая стратегия — побудительная, прослеживается в выступлении М. Блюме в 2019 г., использующего в своей речи метафорическое выражение *Kampfanzug von Edmund Stoiber* для отсылки к выступлению этого почетного председателя ХСС, некогда претендовавшего на пост канцлера ФРГ. *Lieber Edmund Stoiber, ich glaube, es war vor 19 Jahren, als du an dieser Stelle gesagt hast, es ist für uns als CSU an der Zeit, das Büßergewand, das Büßerhemd abzulegen und den Kampfanzug anzuziehen. Und genauso ist es heute, liebe Freunde. Wir als CSU müssen den Kampfanzug vom Edmund Stoiber wieder auspacken, vielleicht etwas entstauben, lieber Edmund, und vielleicht frisch bügeln, aber uns dann bereit machen, uns bereitmachen zu kämpfen, was in den nächsten Wochen vor uns liegt. — Дорогой Эдмунд Штойбер, прошло 19 лет с тех пор, как ты, стоя на этом же самом месте, сказал, что для ХСС настало время снять покаянную рубаху и надеть военный мундир. И сегодня это так, дорогие друзья. Мы как ХСС должны снова достать мундир Эдмунда Штойбера, может быть немного стряхнуть с него пыль, дорогой Эдмунд и хорошенько его отгладить, но затем приготовиться, приготовиться сражаться, что нам предстоит в ближайшие недели.*

В своей речи на «политической пепельной среде» в 2000 г. под снятием покаянной рубахи Э. Штойбер имел в виду, что ХСС должна перестать чувствовать вину за разразившийся в 1999 г. скандал вокруг незаконного финансирования ХДС, из-за которого бывший председатель ХДС Г. Коль, отказавшийся назвать имена спонсоров, в 2000 г. ушел с поста почетного председателя партии. Как отмечает М.В. Стрелец, «вопрос о пожертвованиях не имел прямого отношения к ХСС.

Но он повлиял на общее восприятие блока ХДС/ХСС в германском обществе и заодно затронул ХСС» [Стрелец 2004: 223]. В связи с этим рейтинг блока ХДС/ХСС стал падать. Призывая ХСС «надеть военный мундир», Э. Штойбер побуждал однопартийцев вновь включиться в политическую борьбу за избирателей и предложить им новые политические концепции.

М. Блюме использует выражение *Kampfanzug von Edmund Stoiber*, чтобы в свою очередь также воодушевить слушателей-однопартийцев, настроить их на политическую борьбу против СДПГ, «зеленых» и особенно АдГ, про которую он говорит следующее: *Den Kampfanzug von Edmund Stoiber — wir brauchen ihn auch, um uns gegen die zu wehren, die dieses Europa zerstören wollen, die dieses Land spalten wollen, die unser Land spalten wollen und die das riskieren wollen, was uns in den letzten Jahren groß gemacht hat. — Нам нужен мундир Эдмунда Штойбера, чтобы защищаться от тех, кто хочет разрушить эту Европу, от тех, кто хочет расколоть эту страну и от тех, кто хочет поставить на кон то, что за последние годы сделало нас сильными.*

Анализ выступлений лидеров ХСС М. Зёдера, А. Шойера и М. Блюме позволил выявить их основные стратегии, для реализации которых используются интертекстуальные средства, включающие культурно-маркированную лексику. Преобладающая стратегия — дискредитация политических оппонентов (других партий) в основном реализуется с помощью цитирования высказываний представителей этих партий и последующего опровержения или высмеивания цитируемых утверждений.

Цитирование бывшего председателя ХСС Ф.Й. Штрауса ораторы, наоборот, использовали в рамках аргументативной стратегии, то есть подтверждения своей правоты с опорой на авторитетное мнение. Интеграционная стратегия (подчеркивание оппозиции «Бавария vs. остальная Германия») реализуется с помощью интертекстуальных средств с регионально-культурной спецификой. М. Блюме и А. Шойер цитировали

первую строчку баварского гимна, М. Зёдер прибегнул к парафразу из телевизионного ролика, транслируемого местным телевидением, а также к парафразу строчки из англоязычного романа. В рамках побудительной стратегии М. Блюме обращался к метафорическому прецедентному выражению, введенному Э. Штойбером в выступлении на «политической пепельной среды» 2000 г.

Естественно, что анализ речей в рамках двух «пепельных сред» одной партии дает весьма ограниченный материал, который, однако, показывает наличие определенных связей между коммуникативными стратегиями языковой игры и интертекстом. Языковая игра и интертекст являются мощными стилистическими средствами, используемыми политиками в своих выступлениях для оказания воздействия на аудиторию, в первую очередь, чтобы нанести ущерб имиджу политических конкурентов, и, во-вторых, чтобы транслировать избирателям положительный образ себя и своей партии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение лексической системы языка и ее особенностей попрежнему остается актуальным научным направлением. Именно в этой системе отражается, накапливается и сохраняется информация о внеязыковой действительности, в каждом языке по-разному. По этой причине возникают случаи несовпадения значений, что может приводить к нарушению процесса коммуникации между представителями разных наций, даже занятых в одной сфере деятельности. Для преодоления возможных проблем, а также случаев социокультурной интерференции необходимо обращаться к фоновой информации, культурному, историческому или профессиональному контексту. Таким образом, языковые факторы тесно связаны с факторами внеязыковыми.

Особый интерес с научной точки зрения может представлять изучение лексических особенностей профессиональных дискурсов. Несмотря на идентичные условия профессиональной деятельности, обусловленные на первый взгляд едиными внеязыковыми факторами, ее отражение в каждом языке имеет свои национально-культурные особенности. Подтверждением тому служат обозначения профессиональных объединений, должностей, документов и т.п. Наибольшие различия наблюдаются в обозначении специфических понятий и явлений, отсутствующих в системе понятий другой нации и другого языка.

Данное исследование проводилось в рамках политической лингвистики, на стыке различных научных дисциплин, посвящено изучению одного из подвидов профессионального дискурса и соответствует направлению научной школы кафедры немецкого языка Университета МГИМО «Языковые характеристики политического дискурса». В работе рассматриваются лексические особенности политического дискурса в тесной взаимосвязи с экстралингвистическими факторами. В про-

цессе анализа языкового материала применялись следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки, количественный метод, контекстуальный анализ, дискурсивный метод, социокультурный метод, по́левый метод.

Отметим, что мы рассматриваем политику как профессиональную сферу деятельности, и на этом основании относим политический дискурс к подвидам профессионального дискурса. Из всего жанрового многообразия наибольший интерес, по нашему мнению, представляют публичные выступления на специфических для политической сферы Германии мероприятиях — *Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag*. С лингвистической точки зрения эти обозначения, во-первых, уже сами по себе культурно маркированы и не имеют точных соответствий в русскоязычной действительности. Во-вторых, данные наименования аккумулируют в себе многие специфические черты жанра публичного выступления, в-третьих, отражают актуальную общественно-политическую и культурную ситуацию в стране. Выступления именно на этих мероприятиях были выбраны для анализа и выявления культурно-маркированных единиц. Отобранные примеры относятся в основном к сфере политики и государственного устройства, что подтверждает первичность и универсальность трактовки данного вида деятельности в аристотелевском понимании. Напомним, что в этом случае приоритет отдается политическим институтам, облеченным властью лицам и их отношениям между собой и с обществом.

При изучении теоретической литературы по проблематике исследования были выявлены несколько подходов к рассмотрению культурно-маркированной лексики. В данной работе культурным компонентом признается информация, отражающая в языке общественное сознание, область семантики, включающая в себя совокупность знаний о предмете или явлении, выраженных словом или словосочетанием. Общим для разных подходов является, однако, признание тесной взаимосвязи языка и культуры, наличие специфического национально-окрашенного маркера, на основании которого единица может быть включе-

на в комплекс понятий конкретного языкового сообщества, и отсутствие эквивалентов в других языках по причине отсутствия денотата либо по причине расхождения в объемах понятий.

На материале анализа публичных выступлений лидеров консервативного блока ХДС/ХСС и его молодежной организации «Молодежный союз ХДС/ХСС» за период 2017–2019 гг. на специфических мероприятиях (*Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag*) были отобраны лексические единицы, обладающие национально-культурной спецификой и профессиональными маркерами. В рамках проведенного исследования относим к культурно-маркированной лексике политического дискурса Германии реалии, гендерно-маркированные единицы, фоновую лексику, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы. В данной работе рассматриваются первые три группы единиц, содержащие в своем значении культурный компонент. Ввиду слабо выраженного профессионального компонента устойчивые словосочетания и фразеологические единицы при анализе практического материала не учитывались. Всего было отобрано 789 единиц. В количественном отношении отобранные единицы распределены следующим образом:

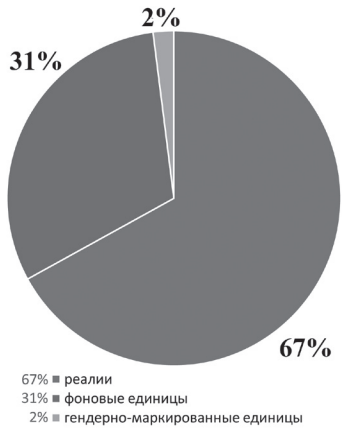

Рис. 2. **Репрезентативность языкового материала исследования (по группам культурно-маркированной лексики)**

Данная диаграмма наглядно показывает, что бóльшую часть единиц с национально-специфическим компонентом составляют в нашем случае реалии, вопреки общепризнанному утверждению, что самым многочисленным классом культурно-маркированной лексики являются фоновые единицы. Позволим предположить, что эта особенность обусловлена спецификой профессионального дискурса. В то же время анализ практического материала подтверждает, что больше всего фоновой информации содержат именно реалии.

Проведенное исследование позволяет уточнить дефиницию реалий профессионального политического дискурса. Под **реалиями политического дискурса** мы понимаем слова и словосочетания, которые, во-первых, обозначают предметы, понятия и явления общественно-политической жизни, в частности, профессиональной сферы деятельности «политика» и «государственное устройство», релевантные для представителей немецкоязычного сообщества на территории конкретной страны (в нашем случае — современной ФРГ), во-вторых, обладают дифференциальной и/или контекстуальной семой, позволяющей соотносить их с данной профессиональной сферой деятельности.

Изучение теоретической литературы по теме показало отсутствие единой классификации реалий профессионального дискурса, а существующие не учитывают всех особенностей отражения данной сферы деятельности в языке, в нашем случае — в немецком. По этой причине была разработана **ономастическая классификация реалий**, наиболее полно, с нашей точки зрения, отражающая специфику политического дискурса как профессионального вида деятельности. На основании анализа практического материала и с позиции ономастики предлагаем классифицировать реалии на *антропонимы, топонимы, этнонимы, политонимы, эргонимы, официонимы, документонимы, геортонимы, гемеронимы, деонимы*. Безусловно, привлечение более широкого (в том числе, в количественном отношении) практического материала позволит расширить

данную типологию за счет включения новых классов онимов или их подразделения на самостоятельные подклассы. Так, ранее мы уже приводили пример с топонимами, в классе которых можно выделить хоронимы, ойконимы и урбанонимы. Отметим, однако, что выделенные нами классы можно признать основой ономастической классификации реалий.

Вместе с тем, считаем возможным рассматривать фоновые единицы с позиции тематической классификации. Анализ языкового материала позволяет выделить два блока (общественно-политические и этнографические единицы), которые подразделяются на 19 групп (см. таблицу 4).

Выделение как отдельного класса гендерно-маркированных единиц обусловлено современным этапом развития немецкого языка, принципами действующей языковой политики и необходимостью соблюдать политкорректность при упоминании лиц или обращения к ним. Кроме того, наш анализ показал наличие у таких единиц явно выраженной национальной и культурной специфики, в отличие от русского языка.

Отметим, что экстралингвистически специфика политического дискурса заключается в отражении всех социально значимых политических и общественных явлений. По этой причине в нашем языковом материале встречаются реалии и единицы других дискурсов, в том числе профессиональных: экономического (*die schwarze Null, der Witschaftsminister, der Google*), культурного (*der Karneval, die Büttenrede*), религиозного (*Aschermittwoch, Silvester*), спортивного (*FC-Bayern*), юридического (*der Koalitionsvertrag, Hartz IV*), педагогического (*die Kinderbetreuung, die Kita, das Kindergeld, der DigitalpaktSchule*), экологического (*der Klimawandel, Ende Gelände, Energiewende*), военного (*der Zweite Weltkrieg, der Kalte Krieg, die Bundeswehr, Soldatinnen und Soldaten*) и других дискурсов.

Особенность немецкого языка отражается также в его полицентричности. Лингвисты, и отечественные, и зарубежные, признают существование трех официальных вариантов немецкого языка: *Bundesdeutsch* (функционирует на терри-

тории современной Германии), *Österreichisches Deutsch* или *Österreichisches Hochdeutsch* (является официальным языком Австрийской Республики) и *Schweizer Deutsch* или *Schweizer Hochdeutsch* (используется в качестве средства коммуникации в Швейцарии). В данной работе в центре внимания находился *Bundesdeutsch* и анализировались единицы, обозначающие понятия политического дискурса Германии. Отметим, что не все выявленные обозначения релевантны для политического дискурса Австрии и Швейцарии.

Культурно-маркированные единицы, содержащие в своем значении помимо национального и профессиональный компонент, рассматривались также с позиции дискурсивного анализа. Были выявлены основные речевые стратегии и тактики, для реализации которых ораторы прибегали к культурно-маркированной лексике. На основе проведенного анализа приходим к выводу, что ономастические наименования (в частности, геортонимы, топонимы, политонимы, антропонимы) применяются для реализации лингвокультурного концепта «свой круг», стратегии формирования эмоционального настроя адресата (для поднятия патриотического духа или гордости за свою страну/федеральную землю), придают высказываниям политиков лозунговый характер.

Были обнаружены случаи реализации стратегий самопрезентации и дискредитации. Реалии могут использоваться для отождествления партии с позитивными изменениями, позволяют оратору акцентировать внимание аудитории на положительных качествах и действиях партии. Вместе с тем, они служат для реализации речевых действий обвинения, оскорбления или насмешки. Особое значение в выступлениях политиков имеет фоновая лексика, она напрямую связана с ценностными ориентирами и языковой картиной мира германского общества. Употребление лексических единиц, содержащих культурные и национально окрашенные маркеры, является довольно значимым компонентом различных речевых стратегий, который способствует поддержанию позитивного полити-

ческого имиджа или его улучшению, а также дискредитирует оппонентов и нивелирует их достижения в глазах потенциального избирателя.

Отдельно в рамках проведенного исследования рассматривались функции культурно-маркированной лексики в языковой игре и ее роль в интертексте. Наиболее показательными в этом отношении являются выступления политиков от ХСС. Их речь насыщена такими примерами, они довольно часто прибегают к приему языковой игры, реализуя за счет этого различные коммуникативные стратегии: стратегии дискредитации, самовосхваления, агитации, манипуляции и самозащиты. Определенные связи были обнаружены между языковой игрой и интертекстом, которые считаются довольно сильными языковыми средствами для оказания воздействия на аудиторию, в первую очередь, чтобы нанести ущерб имиджу политических конкурентов, и, во-вторых, чтобы транслировать избирателям положительный образ себя и своей партии.

Исследование преследовало явно выраженную практическую задачу — обратить внимание будущих специалистов-международников на культурные различия Германии и России, отраженные в языке, что позволит им избегать случаев социокультурной интерференции и обезопасит их от коммуникативных неудач в профессиональной сфере деятельности.

Проведенное исследование подтверждает всеобъемлющий и интердискурсивный характер политического дискурса, даже на примере анализа публичных выступлений представителей партий, по сути, только одного (консервативного) направления. Согласимся с А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевичем, что политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991: 6]. Более того, языковой материал наглядно демонстрирует пересечение политического дискурса с другими видами институционального дискурса. Так, в нашей выборке встречаются термины и понятия юриди-

ческого (документонимы), экономического (эргонимы), религиозного и военного (геортонимы), медийного (гемеронимы), спортивного, рекламного и художественного (интертекст) дискурсов.

Отметим также некоторое размывание границ между персональным и институциональным типами (по терминологии В.И. Карасика). В практическом материале обнаруживаются, с нашей точки зрения, признаки бытового и бытийного общения, относящиеся к персональному дискурсу. Проанализированные речи представляют собой выступление среди единомышленников (вариант бытового общения), когда участники коммуникации хорошо знают друг друга, ораторы могут общаться с аудиторией на сокращенной дистанции, и та понимает их с полуслова. Об этом свидетельствуют многочисленные антропонимы, особенно диминутивы, акронимы и упоминание конкретных лиц только по имени, деонимы, примеры языковой игры. Признаки личностно-ориентированного общения, свойственные бытийному дискурсу (насыщенный смыслами характер речи, монологичность, отсылка к известным аудитории произведениям или фразам), в нашем случае обнаруживаются при использовании ораторами такого приема, как интертекст. Упомянутые особенности обусловлены экстралингвистически спецификой жанра «политической пепельной среды» (*Politischer Aschermittwoch*) и съезда молодежной организации (*Deutschlandtag*).

Кроме того, подчеркнем, что культурно-маркированная лексика однозначно выполняет в политическом дискурсе апеллятивную (побудительную или регулятивную) функцию. С ее помощью оратор побуждает партнеров по коммуникации к действию, сообщает информацию с целью изменить их намерение совершить определенное действие или явно запрещает какое-либо действие. Ярким примером являются выступления политиков в рамках «политической пепельной среды» 2019 г., когда они прибегали к таким языковым средствам, которые, имплицитно, а чаще эксплицитно, побуждали слушателей ока-

зать доверие и поддержать кандидата от ХСС М. Вебера на выборах в Европарламент.

Лексика с национально-культурным компонентом помогала выступающим информировать аудиторию о текущем состоянии дел, расставлять акценты в актуальной повестке дня, прогнозировать будущее и проводить ретроспективный обзор. Апелляцию к прецедентным именам можно считать элементом убедительной аргументации, позволяющим подчеркивать преемственность (и, возможно, стабильность) политического курса и формировать у единомышленников и потенциального электората ощущение надежности и уверенности в завтрашнем дне. В этом случае проанализированные выступления близки к рекламному дискурсу и содержат признаки политической рекламы, о чем также свидетельствуют примеры языковой игры и интертекста.

Сознательное использование культурно-маркированной лексики позволяет создавать в сознании адресата необходимую для политиков реальность, что соотносится также с креативной функцией языка. С данной функцией тесно связана функция магическая, проявляющаяся в некоторой церемониальности и ритуальном характере мероприятий.

Анализ выступлений немецких политиков на специфических для данного языкового сообщества мероприятиях показал, что культурно-маркированная лексика отражает специфику исторической эпохи, социальные особенности и предпочтения ораторов с учетом конкретной коммуникативной ситуации.

Обобщая результаты проведенного исследования отметим, что лексические единицы немецкого языка, содержащие в своем значении национальные, культурные и профессиональные маркеры, реализуют целый комплекс функций. С лингвистической точки зрения они выполняют номинативную (обозначают объективно существующий денотат) сигнификативную (идентифицируют и выделяют его в кругу подобных), локальную и темпоральную (позволяют соотносить названный объект с конкретным местом и временным периодом его бытования),

кумулятивную (вербально отражают накопленный социальный опыт) и экспрессивную (выражают эмоциональное состояние оратора и его субъективное отношение к обозначаемым объектам действительности) функции. С позиции политического дискурса национально и профессионально окрашенная лексика отражает когнитивную, побудительную, эмотивную, метаязыковую и фатическую функции, о чем подробно указано выше. Однако, реализация этих функций возможна только в контексте высказывания, и только в этом случае культурно-маркированная лексика может выполнить основное функциональное предназначение любого языка — обеспечить передачу информации между членами одного языкового сообщества, а учет ее особенностей в межкультурной коммуникации предотвращает коммуникативные сбои в общении представителей разных культур.

Проведенный анализ представляется перспективным и может стать основой для дальнейших исследований особенностей профессионального дискурса с позиций лингвистики, сопоставительного языкознания или переводоведения. Особого внимания заслуживает рассмотрение языкового материала с точки зрения ономастики в различных подвидах профессионального дискурса, что предусматривает возможность дополнения и расширения предложенной классификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянова И.Е. Русская культурно-маркированная лексика в англоязычных произведениях о России и Великой Октябрьской Социалистической революции: дис. ... канд. филол. наук: Днепропетровск, 1984. 206 с.

Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. Изменение ценностных установок модернизируемого общества // Ценности и смыслы. Выпуск № 1 (29). 2014. С. 89–101.

Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 346 с.

Антропова Н.А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2016. № 11 (3). С. 49–55.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства). 2-е изд., исправ. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 364 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

Белов В.Б. Внутри- и внешнеполитические аспекты миграционного кризиса в Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 4. С. 49–55.

Белов В.Б. Выборы нового председателя Христианско-демократического союза Германии // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 1 (231). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2021/an231.pdf (дата обращения: 08.02.2021).

Беляков М.В. Интерпретация интертекста в политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 139–143.

Берков В.П. Современные германские языки: учеб. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ, Астрель, 2001. 336 с.

Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 229–233.

Блохина Е.Н. Диалектная лексика как средство отражения культуры региона (на материале среднебаварского диалекта Верхней Баварии): дис. … канд. филол. наук. М., 2017. 228 с.

Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М.: Русский язык, 1986. 152 с.

Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.А. Кронгауз. М.: «Русские словари», 1996. 412 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии в описание языков. М.: Школа «языки русской культуры», 1999. 777 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Изд. 4-е. М.: Р. Валент, 2009. 360 с.

Вознесенская Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 186 с.

Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: ИРЯП, 1994. 76 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Воронко Е.П. Лексика швейцарского варианта немецкого языка (лингвокультурологический аспект): дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 228 с.

Глушак В.М. Парадигма речевого поведения немцев // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 183–189.

Глушак В.М., Шамаева Е.В. Концептуальная стурктура позитивного имиджа политических партий Германии (на материале немецкого парламентского дискурса) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 144–151.

Глушак В.М., Принципалова О.В. Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 92–99. DOI: 10.20916/1812–3228–2020–4-92–99.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

Гуманова Ю.Л. Политическая корректность: как это делается в России // Россия и Запад: диалог культур. Т. 1, вып. 8. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 195–202.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры; перевод с нем. М.И. Левиной. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Девкин В.Д. Парадоксы в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1988. № 2. С. 15–21.

Диденко В.Д. Культурно-специфическая лексика в текстах немецкоязычных устных воспоминаний // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 18 (816). С. 111–121.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М.: МГУ, 2000. 240 с.

Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 231 с.

Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб: Наука-СПб, 2005. 1113 с.

Душенко К.В. История знаменитых цитат. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 500 с.

Евтеев С.В. Проблема моделирования лингвокультурологического контекста при переводе научного текста (на материалах русского, немецкого и английского языков: дис. … канд. филол. наук. М., РУДН, 2003. 201 с.

Евтеев С.В. Интеркультура и перевод (лингвокультурологическая модель перевода) // Ментальность. Коммуникация. Перевод. Сб. статей памяти Ф.М. Березина; Отв. ред. и сост. Раренко М.Б. М.: ИНИО РАН, 2008. С. 51–64.

Едличко А.И. Имя собственное в протестном политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. Т. 14. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 106–116.

Едличко А.И. Графическая вариативность как феномен политкорректности // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 60–68.

Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 158–166.

Едличко А.И. Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 154–163.

Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 351 с.

Елизарьева М.А., Чигашева М.А., Блахак Б., Михина М.Ю. Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере «политической пепельной среды») // Научный диалог. 2020. № 7. С. 76–90. DOI: 10.24224/2227–1295–2020–7-76–90.

Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

Зиновьева Е.С. Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4 (20). С. 30–39.

Иванкова Т.А. Национально-маркированная лексика в англоязычных газетах России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3 (5). С. 113–118.

Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 192 с.

Игнатова Е.М. Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4 (20). С. 40–49.

Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2012. 296 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: ОГУ, 1999. 285 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Кириллина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995. 221 с.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. 192 с.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с. Режим доступа: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-208.htm#zag-1865 (дата обращения: 23.02.2021).

Комисарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера: дис. … канд. филол. наук. Орел, 2008. 250 с.

Кочедыков Л.Г., Жильцова Л.В. Краткий словарь библейских фразеологизмов. М.: Бахрах-М, 2006. Режим доступа: URL: https://www.bible-center.ru/ru/article/dictionaryart (дата обращения: 14.02.2021).

Крячкова А.П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 170 с.

Крячкова А.П. Культурно-маркированная лексика как прием речевых стратегий в политическом дискурсе Германии // Филологические науки в МГИМО. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 25–35.

Куликов Г.И., Мартиневский В.И., Ладисов А.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Г.И. Куликова. Мн.: Выш. шк., 2001. 294 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие. 3-е изд., стер. Дубна: Феникс+, 2005. 479 с.

Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

Левенкова Е.Р. Интертекст как средство реализации агональной стратегии в политическом дискурсе Великобритании // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011а. № 20 (235). С. 105–111.

Левенкова Е.Р. Интертекст как средство реализации информационной стратегии в институциональном политическом дискурсе Великобритании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров: Издательство ВятГГУ. 2011б. № 2 (2). С. 56–61.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache: лингвострановедческий словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русские словари [и др.], 2001. 413, [2] с.

Мамонтов А.С., Волкова З.Н. Системность, национально-культурный компонент и сопоставительное лингвострановедение // Материалы IX международного конгресса МАПРЯЛ: Тезисы докладов и сообщений. Братислава, 1999. С. 143–144.

Мамонтов А.С. Язык и культура (основы сопоставительного лингвострановедения): дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. 326 с.

Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. 2019. Т. 17. С. 143–156.

Мамонтов С.П. Основы культурологии. 2-е изд., доп. М.: Изд-во РОУ, 1996. 272 с.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–47.

Маркина Л.Г. Культура Германии = Kultur Deutschlands: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / Л.Г. Маркина, Е.Н. Муравлева, Н.В. Муравлева; под общ. ред. Н.В. Муравлевой. М.: АСТ [и др.], 2006. 181, [1] с.

Марков С.А. Политические профессии // Полития. 1999. № 2 (12). С. 8–19.

МАС = Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., исправ. и доп. Том III. М.: Русский язык, 1983. 752 с.

Меркиш Н.Е. Культурный компонент значения лексических единиц в преподавании иностранного языка: монография. М.: МГИМО-Университет, 2020а. 192, [1] с.

Меркиш Н.Е. Особенности осмысления культурного компонента лексики как предпосылка успешной коммуникации с носителем языка // Science for Education Today. 2020б. № 4. С. 175–188. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658–6762.2004.11.

Мигранова И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2017. 189 с.

Минаева Л.В. Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 15–30.

Минтцель Й.А. Христианско-социальный союз (ХСС) — политика для Баварии, Германии и Европы / Й.А. Минтцель; пер. с нем. С.В. Погорельской // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 1. С. 101–127.

Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: НВИ Тезаурус, 1997. 157 с.

Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 1990. 72 с.

Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 155–161.

Москвин В.П. Методы и приемы лингвистического анализа: монография. М.: ФЛИНТА, 2015а. 224 с.

Москвин В.П. Методика интертекстуального анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2015б. № 3. С. 116–121.

Никитина О.А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 42–54.

Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.

Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск : Вышэйш. шк. 1987. 220 с.

Образовательный стандарт высшего образования МГИМО МИД России. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 41.03.05 — Международные отношения. Режим доступа: https://mgimo.ru/sveden/eduStandarts/41–03–05-mo-ps-bak.pdf (дата обращения: 30.09.2020).

Образовательный стандарт высшего образования МГИМО МИД России. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 41.03.01 — Зарубежное регионоведение. Режим доступа: https://mgimo.ru/sveden/eduStandarts/41–03–01-zar-regionovedeniye-ps-bak.pdf (дата обращения: 30.09.2020).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Основные понятия немецкоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / ИНИОН РАН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. и сост. Раренко М.Б. М., 2013, 25 с.

Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: ГЛОССА; СПб.: КАРО, 2004. 336 с.

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

Петрова Е.И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 134–139.

Погорельская С.В. Йошка Фишер: политический портрет. РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки. М., 2003. 108 с.

Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи: на основе нем. справ. Shubert/Klein. Das Politiklexicon / пер. с нем. В.П. Любина, М.А. Елизарьевой; под общ. ред. В.П. Любина и Р. Крумма; науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 783 с.

Полякова Л.С. Прием языковой игры в политической коммуникации / Л.С. Полякова, Е.В. Суворова // Казанская наука. Филологические науки — языкознание. 2018. № 11. С. 174–176.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М: Наука, 1988. С. 8–69.

Попова Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе (на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 220 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 148 с.

Профессиональный стандарт «Политолог». Режим доступа: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/docs/Profstandart.pdf. (дата обращения: 11.09.2020).

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект-Пресс, 2001. 536 с.

Ризель Э.Г. Национальные варианты современного немецкого языка // Иностранные языки в школе. 1962. № 6. С. 103–110.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель-АСТ, 2001. 624 с.

Рыбачук К.Ю. Типология интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе Великобритании и США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3 ч. Ч. 3. С. 164–167.

Рыбачук К.Ю. Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2019. 247 с.

Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 1999. 544 с.

Сапожникова Л.М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 175–185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.009.

Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. … д-ра пед. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1992. 672 с.

Святова М.И. Структурно-семантический состав культурно-маркированной лексики в сопоставительном аспекте (на материале произведений В.М. Шукшина и их переводов): дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 258 с.

Северова Н.Ю. Семантико-прагматические особенности немецкого языка в ГДР : монография / под ред. М.А. Чигашевой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 253 с.

Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 96–212.

Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 185–194.

Синельникова Л.Н. Введение в лингвистическую гендерологию: материалы к спецкурсу / Л.Н. Синельникова, Г.Ю. Богданович. Симферополь, 2001. 40 с.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд- во ВГУ, 2001. 252 с.

Столетов О.В., Чихарев И.А. К вопросу о профессионализации деятельности в сфере политики: российская практика // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 59–71.

Стрелец М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Брест : Издательство БГТУ, 2004. 410 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : URSS, 2019. 368 с.

Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. М.: URSS, 2019. 256 с.

Супрун А.Е. Лекции по языкознанию. Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1971. 144 с.

Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

Тимошенкова Е.П. Итоги выборов в бундестаг: новые вызовы — старые ответы // Современная Европа. 2018а. № 2. С. 29–39.

Тимошенкова Е.П. Почему А. Меркель отказалась от поста председателя партии ХДС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018б. № 6. С. 65–70.

Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 15–26.

Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 486 с.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 238 с.

Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 13–18.

Трошина Н.Н. Теория национальной вариативности немецкого языка в научном наследии Э.Г. Ризель и современный научный дискурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 12 (841). С. 58–170.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филология ТРИ, 2003. 416 с.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 46 с.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. 238 с.

Ханина Е.А. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе // Филология и человек. 2014. № 3. С. 102–109.

Ханина Е.А. Манипулятивный характер языковой игры (на материале немецкого политического дискурса): дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 189 с.

Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. М., 1958. Т. XVI. С. 223–224.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Чигашева М.А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. № 24 (765). С. 50–59.

Чигашева М.А. Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017а. Т. 8. № 2. С. 358–366.

Чигашева М.А. Лексические новообразования в немецком политическом медиа-дискурсе. Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2017б. № 2. С. 186–191.

Чигашева М.А. Коммуникативные сложности в рамках немецкой лингвокультуры // Иностранные языки в школе. 2017в. № 5. С. 46–50.

Чигашева М.А. Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 644–652.

Чигашева М.А. Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3 (23). С. 72–79.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА. 2020. 256 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России: монография. М.: Флинта, 2010. 147 с.

Шамсутдинова А.И. Использования языковой игры в политическом дискурсе // Известия вузов. 2011. № 1. С. 333–335.

Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.

Шевякова К.В., Чигашева М.А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга. Свыше 20 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией. М.: Живой язык, 2015. 224 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. …д-ра филол. наук. Волгоград. 2000. 440 с.

Шимкевич Н.В. Эволюция русской политонимии в новейшее время // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 178–198. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021.

Юдина Т.В. В поисках политического центра: новое профилирование германских партий и борьба за понятия // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 55–78.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Яковлева Т.А. Национально-культурная специфика австрийского немецкого в сферах экономики, политики и права // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 23 (3). С. 131–137. https://doi.org/10.24833/2410–2423–2020–3-23–131–137.

Ясиненко Н.П. Русская лексика на страницах англоязычной прессы, издаваемой в России: культурологический аспект: дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 191 с.

Яшина М.Г. Анализ и семантизация культурно-маркированной лексики: на материале итальянского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.

Ammon, U. Vorüberlegungen zu einem Wörterbuch der nationalen Varianten der deutschen Sprache // Neue Forschungsarbeiten zur Kontaktlinguistik. Bonn, 1977. S. 1–9.

Ammon, U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: das Problem der nationalen Varietäten. Berlin: de Gruyter, 1995. 575 S.

Ammon, U. et al. Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin: W. de Gruyter, 2004. 954 S.

Artman, H.C. Österreichisch-Deutsches Wörterbuch. Wien: Büro X, 2013. 96 s.

Benson, M. Culture Specific Items in Bilingual Dictionaries of English // Journal of the Dictionary Society of North America. Cleveland OH: Journal of the Dictionary Society of North America, 1990. № 12. P. 40–52.

Bickel, H. Deutsch in der Schweiz als nationale Varietät des Deutschen // Sprachreport. 2000. Heft 4. S. 21–27.

Da bin ich daheim 2020. Режим доступа: https://www.br.de/br-fernsehen/sendungen/da-bin-ich-daheim/a-z-liste-idents100.html (дата обращения: 29.01.2021).

Diewald, G., Steinhauer, A. Richtig gendern. Berlin: Dudenverlag, 2017. 128 S.

Dijk, T.A. van. News as Discourse. New Jersey; K.: Lawrence Elbbaum Associates. Publ., 1988. VIII. 200 p.

Földes, C. Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2014. 279 S.

Haas, W. Die Sprachsituation in der deutschen Schweiz und das Konzept der Diglossie // Dialekt, Regiolekt und Standardsprache im sozialen und zeitlichen Raum. Wien: Hg. Helen Christen, 2004. S. 81–110.

Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik. 2. Aufl. Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verl. 1991. 285 S.

Klein, W. Looking at Language. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2018. 528 p.

Pusch, L.F. Das Deutsche als Männersprache. 2. Auflage. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 2017. 202 S.

Schippan, Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., unveränderte Auflage. Tübingen: Niemayer, 2002. 306 S.

Schudson, M. Sending a Political Message. Lessons from the American 1790s. London: Media, Culture and Society. 1997. Vol. 19 (3). P. 34–356.

Seidel, G. Political Discourse Analysis. London: Academic Press. 1985. Vol. 4. P. 43–60.

Stefanowitsch, A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin: Dudenverlag, 2018. 63 S.

Wahrig Deutsches Wörterbuch. München. Mosaik Verlag GmbH. 1988. 1493 S.

Wasner, B. Politischer Aschermittwoch / B. Wasner, publiziert am 20.03.2013; in: Historisches Lexikon Bayerns. URL: https://

www.historischeslexikon-bayerns.de/Lexikon/Politischer_Asc Istochniki (дата обращения: 08.07.2020).

Wengeler, M. Schäubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personennamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Düsseldorf, Trier. 2010. P. 79–98. Режим доступа: http://www.komparatistik-online.de (дата обращения: 20.08.2020).

Wolf, G. Laptop und Lederhose / G. Wolf, publiziert am 07.09.2012; in: Historisches Lexikon Bayerns. Режим доступа: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Laptop_und_Lederhose (дата обращения: 29.01.2021).

Использованные интернет-источники

Большая российская энциклопедия (www.bigenc.ru). Универсальная энциклопедия, создается Российской академией наук при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Википедия (www.wikipedia.org). Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом американской некоммерческой организации «Фонд Викимедиа».

BedeutungOnline (www.bedeutungonline.de). Немецкоязычный интернет-портал, специализирующийся на толковании лексических единиц разговорного регистра современного немецкого языка (диалектно-, просторечно- и/или разговорно-окрашенная лексика).

Bild (www.bild.de). Онлайн-версия крупнейшей немецкой ежедневной иллюстрированной газеты-таблоида издательства Axel Springer Verlag.

Bundesministerium für Bildung und Forschung (www.bmbf.de). Сайт Федерального министерства образования и научных исследований Германии.

CDU-Hamburg (www.cduhamburg.de). Сайт регионального отделения ХДС в федеральной земле Гамбург.

CHIP Digital GmbH (praxistipps.chip.de). Интернет-портал медийного концерна Hubert Burda Media.

Der Tagesspiegel (www.tagesspiegel.de). Онлайн-версия ежедневного регионального издания концерна DhV Medien, издается в Берлине.

Deutsche Welle (www.dw.de). Сайт немецкой международной телерадиокомпании, входит в систему вещания компании ARD.

Die Tageszeitung (www.taz.de). Онлайн-версия ежедневной газеты Германии, коммерчески независимой, позиционирующей себя как альтернатива мейнстриму в журналистике, управляется кооперативом сотрудников, издается в Берлине.

Die Welt (www.welt.de). Онлайн-версия информационно-аналитической еженедельной газеты Германии консервативной направленности издательства Axel Springer Verlag.

Duden-online (www.duden.de). Онлайн-версия словаря современного немецкого языка Библиографического института Германии.

DWDS (www.dwds.de). Лингвистический корпус современного немецкого языка, проект региональной Академии наук Берлин-Бранденбург.

Focus (www.focus.de). Онлайн-версия немецкого информационно-политического еженедельного иллюстрированного журнала медийного концерна Hubert Burda Media.

Frankfurter Allgemeine Zeitung (www.faz.net). Онлайн-версия межрегиональной немецкой газеты либерально-консервативной направленности независимого фонда FAZIT.

GUFO.ME (www.gufo.me). Веб-сайт тематических словарей и энциклопедий публичного доступа на русском языке.

Lexikon zur öffentlichen Haushalts- und Finanzwirtschaft (www.haushaltssteuerung.de). Толковый словарь терминов и понятий сферы государственного бюджета и финансов на немецком языке.

Mundmische (www.mundmische.de). Онлайн-словарь современного разговорного немецкого языка и сленга.

Norddeutscher Rundfunk (www.ndr.de). Сайт общественной телерадиокомпании федеральных земель Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония, Гамбург и Мекленбург — Передняя Померания.

N-tv (www.n-tv.de). Сайт информационно-новостного коммерческого телеканала Германии концерна RTL Group.

Plenarprotokolle des Bundestages (www.bundestag.de). Стенограммы заседаний германского бундестага.

Rbb 24 (www.rbb24.de). Информационный региональный портал федеральных земель Берлин и Бранденбург.

Tagblatt (www.tagblatt.ch). Сайт швейцарского регионального издания кантона Санкт-Галлен.

Tagesschau (www.tagesschau.de). Сайт немецкой национальной и международной телевизионной службы новостей, входит в систему вещания компании ARD.

T-Online (www.t-online.de). Новостной портал Германии, принадлежит цифровой многоканальной медиакомпании Ströer.

Saarländischer Rundfunk (www.sr-mediathek.de). Общественная телерадиокомпания федеральной земли Саар.

Der Spiegel (www.spiegel.de). Сайт еженедельного информационно-политического журнала Германии издательства Spiegel Verlag Rudolf Augstein GmbH&Co. KG. Онлайн-версия журнала (Spiegel-online) принадлежит компании SPIEGELnet AG.

Statistisches Bundesamt. Destatis (www.destatis.de). Сайт федерального статистического ведомства Германии, относится к министерству внутренних дел ФРГ.

YouTube (www.youtube.com). Бесплатный многоязычный видеохостинг концерна Google.

ZDF (www.zdf.de). Сайт немецкой общественной телекомпании, Второй канал немецкого телевидения.

Zeit-online (www.zeit.de). Онлайн-версия еженедельной газеты Германии центристкого направления, принадлежит компании Verlag Gerd Bucerius GmbH&Co., входящей с 1996 г. в издательскую группу Georg von Holtzbrinck, издается в Гамбурге.

M.A. Chigasheva, M.A. Yelizaryeva, T.S. Larina, A.P. Kryachkova

CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY OF GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Monograph

Abstract

The monograph presents the results of a linguistic analysis of political discourse specific concepts in modern Germany. The research was carried out on the texts of public speeches of the leaders of the conservative parties of the Federal Republic of Germany (CDU, CSU) and their youth organization (Youth Union CDU/CSU) at the traditional for the country events — *Politischer Aschermittwoch* and *Deutschlandtag*. In the course of the research, lexical units that contain professional, national and cultural markers in their semantics have been identified. Three groups of culture-specific vocabulary (realia, background and gender-specific units) have been analyzed, its discursive functions have been described (speech strategies and tactics, language game, intertext), prospects for further research have been determined.

Key words: German language, political discourse, culture-specific vocabulary, realia, background and gender-specific units, language game, intertext.

Научное издание

Чигашева Марина Анатольевна, **Елизарьева** Мария Алексеевна,
Ларина Татьяна Сергеевна, **Крячкова** Александра Павловна

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

Монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *В.С. Поляничева*
Художественное оформление *Е.С. Игнатова*

Подписано в печать 21.10.2021. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 8,8. Заказ 1016

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76